

Фалькон-Баркер

1600 лет под водой

Annotation

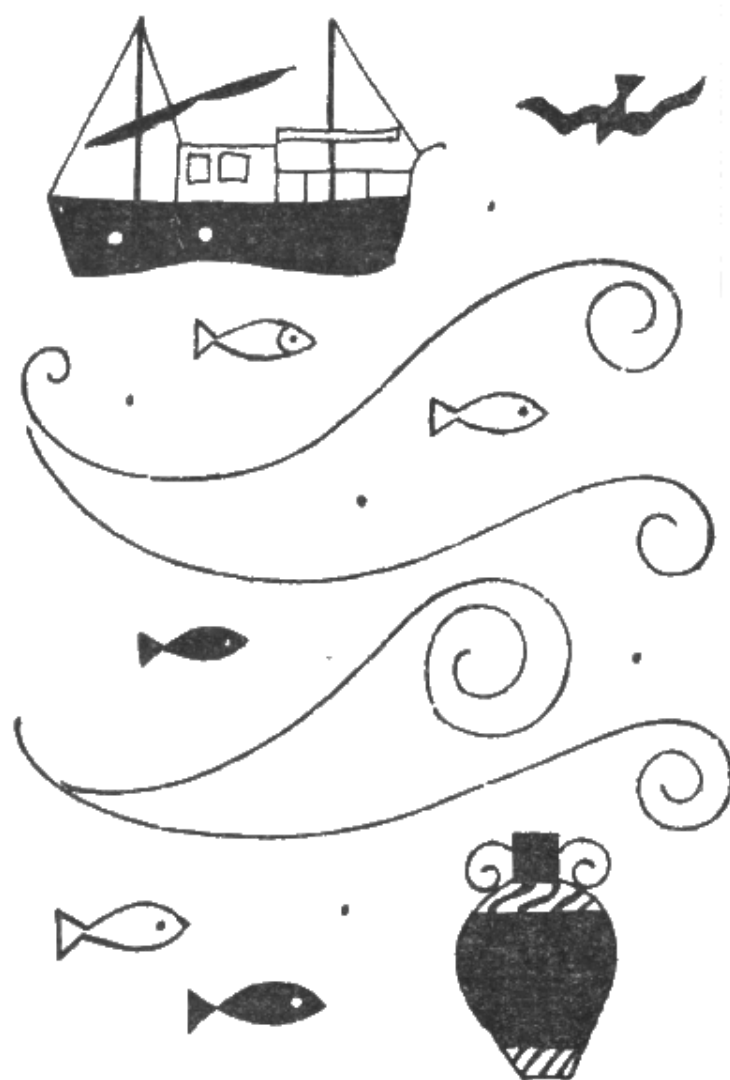
Тад Фалькон-Баркер австралиец по происхождению, живет сейчас в Англии. После войны он, как и многие, увлекся подводным спортом. Впоследствии увлечение перешло в страсть, которая заставила его стать аквалангистом-профессионалом.

Фалькон-Баркер участвовал в различных экспедициях, пока в середине 60-х годов не встал во главе группы аквалангистов и археологов любителей, которые на свой страх и риск снарядили экспедицию к берегам Югославии с целью отыскать таинственно исчезнувший древний город.

Автор описывает множество приключений, испытанных им и его друзьями. Одни из них были чреваты опасностями, другие — забавны. В результате упорных поисков на дне морском были обнаружены стены бывшего города, остатки кораблей, древние амфоры, статуи, плитки с надписями, утварь и многое другое, что послужило ценным пополнением югославских музеев и дало богатый материал историкам и археологам. Читается книга с большим интересом, а отдельные страницы с волнением за судьбу ее героев.

-
- - ◦ [Глава I](#)

- [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [INFO](#)
 - [Издательство «Мысль» в 1967-1968 гг. выпускает:](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Издательство
«Мысль»

Путешествия • Приключения • Фантастика

Фалькон-Баркер

1600 ЛЕТ ПОД ВОДОЙ

Издательство • «Мысль» • Москва • 1967

*

*Главная редакция
географической литературы*

Ted Falcon-Barker
1600 years under the sea
New York, 1964

Перевод с английского А. С. Розенцвейга

М., «Мысль», 1967

Глава I

Первая находка

Я соскользнул с трапа. Легкий всплеск — поверхность воды сомкнулась над головой, и я стал плавно погружаться в берилловую глубь. Встречай меня, Эпидавр! Я первый гость твой за шестнадцать столетий! Если поблизости и слонялись акулы, то, наверное, велико было их изумление при виде призрака, который, будто спустившись к ним с небес, парил меж островерхих крыш древнего города!

В то утро мы избороздили бухту вдоль и поперек. С правого борта к яхте был пришвартован резиновый плотик со стеклянным дном, на котором плыл Ханс, а у левого борта стояла Бел с аквалангом и в маске, готовая ринуться вниз по первому сигналу. Видимость была ничтожной, дно едва-едва просматривалось, а о том, чтобы осмотреть глубинную часть бухты, нечего было и думать, во всяком случае до более солнечных дней.

Несколько грузил с ярко раскрашенными поплавками лежали на палубе, дожидаясь своего часа: они вылетят за борт, как только покажется что-нибудь стоящее, но... за три часа напряженного наблюдения мы не увидели ничего интересного — лишь нескончаемые кущи струящихся водорослей да несколько светлых островков песка и ила на дне. А потом похолодало, и начался дождь. Согласитесь, не очень обнадеживающее начало. И вдруг... по крику Ханса я швыряю поплавок за борт и одним усилием выбрасываю рядом с ним якорь. Эхолот показывает около одиннадцати метров.

Ханс и Бел торопливо вскарабкались на палубу и натянули многочисленные доспехи. Я сделал то же самое...

Какая-то рыба подплыла во всем яркоцветье своей пестрой чешуи и ткнулась мне в живот толстыми выпяченными губами. Это губан. Любопытный обитатель средиземноморских глубин бросал вызов самой смерти; он отважно покинул свое убежище в скалах, чтобы взглянуть на уродливого пришельца из другого мира. Возможно, в душе его жил исследователь. Что ж, приятель, ты достоин всяческого уважения и сочувствия.

Я расстался с ним резким толчком, когда, отчаянно барахтаясь, пытался оторвать свое распростертое тело от жесткой постели морского дна. Взяв, по всей видимости, слишком много груза, я, как это часто бывает в таких случаях, оказался плотно прижатым к слою ила на дне. Когда же мне удалось наконец выбраться из пены морской, темное марево взметнувшейся мути уже поглотило все вокруг. Выждав, пока оно осядет, я осмотрелся. Было довольно грустно и пустынно. Что-то Бел слишком копается... Обычно она прыгает сразу же за мной. Может быть, что-нибудь не в порядке с костюмом? Я снова огляделся. Ага, вот и она плавно скользит слева, оставляя позади себя шлейф серебристых пузырьков. Я посмотрел на компас у запястья. Мы ведь решили начать с южной оконечности бухты — о'кей, это и есть юг. Бел заметила меня и готова плыть следом. Я мягко двигаюсь вперед, прижав руки к бедрам. Дышать равномерно... без лишних движений, только плавно перебирать ногами — надо подольше сохранить драгоценный запас воздуха в акваланге.

Я плыл все дальше. Пока ничего нового, ничего, что мне не приходилось бы видеть на морском дне в самых

различных местах: от студеных вод Саутгемптона до изнуряющего пекла Новой Гвинеи.

Бел плыла немного позади и чуть выше: одно из наших непреложных правил гласит, что никто не смеет нырять без своего ведомого.

Но вот на дне выступ странной формы. Один из углов заострен, будто это люлька, забытая кем-то на морском дне. Впрочем, комендант гавани уверял, что никаких работ в бухте не велось. Я решил поглядеть, что бы это могло быть. Боже мой, просто-напростодохлая лошадь, или, точнее, то, что от нее осталось.

— Что ты там увидел? — накинулся на меня Ханс, когда мы всплыли.

— Лошадь, — с отвращением сказала Бел. Мы нырнули еще раза два и обнаружили несколько подозрительных выступов на морском дне. Их мы исследуем позднее, а сейчас назад, к месту якорной стоянки.

На следующее утро пришлось подняться чуть свет, так как Бел предстояло кое-что закупить в городе. Но прежде чем ей удалось собраться, нагрянули первые посетители: наш ученый друг — профессор и с ним еще некто решили нанести нам утренний визит.

— Доброе утро, коллеги, — заорал профессор. — А вы, я смотрю, ранние пташки. Вот захватил с собой приятеля, просто так, познакомиться с вами. Кстати, что это вы там нашли вчера?

— Мертвую лошадь, — ответил Ханс.

Ответ, казалось, поразил его.

— Площадь? Боже мой! Очень, очень интересно! Они отыскиали площадь! — проревел он прямо в ухо своему, по всей видимости, глухому спутнику.

— Да, да. Большое спасибо! — произнес тот, обращаясь к Бел. — Я и в самом деле голоден как волк.

С этими словами он уселся в кресло.

— Позвольте налить вам немного кофе, — сказала Вел, безропотно принимая этот удар судьбы.

— Они нашли целую площадь, — бубнил между тем профессор, все еще не теряя надежды довести это до сведения своего непробиваемого друга.

— Ага, понял. Бедная лошадка, и что ей там понадобилось?

— Да не лошадь, а площадь, — взвизгнул профессор, выйдя из себя.

— Нет, нет, именно лошадь, а не площадь, — скорбно пояснил Ханс.

После этого профессор пробыл у нас весьма недолго и вскоре отбыл, что-то сердито бормоча себе под нос.

Глава II

Как все это началось

После столь короткого и столь вздорного вступления, к счастью нетипичного, мне хотелось бы объяснить, где все это происходило и каким образом я и моя жена Бел очутились в тех местах. Кроме того, в повествовании часто будет фигурировать еще один персонаж — Ханс, Ханс ван Прааг. Страстный коллекционер произведений искусства, он был к тому же археологом-любителем и умелым аквалангистом.

Впервые, как мне сейчас кажется, мысль пошататься «по морям — по волнам» пришла мне в голову, когда я еще служил в морской пехоте. Я был одним из многих австралийцев-командос, высадившихся в 1944 году на небольшом островке в Тихом океане. Уже тогда, несмотря на суровые военные будни, мне понравился шелест пальмовых листьев, золотой прибрежный песок и кристальная прозрачность моря. По окончании войны я свел знакомство со многими классными яхтсменами, но, насколько помню, ни один из них так и не пробудил во мне желания поднять парус и попытать удачи самому. Кроме того, в свете моих финансовых возможностей даже ялик и пара весел казались несбыточной мечтой, не говоря уж о яхте.

И все же я достал яхту. В одном из лондонских яхт-клубов я встретил двух своих соотечественников, которые обдумывали планы возвращения в Сидней. И вот через несколько дней я предстал в новой для себя роли шкипера на парусной яхте. Мы называли ее «Язычник». Это было плохо скроенное, но крепко сбитое рыбацкое судно, которое несколько лет пролежало на

песчаной отмели в Фалмуте. Я погнал его своим ходом вверх по Темзе, где вскоре убедился, что ничего не смыслу в яхтах. На главном судоходном фарватере Темзы машина кашлянула несколько раз, захлебнулась и смолкла. После этого мне пришлось грести две мили в ялике до ближайшего гаража, отыскать механика и уговорить его поплыть со мной и запустить яхту. Казалось, больше мне ничто не угрожало. Но, не желая рисковать, я здраво рассудил, что Темза ночью может выкинуть что угодно, а потому подвязал «Язычник» к какой-то барже. За эту ночь мое знание приливов и отливов, а также всего, чем они чреваты для желторотых навигаторов вроде меня, значительно обогатилось...

Когда мое суденышко запрокинулось на обнаженном после отлива дне, а меня самого выбросило из койки, не оставалось ничего другого, как провести всю ночь в нижнем белье и при этом то и дело дергать за одну из бесчисленных веревок. Я и по сию пору не знаю, тянул ли я за те веревки, что надо, но, к счастью, вода стала прибывать, и «Язычник» наконец снялся с мели.

С этого момента все свое свободное время (двадцать четыре часа в сутки) я проводил в теснейшем общении с кипами пакли, кусками железа, канистрами с краской и маслом и лишь изредка успевал пожевать что-нибудь в высшей степени сухое и черствое.

Потом явились неизбежные представители прессы «Что у вас здесь такое?». Ответ мой был непечатным.

— Куда путь держите?

На это у меня вообще не было готового ответа, поэтому я буркнул:

— В Новую Зеландию.

А потом местные газетные асы стали набирать темп: «Безумная авантюра», «В Новую Зеландию за шесть пенсов», «Мужество», «Жив еще дух флибустьеров».

Вскоре меня стали спрашивать: «Как, вы еще здесь?» И мне попросту пришлось убраться. В своем яхт-клубе я подобрал пятерку таких же мятежных духом, и после нескольких тренировочных вояжей, от которых у нормального человека волосы встали бы дыбом, мы прибыли в Фалмут.

Здесь не время и не место повествовать о нашем плавании в Новую Зеландию. Мы добрались туда, уж поверьте мне на слово. Но что гораздо важнее, море и яхты были теперь у меня в крови. И я стал отличным пловцом, что, к слову сказать, было на нашей посудине жизненной необходимостью. Идеи, одна другой сумасброднее, так и роились в голове, и «теплые моря меня влекли». Я вернулся в Англию и стал подыскивать себе новую яхту.

Последующие несколько месяцев прошли в поездках по Англии: от въедливого лондонского смога до прозрачного холода Шотландии, из одного рыбацкого городка в другой. Были ночи меж двух оледеневших простыней, под крики чаек, после скудной трапезы из водянистой капусты и нестареющего хрустящего картофеля. Были бесконечные часы монотонной тряски в затхлом полумраке вагона, где легкие тотчас же наполняются запахом дезинфектанта, которым Британское управление железных дорог нескудеющей рукой посыпает отхожие места в подведомственных ему средствах передвижения. А потом был Уэльс, заштатный городишко Конуэй, где в грязных водах местной бухточки я впервые узрел ее.

Она называлась «Оленьи копытце» и была старой негодной яхтой.

— Продается она?

— Да, продается.

Два дня ушло на то, чтобы убедить владельца, что я не желаю его яхте ничего плохого, что она попадает в хорошие руки, и наконец она — моя. Возвратившись в

Лондон, я бросил клич: «Кто хочет помочь мне перегнать мою ладью на Темзу? Еда за мой счет».

Нагрузившись, как вьючные лошади, тюками с картами, связками канатов, радиоаппаратурой, столярным, малярным и всяким прочим инструментом, мой наскоро сколоченный экипаж первым же поездом отбыл на север. Две недели ушло на то, чтобы почистить яхту, перебрать двигатель, зарядить батареи, обновить канаты и такелаж, наконец, соскрести несколько тонн мидий, что налипли на бортах за долгие годы ее беспросветной стоянки. А потом... чихнув раза два в предутреннем морозном воздухе, я прошел на негнущихся ногах к штурвалу и повел свою яхту на юг. Городские часы пробили шесть.

Не было видно ни зги, и в довершение всего на нас обрушился холодный дождь с градом: декабрь никогда не считался подходящим месяцем для спокойного плавания в Ирландском море.

Через полгода я подобрал другую команду и поплыл в Каскео под Лисабоном, а потом на Балеарские острова, в Ибизу, в нескольких сотнях миль на северо-восток от Гибралтара.

К этому времени «Копытце» стало совершенно неузнаваемо, и, храня верность своей первой любви, я переименовал его в «Язычник II». Он был оснащен компрессором, аквалангами и вспомогательным оборудованием на восемь ныряльщиков, а ведь у нас была еще подводная фотокамера и все необходимое для того, чтобы открыть новичку прелести подводного спорта. В качестве секретаря клуба подводных исследований — тесного сообщества людей, душой и телом преданных подводному спорту, — я повел яхту на место нашего летнего randevu.

База нашего клуба подводных исследований находилась на Балеарских островах — в порту Сан-Антонио, процветающем и не часто посещаемом

туристами городишке на запад от Ибизы. Целые дни проводили мы под водой... Подножия скал в этих местах служат пристанищем неизменно дружелюбным стаям массивных меру, стремительных холодноглазых барракуд, отвратительным муренам и полчищам всякой мелкой рыбешки. Здесь мы познали недвижимую безмятежность и резкие контрасты мира невесомости, где глубокий вдох поднимает вас, словно перышко, а выдох ласково погружает в темные глубины.

Именно там, в Ибизе, в маленьком кафе, я встретил Ханса ван Праага. Геолог по образованию, Ханс участвовал во многих морских экспедициях, воевал, был ранен, но, несмотря на пятьдесят шесть лет и слегка покосившийся каркас, в нем сохранился мятежный искатель приключений, предприимчивый и жизнерадостный. За чашкой кофе он рассказал мне, что года два назад, когда он проводил свой отпуск в Югославии, близ Дубровника, один местный рыбак под пятнадцатиметровой толщей воды показал ему остатки стен исчезнувшего древнего города. Его рассказ захватил меня. С этого все и началось.

Еще через год мы прибыли в Ибизу с твердым намерением осуществить долгожданную экспедицию.

Мы — это я, в качестве начальника экспедиции, моя жена Бел, Ханс ван Прааг, а кроме нас мой старый друг Джон Партви и Ли Кеньон, кинооператор, специалист по подводным съемкам.

Экспедиция была задумана как рекогносцировка, в ходе которой надо попытаться нанести на карту контуры древнего города, а также сфотографировать и описать наиболее интересные находки. Вся работа будет проходить под наблюдением специалистов, и прежде всего Общества охраны исторических памятников в Сплите. Нет, нет, мы не рванемся, закусив удила, на поиски неведомых сокровищ. Наоборот, мы попытаемся поработать серьезно, чтобы хоть немного

приподнять завесу над тайной погребенного в море города. Стоимость экспедиции окупится за счет гонораров за статьи, фотографии, фильм и тому подобное.

Глава III

Эпидавр

На мою долю выпало изыскание различного рода фактов и документов, касающихся тех подводных руин, о которых рассказал мне Ханс. Первым пришло письмо из Сербского археологического института в Белграде: затерянный в глубинах город удалось опознать. Он назывался Эпидавр. Исторические сведения о нем были весьма скудными: за многие века страна пережила столько свирепых войн и опустошительных вторжений, что городские анналы Эпидавра просто не существовали. В то же время сам факт существования города был несомненен, ибо он упоминался в греческих рукописях и надписях на вазах, которые хранились в музее в Дубровнике. А кроме того, в погожие дни сквозь толщу воды в бухте ясно проступали очертания стен, но отсутствие или несовершенство подводного снаряжения мешало проведению более тщательных поисков.

Теперь у нас была по крайней мере отправная точка — название: Эпидавр Иллирийский. Иллирией во времена древних греков и римлян называлась восточная часть Адриатики.

Я разослал во все известные мне научные общества письма, содержащие один и тот же вопрос: «Что вам известно об Эпидавре Иллирийском?» Проходили недели, месяцы. Поток сведений превратился в ручеек, а потом и совсем иссяк. Некоторые из полученных справок не имели к Эпидавру Иллирийскому никакого отношения, другие были явно недостаточны. Причина в обоих случаях была одна и та же: в то далекое время

существовало несколько Эпидавров. Но нам-то нужен был тот, который расположен в Иллирии.

И вот что мне удалось установить: Эпидавр Иллирийский, как, впрочем, и другие города того же названия, был, по всей вероятности, основан как колония греческого города Эпидавра, расположенного недалеко от Микен и Коринфа. Своим возникновением он обязан, конечно, тому же беспокойному духу, который гнал викингов, а позже и моих соотечественников — англичан по белу свету, в далекую Америку или Австралию, где они закладывали Нью-Перты, Нью-Каслы, Нью-Йорки. Точно так же предприимчивые греки покидали берега своей гористой родины: младшему в роду ничего не оставалось, как собрать ватагу таких же, как он, буйных голов, сесть на корабль и попытать счастья в далеких землях. Так он обычно и поступал. И вот по всему Средиземноморью и даже на берегах Черного моря вырастают города-колонии. Крым и Эпидавр Иллирийский были тем северным пределом, дальше которого греки не удосуживались заходить.

Поначалу Эпидавр был окружен варварами. Утверждают, что иллирийцы носили татуировку по всему телу, подобно тому как древние бритты разрисовывали себя вайдой^[1]. Они торговали зерном, скотом, столь нужной солью в обмен на посуду, оружие, благовония, драгоценные камни и другие предметы роскоши. Остатки того, что когда-то было лавкой ювелира, удалось обнаружить на западной оконечности древнего Эпидавра.

Проходили годы, сменялись поколения. А потом нагрянул Филипп Македонский, отец Александра. Он завоевал страну, всколыхнул ее от края до края, но ненадолго. Вскоре все более или менее улеглось и последствия бури сгладились; миновала эпоха

греческого величия, но остались эллинское искусство и культура. А еще через столетие пришли римляне. Начались Иллирийские войны — в 229 и 219 годах до н. э. край был полностью покорен. И снова на Эпидавр спустился мир, и опять лишь на одно столетие. Все иллирийское побережье сотрясали конвульсии умирающей Римской республики и нарождающейся Римской империи. Мирные берега стали излюбленным местом набора рекрутов в римские легионы — не один император Рима был сыном иллирийского солдата. Существует упоминание о том, что в этот период в Эпидавре были расквартированы Седьмой и Девятый легионы. Впоследствии, в годы гражданской войны между Цезарем и Помпеем, город был осажден Октавианом.

Минуло еще сто или двести мирных лет. А потом Римская империя стала расползаться по швам. Зашевелились варвары, чьи вождения простирались дальше зерна в облупившихся амфорах да дешевеньких безделушек. Рим пал. Но возникла Византийская империя, и борьба продолжалась. Великий Юстиниан, сам иллириец по рождению, стальной рукой сдерживал рвущихся готов, вестготов и прочих. В Эпидавре он, по преданию, разместил свой флот.

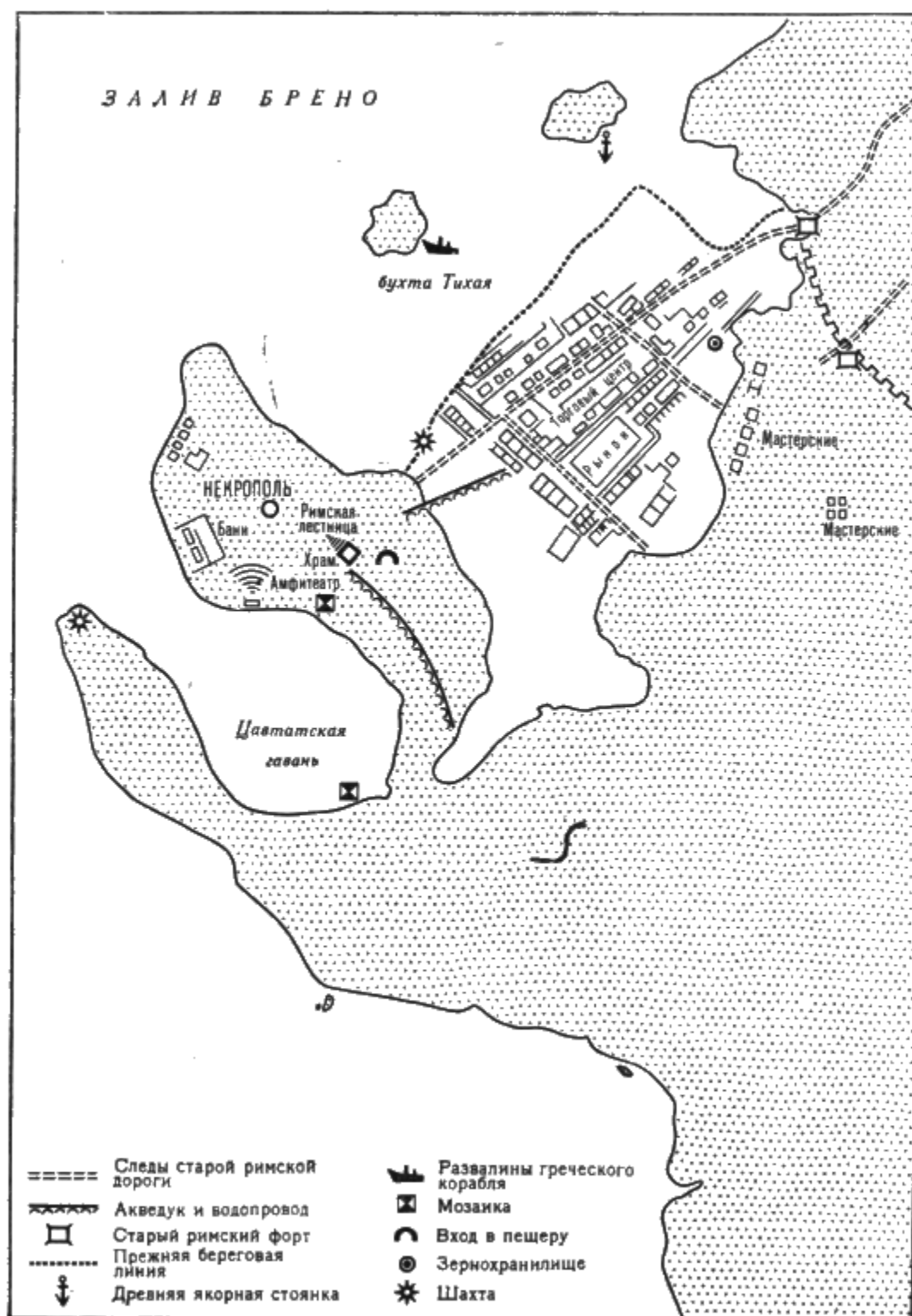
Но конец был неотвратим, ужасающий конец Эпидавра и многих других городов, основанных греками. Вскоре после окончания многолетнего правления Юстиниана, в середине VI века н. э., Эпидавр пал под ударами варваров и был ими безжалостно разграблен. Те немногие, что спаслись бегством от погромов, осели выше по побережью в Раузиуме, впоследствии Рагу-зе, а затем Дубровнике. На месте бывшего Эпидавра возникло новое поселение, своеобразный придаток Рагузы, который стал называться Рагуза-Веккиа. Позже он был переименован в Цавтат — славянский вариант латинского Цивитас,

что означает город. В наши дни Цавтат — это уютный и процветающий прибрежный городок; как видите, римское прошлое, а через него и греческое нашли отражение в самом названии города.

Такова неистовая и бурная история этого края. Впрочем, один акт неистовства я упустил. Но на этот раз его совершил не человек, а природа, что для истории города ничуть не менее важно, а для исследователя ничуть не менее интересно. По утверждениям многих источников, большая часть Эпидавра находится под водой. Как это произошло и что тому причиной? Ответ прост: около 365 года н. э. произошло внезапное опускание суши. Но об этом позже.

...Собирая по крохам все эти сведения, я ни на минуту не прекращал работы по организации экспедиции. Тысяча и одна забота легли на мои плечи: предстояло заказать кое-какое оборудование, акваланги и многое другое. Я знал, что при существующих в Испании беспардонных пошлинах и ограничениях мне не удастся протащить все это через таможню. Поэтому все оборудование было отправлено в Гибралтар, где нам предстояло запастись едой и топливом.

ЗАЛИВ БРЕНО

Примерно в это время в Лондон приехала моя жена Бел. Она была первоклассной ныряльщицей, позировала Ли Кеньону на съемках подводного фильма. Бел была также отличной кулинаркой, а при случае могла постоять час-другой за штурвалом. Она слышала от меня о погребенном городе, но не предполагала, что в качестве взноса за участие в экспедиции ей придется корпеть над целыми томами переписки с бесчисленными корреспондентами, собирать по крохам в мудреных книгах и замшелых рукописях сведения обо всем, что касалось людей, облаченных в хитоны и тоги, их деяний и замыслов.

Наконец, перед самым отплытием я связался с Ником Флеммингом, секретарем Общества подводных исследований Кембриджского университета. Он был очень огорчен тем, что не сможет участвовать в экспедиции лично, но отрядил троих из своей группы. Его водоплавающие и водоныряющие коллеги выразили согласие поработать с нами интереса и искусства ради, но сугубо за свой собственный счет. Таким образом, мы вполне могли дерзнуть и попытаться внести свою лепту в воскрешение Эпидавра — города, погребенного в море.

Глава IV

По Средиземному морю

Плавание в Цавтат вдоль иллирийского побережья, где изменчивый нрав Средиземного моря сулит неожиданности, как и души людей, что населяют эти берега, не обошлось без приключений.

После пяти дней пребывания в Гибралтаре, у причала местного яхт-клуба, мы заполучили наконец то, ради чего, собственно, и приехали сюда, — автоматический штурман фирмы «Маркони». Ветер мешал нам испытать его по всем правилам, но, насколько я мог себе представить, это была голубая мечта яхтсмена. Одно из чудес нашего века представляло собой несколько железных ящиков, набитых хитросплетениями загадочных проволочек и аккуратными механизмами. Вы устанавливаете курс, запускаете машину, а потом, заклинив клапан, даете судну плыть по воле волн. Не правда ли, удобно? И не нужно никакого рулевого, только поглядывай себе, чтобы с кем-нибудь не столкнуться.

Вторым приобретением была гидравлическая якорная лебедка. Отныне мы не будем больше мучиться с тяжелой цепью. Только яхтсмену понятно, что это значит, особенно на больших глубинах, типичных для Средиземного моря.

Оставалось ждать, пока прибудет акваланг с двумя баллонами да маска с круговым обзором, которая незаменима для подводных съемок. Чтобы как-то убить время, мы решили пойти в Алхисерас, расположенный на испанском побережье близ Гибралтара, а заодно испытать наш автоштурман и наполнить тамошним добрым вином сорокалитровый бочонок.

На следующий день пришла телеграмма: оказывается, акваланг выслан до востребования в Неаполь, так что больше незачем торчать в Гибралтаре.

...Мы отплыли в Неаполь в наилучшем расположении духа, предвкушая безмятежную двухдневную прогулку по морю. Но уже на второй день поднялся ветер, а потом три дня штормило, да так, что, казалось, этому не будет конца.

Некогда уютная каюта превратилась в месиво из книг, мокрого белья, перепутанной одежды, среди которых путешествовали из угла в угол неприкаянные банки сардин и размокшие пакеты с мукой. Меня всегда приводит в изумление, как быстро, за какие-нибудь два-три дня непогоды, все то, что было тщательно увязано, затянуто и скреплено, превращается в содом и гоморру.

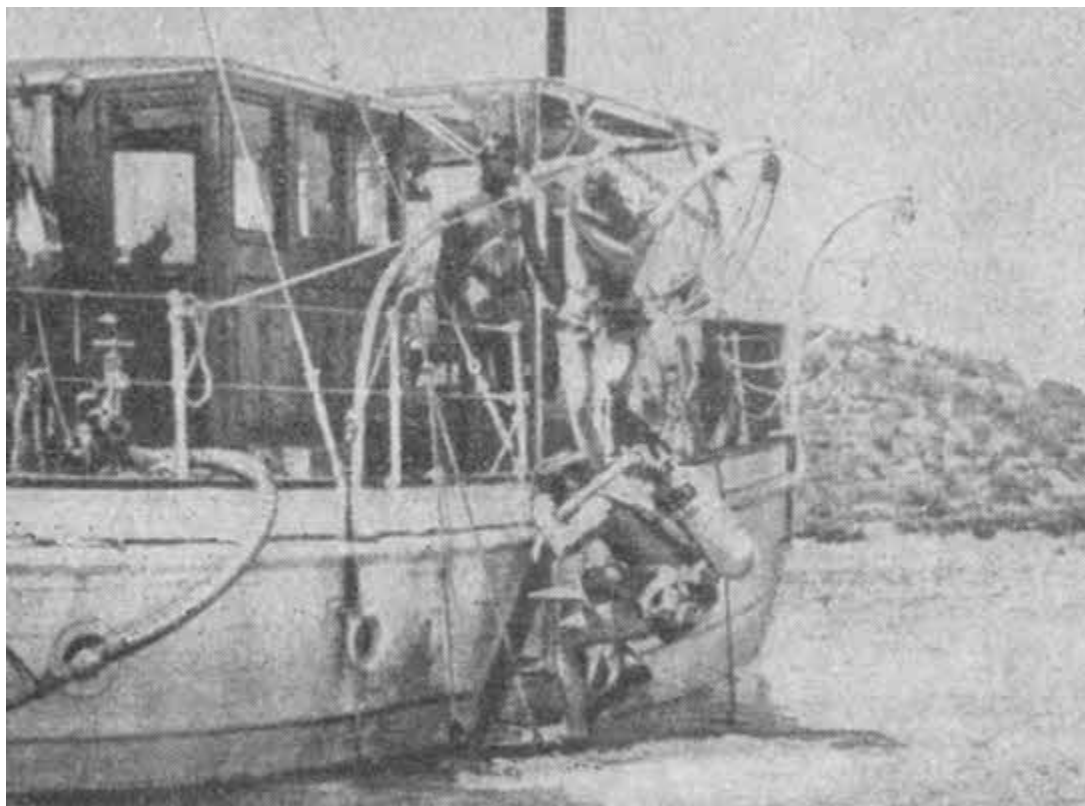
Наконец впереди показалась земля. По моим расчетам это был мыс Спартивенто на юге Сардинии. Местоположение трудно определить в такую погоду, когда не видно ни звезд, ни солнца.

Видимость была никудышной, и я решил идти вдоль берега. Вдруг из машинного отделения послышался металлический скрежет. Я перевел ручку на «самый малый» и попытался по возможности отойти от берега. Но скрежет не только не прекратился, а, наоборот, усилился. Передав штурвал Бел, я метнулся в машинное отделение и, еще не поняв, в чем дело, нутром ощутил, что надо остановить машину. Теперь надо выключить двигатель и снова на палубу.

— Так держи, пока еще есть скорость, только не навись на скалу! — крикнул я Бел.

Мы подняли паруса. Теперь «Язычник» легко разрезал воду. Вообще-то столь малый парус не сдвинул бы яхту с места, но в такой ветер она неслась, как призовой конь. С парусами, трещащими от напряжения, и надрывающимся мотором мы проскользнули метрах в пяти от прибрежных скал и

кое-как пришвартовались. Ночь прошла в тщетных попытках извлечь из двигателя поломанную цепь динамо-машины.

Наше судно — «Язычник»

Наконец ветер спал, и мы двинулись дальше. И это была уже действительно безмятежная прогулка под средиземноморским солнцем, под тиканье автоштурмана, прокладывающего безошибочный курс в Неаполь. В трех часах хода от Неаполя в предутреннем тумане показался Капри. Соблазн был слишком велик. Мы изменили курс и через полчаса встали у причала.

Было семь часов утра, и солнце только-только выползло из-за частокола холмов. В зелени

виноградников белыми точками проглядывали виллы. Ну что ж, богатые мира сего облюбовали себе Капри не зря.

Верно, наиболее хорош Капри рано утром, пока не начали сновать вдоль и поперек по зеркальной глади бесчисленные лодки, яхты, паромы с туристами из Неаполя, которые наезжают тысячами сюда каждый день.

Мы взяли ялик и отправились к заливчику под высоко взметнувшейся скалой, на самой вершине которой парил дворец Тиберия, римского императора эпохи зарождения христианства. Здесь он устраивал нескончаемые оргии.

Мы надели акваланги и добыли на обед немного рыбы. Я не заметил никаких признаков устриц, которых так надеялся тут отыскать. Здесь распространена легенда об одном местном рыбаке, который поймал невиданных размеров устрицу и, надеясь на щедрое вознаграждение, понес ее императору. Он прокрался во дворец и почтительно приветствовал императора. Но Тиберий, страдавший манией преследования и вечно боявшийся наемных убийц, схватил устрицу и изо всей силы бросил ее в лицо несчастному. Он выбил рыбаку глаза, а потом кликнул стражу и приказал сбросить его в море.

Я подумал об этом бедняке потому, что потревожил на дне прах его и других неудачников, которых низвергла в море с пятисотметровой высоты прихоть одряхлевшего тирана. Впрочем, это было давным-давно. И возможно, Тиберия оклеветали. Так или иначе, но сейчас на этом месте плавают самые обыкновенные рыбы, ползают раки-отшельники да еще шалый ветер тревожит разудалым свистом руины дворца.

Неаполитанская бухта, куда мы вскоре прибыли, была, казалось, нашпигована яхтами всех стран и народов. Там мы получили телеграмму от Ханса,

который из-за случайной задержки обещал поджидать нас в Бриндизи, расположенном как раз на нашем пути, на Адриатическом побережье Италии.

А через день на горизонте показалась желто-серая шапка Стромболи. Поскольку погода нам благоприятствовала, мы подошли с севера прямо к стене из застывшей лавы, бросили якорь и интереса ради сделали несколько погружений. Ничего особенного не увидели. Ни растений, ни рыб, только голые скалы. В общем довольно зловещее местечко. Несмотря на то что Стромболи все время дышит, грозит, население островка достигает сейчас двух тысяч. Потоки застывшей лавы и камни в том месте, где мы ныряли, разительно контрастируют с яркой зеленью заселенных склонов.

Еще пара дней плавания, и мы пришвартовались у нового пирса в Бриндизи. Здесь встретили наконец Ханса. Он был несказанно рад, потому что шатание в итальянских поездах и переговоры с носильщиками, которым он передал «на чай» целое состояние, истощили и его самого и его кошелек.

Через два часа надвинулись тучи, молнии вспороли небо, и начался ливень с сильным ветром. Скорость упала до трех узлов. Шторм все усиливался. Каюта наполнилась хлюпающей водой. Мокрые подушки и набухшие книги нам удалось, увы слишком поздно, перетащить с палубы. Около полуночи я решил зайти в маленький порт Монополи, где мы во тьме кромешной бросили якорь и провели остаток ночи. Через два дня шторм выдохся, и мы двинулись дальше.

Наконец мы пришли в Моло ди Бари, напоминающий Ниццу. С утра Бел отправилась на рынок, а я задремал в рубке. Проснувшись, я понял, что городские сорванцы используют «Язычник» в качестве вышки для ныряния. Разбег, толчок и прыжок в освежающие воды бухты — все это весьма забавно, если бы не обнаружилось, что,

разбегаясь, некоторые из них, особо легкие на руку, прихватывают куски каната и вообще все, что лежит на палубе. Я тихонько прошел к машине и сунул всасыватель трюмной помпы в жестянку со сливом из маслоотстойника. Разбег, прыжок, всплеск!..

Три всплеска, четыре, пять, шесть... Кажется, вся шумная ватага... Я присел в шезлонг на палубе и стал рассматривать глянцевитые черные фигуры, появляющиеся из воды.

— Что творится на берегу, — рассказывала чуть позже Бел, — буквально толпы людей, выкрашенных в черную краску.

Вскоре мы отплыли, увозя довольно радужное впечатление от Бари.

Итак, все необходимое на борту. Наши помыслы чисты, души покойны. Один переход — и мы в Югославии. Под первыми лучами проснувшегося солнца мы огибаем остров Мкран и входим в бухту Цавтата.

Здесь, под килем «Язычника», погребены руины Эпидавра.

Глава V

Встреча с доктором Фисковичем

Цавтат примостился над бухтой, расположенной между двумя полуостровами. На карте бухта напоминает голову змеи. Полуострова же подобны двум горбам верблюда. За ними гряда холмов, мягко избегающих к горизонту. На террасах зеленеют рощи олив и высокие стволы кипарисов.

Мы пришвартовались у каменного мола, которого как раз хватило для того, чтобы принять нас и два или три паромы, курсирующих ежедневно между Цавтатом и Дубровником. Кристально чистая вода, кафе и магазины прямо через дорогу — кажется, не на что жаловаться. Городские власти отнеслись к нам предельно доброжелательно, и в тот же день мы оформили необходимые документы. Шатаясь от усталости, я приплелся на «Язычник» с единственной мыслью — спать, спать, целый день и целую ночь спать.

Сначала все шло даже лучше, чем мы ожидали. Доктор Фискович, директор Общества охраны исторических памятников Далмации, был готов принять нас и выдать официальное разрешение на проведение экспедиции. На следующее утро мы помчались в археологический музей, где удивленная секретарша сказала нам на вполне приемлемом французском, что доктор Фискович будет не раньше вечера.

— Как же так, — заворчал Ханс, — нам сказали, что он здесь, и потом вечером у нас уходит паром.

— Я все устрою, — сказала секретарша, — археолог д-р Николаичи покажет вам музей, а тем временем я попытаюсь что-нибудь сделать.

Последующие три часа мы брели за доктором Николаичи и обозревали помутневшими глазами различные археологические реликвии Древней Греции и Рима. Наша экскурсия закончилась у алтаря эпохи раннего христианства, который какой-то турист украсил своим карандашным факсимиле. Зной становился нестерпимым, и я начал серьезно помышлять о том, чтобы вздремнуть в каком-нибудь римском саркофаге.

— Блюда, которые вы видите, устанавливались на могилах. По-видимому, в старину людям было свойственно с легкостью присваивать все, что плохо лежало, поэтому на блюдах сохранилась старинная надпись «просьба не брать с собой», — голос нашего гида монотонно жужжал по-французски.

Ханс, очевидно загипнотизированный видом всех этих редкостей, тихо посапывал, опершись о стеклянную вазу. Я сам присел на амфору и почувствовал, что плыву. Вошла секретарша, разбудив нас стуком двери.

— Все улажено. Доктор Фискович примет вас в восемь тридцать.

Мы поблагодарили нашего гида и вышли.

— Мягкая травка и немного тени — вот все, что мне нужно, — прохрипел Ханс.

В сотне метров от нас был парк — там мы и прилегли под какой-то сосной. В третий раз за сегодня меня уносил поток, и в третий раз неумолимая судьба грубой рукой стряхнула с меня дрему и взглянула в лицо колючими глазами грузного югослава. Ханс был вне себя от ярости — его разбудили безжалостным ударом палки чуть ниже спины. Это был смотритель парка: спать на газонах не разрешалось. На скамьях можно сидеть, но ни в коем случае не лежать и уж тем более не спать. В конце концов мы поплелись на пляж, где и провели все оставшееся время.

Вечером в кабинете, обставленном с большим вкусом, мы встретились с доктором Фисковичем и объяснили ему нашу программу. Мы хотели бы провести несколько пробных погружений в бухте Тихая в Цавтате, сфотографировать некоторые интересующие нас вещи и сделать предварительный план бухты. Затем мы решим, каков будет дальнейший порядок действий. Совершенно естественно, что все находки, представляющие историческую ценность, являются собственностью правительства Югославии, а публикация каких бы то ни было сведений об Эпидавре разрешается только с одобрения археологического музея, представленного доктором Николаичи.

На этом мы и порешили.

Бел встретила нас на ялике.

— Как дела?

— Завтра ныряем, — ответил я, улыбаясь во весь рот, и, поставив ногу на неверный кирпич, повалился головой в лодку.

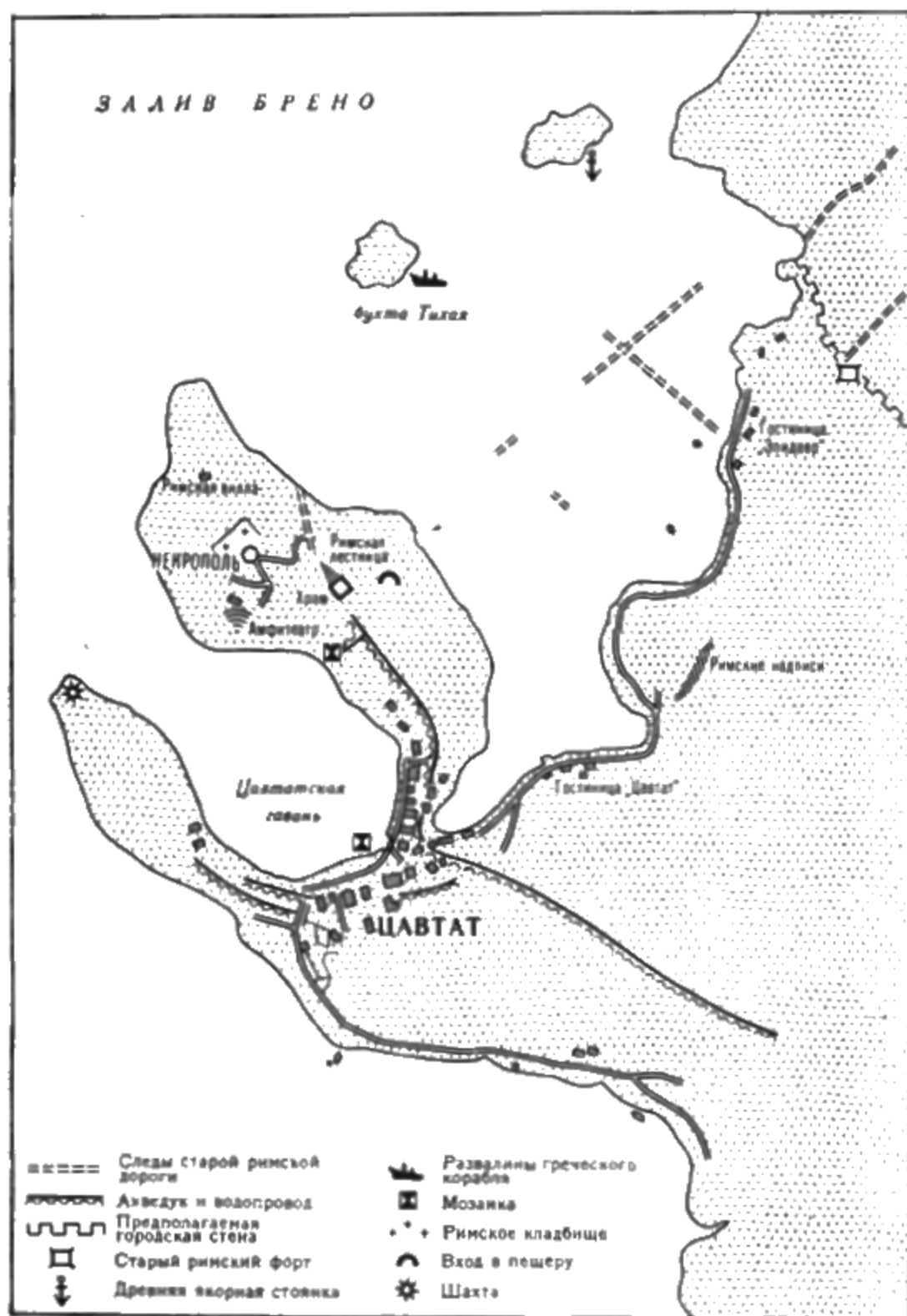
Глава VI

Первые погружения

Я удобно расположился на морском дне, лениво перебирая кучку гравия. И вдруг зеленоватый металлический диск — монета! Если не считать дохлой лошади, это наша первая находка! От волнения я выпустил изо рта загубник^[2] и тут же глотнул изрядную порцию цавтатской воды.

Метнувшись к лестнице, я перебросил монету через фальшборт. Все, кто были на палубе, мгновенно сгруппировались вокруг Ханса, совершенно забыв обо мне и о том, что мне самому ни за что не взобраться на палубу во всей тяжелой амуниции. Когда я все же совершил этот немыслимый труд, первое, что я увидел, был Ханс, который нежно протирал монету тряпочкой, смоченной в специальном растворе, и что-то вкрадчиво при этом мурлыкал.

ЗАЛИВ БРЕНО

— Может быть, мне тоже позволят взглянуть? — прорычал я. Он даже не заметил меня.

— Римская, — мычал он. — Даже силуэт можно различить! — Он круто повернулся ко мне: — Что ж ты стоишь? Марш вниз и тащи сюда все остальное!

— Остальное? О чем ты говоришь? Там только кучка гравия, да и ту я перебрал до последнего камешка.

— Должно же там быть что-нибудь еще!

Ханс был настолько одержим, что не успокоился, пока мы не сделали еще несколько погружений. К счастью, мы нашли римский светильник — римляне ставили такие светильники на могилы своих близких, — и только тогда Ханс немного уgomонился. Но и поздно вечером, когда мы сидели в кафе на набережной, потягивая виски, Ханс все еще никак не мог оторвать глаз от бронзовой монетки на столе перед собой.

* * *

Если взглянуть на карту, то сразу же бросается в глаза, что нынешний Цавтат уютно поместился у основания узкой одноименной бухты. Старый же Эпидавр тяготел к северному берегу соседней бухты, называемой в лоциях бухтой Тихой, а по-местному просто Бухтой... Бухта в наши дни несколько больше, чем была когда-то. Местоположение древнего Эпидавра на берегу весьма нетрудно установить; нам же предстояло выяснить расположение той его части, которая оказалась под водой.

Прежде всего мы заручились помощью старого рыбака Нико; именно он пять лет назад вывез Ханса в

бухту, где сквозь прозрачную толщу Ханс разглядел руины на дне. К тому же, время от времени вывозя в открытое море туристов, Нико научился говорить на смешанном англо-франко-германском наречии и был не прочь заработать на нас несколько лишних динар, потому что, горько жаловался он, лето было на редкость холодным и рыба не шла.

Мы нырнули там, где он указал, и быстро согласились со стариком относительно необычайно холодного лета. И почти сразу же нам попались обломки стен. Собственно говоря, это была всего-навсего гряда небольших холмиков. После этого целую неделю мы наносили их на карту. Карта запестрела значками.

Но нужно было неизмеримо больше данных. Ненова на помощь пришел Нико. Сначала он вовсе не разделял нашего интереса к эпидаврским стенам. Они стояли здесь всегда и никуда не денутся — так стоит ли волноваться? Тем не менее он с готовностью помогал нам. Я даже стал подумывать, что и его точит непоседливый жучок археолога-искателя. Нико отвел Ханса к какому-то крестьянину, который рассказал, что в 1947 году группа работавших здесь немецких военнопленных обнаружила древнюю стену в восемьдесят сантиметров толщиной, сложенную из огромных камней. Это никого не удивило бы, если бы один из пленных не обнаружил в стене нишу, а в нише груды старинных монет. По всей видимости, стена была остатком крепостной стены древнего города, а ниша служила караульным помещением. Крестьянин утверждал, что стена простиралась в направлении бухты. Таким образом, наши холмики были прямым ее продолжением. Выяснилось, что на расстоянии сорока-пятидесяти метров от берега и далее, метров на пятьсот в море, дно бухты было покрыто смесью из песка, ила и грязи, из которой тут и там выступали на

метр — полтора эти остро очерченные холмики. Глубина здесь колебалась от трех до шести метров. Кое-где сквозь грязь на дне проглядывали верхушки стен, сложенных из гладко отесанных камней, скрепленных по известному греческому способу. Все это говорило о том, что когда-то здесь стояли дома. Прямо с берега в море уходила дорога, а сбоку от нее мы обнаружили четыре круглые ямы диаметром в два метра и глубиной в полтора, — по всей видимости, древние зернохранилища.

Вода в том месте, где мы работали, была довольно холодной, позже мы обнаружили на дне бухты Тихой несколько пресноводных источников, благодаря которым она слывет северным полюсом Адриатики.

Мы не стали ждать, пока прибудет насос для откачки ила, и начали изыскания в более глубоких (и соответственно более холодных) водах. Наша группа несколько увеличилась. Вообще, в ходе экспедиции аквалангисты приезжали и уезжали, на их месте появлялись другие. За четыре месяца нашего пребывания в Цавтате на борту «Язычника» перебивало (или, точнее сказать, с борта «Язычника» переняряло) пятнадцать человек. Двое из них уже уехали к этому времени, а вместо них приехал Том Мюллер, химик-технолог из Эссекса. Он был одержим подводной охотой и тут же внес страх и смятение в стаи здешних непуганых рыб.

Перед погружением

От Ханса и Нико мы знали, что большая часть развалин находится где-то между северной оконечностью

Цавтатской гавани и косой, носившей поэтичное имя Лючия, у небольшого полуострова, который здесь назывался Робинзон. Любопытна история этого названия. На закате первой мировой войны потерпевший крушение немецкий матрос очутился на этом полуострове. Из боязни попасть в плен он спрятался в рощице. Обилие пресной воды и свежей рыбы позволило ему выжить до перемирия. На его счастье, на полуостров можно было попасть только со стороны моря, и он замечал корабль прежде, чем с корабля успевали заметить его. Так или иначе, в здешних местах его прозвали Робинзоном Крузо. Место это ему так понравилось, что по окончании войны он купил его и построил там уютную виллу. В 1939 году, в самом начале второй мировой войны, местные власти обнаружили на вилле радиопередатчик. Немец — хозяин дома — был расстрелян на месте, но так и осталось неизвестным, был ли это тот самый Робинзон, его сын или кто-то еще.

Наши поиски затопленного города начинались с того, что мы выбрасывали буй, переделанный из пустой масленки, со свинцовым грузилом, а затем расплывались от него во все стороны по азимуту. Если погружение было безуспешным, мы переносили буй на другое место, и все повторялось снова. Дно здесь представляло собой струящиеся травянистые заросли с редкими прогалинами светлого ила. Температура воды менялась коварно и резко, будто кто-то сунул вам за шиворот кусок льда, что уж никак не вязалось с нашим представлением об Адриатике летом.

Еще в Лондоне мне не раз приходило на ум застаться «мокрыми» и даже «сухими» костюмами для ныряния, но меня поднимали на смех: «Нырять летом в Адриатике и думать о гидрокостюмах! Да у тебя душа вытечет вместе с потом». О, теперь я знал, хотя и с

опозданием, что «мокрый» костюм в таких условиях был бы незаменим.

Говоря о «мокром» костюме, я имею в виду плотный облегающий костюм из пенопластика или неопрена. Он надевается или прямо на тело, или поверх шерстяного белья. Вода пропитывает материал и, нагретая теплом вашего тела, образует своеобразную изоляцию от холода. Этот костюм прост и удобен... Если же вода невыносимо холодна, то надевают «сухой» костюм, который, как явствует из названия, вообще не пропускает воду (теоретически). На самом же деле те жизнерадостные типы, что улыбаются вам с журнальных обложек, сидя по горло в обледенелой проруби, надевают и тот и другой костюм. Что же до нас, то мы надевали попросту пару толстых свитеров — не бог весть что, но все-таки греет.

Третий день неустанных погружений у берега Робинзона принес несколько кусков окаменевшего дерева. Мы старательно обозначили это место на карте, но при последующих погружениях обнаружили лишь аккуратную кучку древесного угля, а рядом несколько раковин, не имеющих к ней никакого отношения. Видно, кто-то запасал топливо на зиму, но кто?

После трех недель работы мы решили обсудить свои находки. Бел и я заперлись в каюте, расстелили на столе карту и тщательно перебрали все наши более чем скромные пособия по Эпидавру, как старые, так и новые.

Нельзя сказать, чтобы это нам здорово помогло — все описания касались наземной части города, что отнюдь не удивительно, если учесть, что акваланг — изобретение самых последних лет. А. Д. Эванс, позже сэр Артур Эванс, открывший минойскую цивилизацию^[3], дал одно из самых исчерпывающих описаний района Эпидавра. Вот что он написал по этому поводу:

«Поговаривают, что в соседней бухте Святого Ивана ясно проступают стены римских зданий, погребенных на дне моря, вероятно, вследствие опускания суши».

Автор не утруждает себя вопросом, почему же суша здесь опустилась, а упоминание бухты Святого Ивана непонятно, ибо никто здесь и слыхом не слыхал о такой бухте. Или уважаемый автор принял местное произношение Тихая за Святого Ивана, или самое название изменилось до неузнаваемости? Все может быть, тем более что цитируемые строки относятся к 1876 году.

В другой своей книге от 1885 года сэр Артур не пожалел времени и сил на то, что, по-моему, составляет излюбленное занятие всех исследователей старины: доказать, почему он прав, а тот, другой, неправ. Сэр Артур, в частности, не оставляет камня на камне от теорий Моммзена^[4]. И все же будем справедливы. Именно Эванс открыл или, во всяком случае, упомянул мастерскую древнего ювелира, о которой говорится в начале книги. А кроме того, он был великий дока по части старинных монет, гемм, печаток и т. п. С удивительной теплотой пишет он о своих находках на месте древнего Эпидавра и о знаменитом акведуке, который был когда-то основной достопримечательностью римского города. В частности, Эванс утверждает, что несколько пролетов акведука были в целости и сохранности еще в его время и что последнюю опору снесли по случаю приезда императора Франца Иосифа в 1875 году. Эванс настаивает на том, что некоторые улицы в современном Цавтате, несомненно, являются продолжением улиц древнего Эпидавра; он упоминает следы римского кладбища и римские надгробные надписи на прибрежных камнях. Эванс также свидетельствует, что в его время перешеек, соединяющий сушу с двумя

полуостровом, или, если угодно, горлом раскрытого драконьего зева, был около десяти метров шириной. Возможно, самым ценным для нас замечанием Эванса было то, что остатки древнего Эпидавра (кстати, он упоминает город под его латинским именем Эпитаурум) крайне немногочисленны, ибо «скалистый грунт препятствует образованию перегноя, который надежно сохраняет для потомков по крайней мере фундаменты древних сооружений».

Другими словами, даже во времена сэра Артура Эванса, то есть почти сто лет и две мировые войны тому назад, на суше оставались лишь крайне скудные следы Эпидавра. А ведь нам досталась подводная часть исследований.

И еще одна мысль в работах сэра Артура, которой мы, наверно, сможем воспользоваться, — это о вероятном направлении греко-римских дорог. Обнаружив их на суше, мы сможем проследить их далее под водой. Что ж, как говорится, поживем — увидим.

Глава VII

О Джордже и крепостных стенах

Мы всегда были не прочь отведать свежей рыбы, хотя, по правде сказать, возможность загарпунить какую-нибудь безобидную рыбешку уже не приводила нас в восторг, как в самые первые дни. Но все хотят есть, и убийство из таких соображений, на мой взгляд, вполне оправданно. Перестав быть удовольствием, охота на рыб по-прежнему требовала умения: неумелый рыбак только отпугивает и калечит морскую живность. У рыб каждой породы есть свои специфические особенности: опыт охотника как раз и заключается в том, чтобы знать, как поведет себя та или иная рыба. Надев акваланг и прихватив французское гарпунное ружье, я заскользил, постепенно снижаясь, к нашим охотничьим угодьям.

Первое, что мы сделали по прибытии в Цавтат, — отыскиали скалистый участок у южной оконечности бухты, который и стал местом нашей охоты. Участникам экспедиции разрешалось охотиться только здесь, и нигде больше. Рыбы очень пугливы: два или три дня бесшабашного размахивания гарпуном, и они словно вымирают в этом районе. Посредством какой-то телепатии рыбы дают знать друг другу об опасности, и тогда одни уплывают подальше от этих мест, а другие шарахаются при малейшем признаке опасности. И так как нам рыба нужна была только для еды, мы ограничили район охоты, превратив остальную бухту в своего рода заповедник.

Приблизившись к заповедной границе, я стал методично обозревать окрестность. Вот на фоне скалы

отпечатался массивный силуэт. Я вежливо приблизился к Джорджу, моему доброму знакомому. То есть тогда я еще не знал, что это Джордж. Это был просто-напросто большой меру^[5], что-нибудь килограммов на пятнадцать, который осматривал меня любопытными глазами, сидящими на огромной лобастой голове. Передние плавники его трепыхались, как и всегда у меру, когда они завидят что-нибудь любопытное: работая плавниками, рыба неподвижно застывает на одном месте. Я осторожно подвинулся к нему, держа наготове ружье; ближе, еще ближе, палец положил на спусковой крючок. Еще секунда — и одним рывком могучего хвоста эта рыба скроется в близлежащей расселине, оставив лишь легкое песчаное облачко как напоминание о том, что все это происходило наяву, а не во сне.

Итак, сейчас или никогда!

И тут случилось нечто невероятное. Джордж поплыл мне навстречу и ткнулся носом в наконечник гарпуна. Нет, вот так, в здравом уме и твердой памяти, я не мог застрелить его... Да и какого черта, когда вокруг столько рыбы! Джордж игриво посмотрел на меня и поплыл в сторону. Видно, он никогда не знал человека. Я последовал за ним. Он скользнул под большую скалу. Я обогнул ее: это был огромный камень, одиноко торчавший на песчаной прогалине, с единственным входом в расселину. Я решил зайти в гости. Положив ружье на песок, я подтянулся к входу и заглянул внутрь.

Едва глаза мои привыкли к темноте, как я тотчас же увидел Джорджа слева от себя, а над ним, в дальнем углу пещеры, двух его старших братцев. Эти двое были совсем не столь дружелюбны и при моем появлении угрожающе задвигали хвостами. Да ведь они могут в любой момент рвануться, а я торчу в проходе! Нет, я не

боялся их. Просто своим поведением они могли настроить против меня Джорджа, который мне решительно нравился. Я двинулся назад. «Впереди масса времени, — подумал я, — а дом их теперь мне известен». Как правило, меру не склонны часто менять местожительство, если только непрекращающиеся посягательства на их жизнь не вынудят их к этому.

Бросив прощальный взгляд на скалу, я заметил торчавший снизу хвост Джорджа шириной сантиметров в тридцать. Я почесал его гарпуном, но Джордж не шевельнулся: очевидно, эта часть его тела совершенно бесчувственна, или он чувствует такую безопасность в своем убежище, что снисходительно позволяет фамиллярничать с собой.

Истратив столько драгоценного воздуха на Джорджа и тем не менее не желая охотиться поблизости от его владений, я смог добыть лишь пару лещей по килограмму каждый. К счастью, они не обладали характером Джорджа, иначе быть бы нам весь день голодными...

Это стало началом многодневной дружбы. Я предупредил всех наших. Джордж, а в силу обстоятельств и его неприветливые братцы отныне находились под нашей защитой. Бывало, я протягивал Джорджу рыбешку на острие гарпуна. Он уже поджидал где-нибудь поблизости и начинал радостно тыкаться носом мне в бок, требуя добавки. А вот братцы так меня и не приняли. Стоило мне показаться вблизи, как они уплывали в убежище и не показывались оттуда, пока я не убирался восвояси.

Джордж был привязан к своему дому. — Он никогда не отплывал дальше, чем метров на двадцать. Может быть, со временем он и плелся бы за мной, как послушная собачонка... Теперь уж мне этого не узнать никогда.

Месяцев через шесть после нашего первого знакомства (в тот день мы занялись ремонтом двигателя и не ныряли) мое внимание привлекла лодка у причала. Возбужденная толпа окружала ее. На дне лодки лежал бедняга Джордж. Его убийца, француз-аквалангист, лез из кожи вон, повествуя восхищенной толпе, которая, как видно, не понимала ни одного его слова, о перипетиях этой героической схватки. Тут подошел я.

— А, mon dieu! Разве не великий этот рыба? Что?

— Убийца! — прошипел я. — Ты уколошил ни в чем не повинного Джорджа.

Он окаменел от изумления, а я поплелся в кафе на набережной помянуть стаканчиком виски моего безвременно погибшего друга.

Тем не менее многое произошло, прежде чем Джордж отправился к своим рыбьим праотцам. Примерно в это время приехал Колин Поллард, электрик из Йорка, опытный аквалангист и отличный охотник, несмотря на свои двадцать с небольшим.

— Кто еще приезжает? — несколько сумрачно спросила меня Бел. — Ведь надо их чем-то прокормить, а в магазинах здесь ничего нет, на рынке одни овощи, но и для этого надо вставать в четыре часа утра.

— Кто еще? В следующую субботу приезжает Ли Кеньон и с ним его друг из Норвегии, потом д-р Хубрект с женой. Так что на следующей неделе наберется человек девять. А вот как их прокормить, ума не приложу!

Впрочем, выход в конце концов найден. Стефи, директор местного ресторана, заказывал припасы по телефону в Дубровнике и любезно согласился немного расширить заказ.

Вечером этого дня мы слушали службу в церкви в деревне Джоличи. Хор был необычайно хорош, да и прихожане в национальных костюмах выглядели очень

эффектно. Но и то и другое чуть было не пропало для нас из-за массы туристов, которые щелканьем камер едва не заглушали хор. С аппаратом в дрожащих от возбуждения руках они облазили все уголки необъятной церкви. Я клянусь, что если когда-нибудь разбогатею, то куплю каждому деревенскому жителю по фотоаппарату и объявлю конкурс на наиболее отталкивающий снимок туриста.

— А не заглянуть ли к Марко Пипличу? — спросил Ханс, когда служба кончилась. — Я близко знал его лет пять назад.

Мы начали долгий путь по извилистым горным дорогам, которые становились час от часу все уже и уже. Наконец, когда машина шла уже почти вплотную к скалам, мы остановились у трех старых домиков. Седой как лунь человек показался на пороге одного из них и стал близоруко вглядываться в своих неожиданных гостей. И вдруг старик узнал Ханса. Они обнялись. Нас представили младшему брату Марко, который тоже годился нам всем в дедушки, и отвели в дом.

Голые побеленные стены и простая деревянная мебель контрастировали с затейливым орнаментом на домотканых дорожках, покрывавших светлый дощатый пол; здесь царили прохлада и спокойствие.

Потом оба брата сказали:

— Хлебните вина!

Мы были уверены, что они сказали именно это. Ханс говорил по-немецки, Бел по-испански, я кое-как управлялся с французским, а братья не говорили ни на одном языке, кроме родного. Пять лет назад Ханс общался с ними через переводчика. И все же старики были неотразимо дружелюбны.

На столе появилась бутылка какой-то жидкости цвета меда и блюдо фиников. Сдвинулись стаканы, и зазвучали всевозможные застольные изощрения: «Чирио», «Салют», «Прозит», «Бон сайте». К этому хору

братья добавили свое «Живили». А потом подали свинину. Да, это блюдо было объединение! Способ приготовления оказался довольно необычным: свиная туша выдерживается пару недель в рассоле, а потом двое суток лежит под грузом камней килограммов в пятьдесят — шестьдесят. После этого она два месяца коптится на медленном огне, причем топливом служат стволы оливковых деревьев.

За свининой следовали еще возлияния, которые полностью изгладили из моей памяти остаток этого вечера.

На следующий день Ханс встретил нас с горящими глазами.

— Я откопал человека, который нам нужен, — сказал он, потирая руки. — Доктор Бозораж, местный юрист и археолог-любитель. Он сам видел в детстве остатки акведука. Сейчас ему под семьдесят. — И, увидев выражение крайнего скептицизма на моем лице, добавил; — Он перекопал здесь все вдоль и поперек и обещал показать мне свою коллекцию.

Кроме того, Ханс поведал нам о надгробной римской надписи где-то вблизи гостиницы «Эпидавр».

Бел и я отправились на поиски и через несколько часов набрали на двух людей, которые увлеченно окапывали помидоры на небольшом участке метрах в трехстах от гостиницы.

Я заговорил по-французски, Бел по-испански, и дело пошло на лад.

— Римские надписи? А бог их ведает, — сказал один из них, глядя на меня с удивлением. — Ох уж эти мне туристы!

Мы обошли участок, останавливались у каждого камня.

— А что это там такое? — воскликнула Бел.

Я перешагнул через грядки томатов и увидел иссеченный ветром камень, где на высоте

человеческого роста виднелась полустершаяся надпись по-латыни: «Доброволец Лартодиус из восьмого римского легиона скончался и похоронен на этом месте».

Доктор Бозораж также упомянул, что римский акведук, который он видел еще в детстве, сохранился на северной оконечности Цавтата. Он уверял, что ответвление акведука уходило под воду и, таким образом, пролегало по дну цавтатской гавани. Остатки его виднелись в море против большого старинного дома, в котором теперь помещался санаторий для македонских рабочих. Мы сделали несколько погружений в этом районе, но не нашли ничего, кроме нескольких глиняных черепков. Лично мне мысль об ответвлении акведука показалась абсурдной. Можно было понять, почему развалины акведука находились у санатория, недалеко от города и прямо на линии главных городских ворот, но с какой стати строить ответвление под прямым углом? Может быть, там располагался какой-нибудь пригород? Возможно, что оно вело к той двухметровой стене с нишей, в которой нашли когда-то клад монет, — эта стена, как видно, остаток римской сторожевой крепости (у ранних римлян было принято воздвигать сторожевой пост за пределами города).

Несмотря на то что изыскания на берегу были интересны и поучительны, было куда более важно надеть акваланги и поискать под водой.

К этому времени мы облазили весь район от цавтатской бухты до середины бухты Тихой. Наша предварительная карта подводных холмиков была заполнена — оставалось ждать, пока власти предоставят нам насос и трубы для того, чтобы можно было откачивать ил, используя наш корабельный компрессор в качестве основного двигателя.

Через день мы начали погружения в более глубоких водах. Теперь нас было больше: приехал Бастиан Хаккерт. Его умение и опыт приобретались в ледяных скандинавских фьордах. День за днем мы методично обследовали бухту, пока не остались лишь два заливчика в северной части, против гостиницы «Эпидавр». Мы решили денек-другой спокойно отдохнуть и поплескаться в бухте Тихой.

— Опять придется пробираться сквозь водоросли, — вздохнула Бел, вглядываясь с палубы в мало вдохновляющую глубину.

Поиск на заросшем водорослями дне представляется мне одним из самых неблагодарных занятий, выпадающих на долю аквалангиста. Водоросли представляют собой темно-зеленую траву высотой до полутора метров. Плавая над густыми зарослями, проникаешься чувством безысходности этого однообразия. Прогалины состоят почти сплошь из грязи и сиротливых камней. В отличие от морских заливов, где дно как бы продолжает прибрежные песчаные пляжи, бухта Тихая заросла совершенно. Чтобы выбраться из этих кущ, надо было заплывать подальше в море.

Ханс достал свой надувной матрас со стеклянным оконцем в полосатом днище. Он купил его в Испании буквально за минуту до отъезда и очень гордился своим приобретением. Матрас, конечно, был очень удобен для наблюдения, но, к сожалению, давал искаженное представление о форме предметов. Извилины на дне казались идеально прямыми, а плоские, как масленичный блин, прогалины производили впечатление бездонной пропасти. Однако на первых порах иллюзии еще не сменились разочарованием, и мы все бывали не раз взбудоражены ложными тревогами. Лишь в дальнейшем под давлением — и весьма ощутимым — общественного мнения Хансу пришлось

признать, что заурядная маска и шноркель ^[6] проще и надежнее.

Итак, Ханс вылез на свой матрас. Как раз когда я собирался присоединиться к нему, Бел выплеснула через борт ведро с помоями и невинно спросила:

— Что это там такое, Тед?

Выскребая из волос картофельную шелуху, я позволил себе сделать несколько сильных замечаний.

— Неплохо! — сказала она. — Совсем неплохо! Мало того что ты ни разу не повторился, ты, оказывается, за это время еще и обогатил свой словарь. Но вместо истощающих спичей не лучше ли нырнуть разок и взглянуть вон на те стены?

— Стены? Какие стены?

— Вон там, глупец. Ты что, ослеп?

С этим уничтожающим замечанием Бел удалилась, а я поспешил к Хансу. Он скатился со своего матраса в воду и хотел крикнуть что-то в высшей степени победное, но вместо этого издал слабое бульканье, потому что добрый декалитр морской воды залил ему рот.

Впрочем, все было ясно и без слов. Мы нашли стены древних домов.

Одна из них сохранилась особенно хорошо. Прямая как струна, она начиналась почти у берега и устремлялась в открытое море. Другие стены, несколько меньшие по размеру, простирались примерно в том же направлении.

Вперед, за дело, с рулеткой и компасом! Это тебе не холмики грязи!

Мы обнаружили пять стен длиной от полутора до семи метров. Наиболее сохранившаяся и самая длинная стена была искусно сложена из тесаных камней метра по два в ширину, аккуратно пригнанных друг к другу.

Две стены шли параллельно, а другие три под углом десять — пятнадцать градусов к ним. Все стены простирались в направлении Цавтата и оканчивались большим возвышением из песка и грязи.

По всей поверхности дна были разбросаны глыбы тесаного камня, а у подножий, под слоем песка сантиметров в десять — пятнадцать, находилось твердое покрытие из сероватой глины.

— Смотри, что я нашел. — И Ханс благоговейно протянул мне глиняный черепок, покрытый глазурью.

На обследование этих стен мы потратили целый день. Особенно нас заинтересовала кладка, искусная и очень точная — видна была рука первоклассного мастера. На два дня к нам присоединился д-р Николанчи, которому я немедленно показал нашу находку. Он был не на шутку взволнован и обещал достать насос как можно скорее. Нам придется перекачать массу песка и ила.

Ханс тем временем обхаживал своего рыбака, выуживая из него все новые и новые сведения. Так, рыбак припомнил, что давным-давно в этой части бухты было множество стен. Некоторые из них, по его утверждению, были выше его собственного роста. В углу бухты, неподалеку от стен, из-под песка раньше виднелись какие-то плиты. Два других источника подтвердили этот рассказ о плитах, и мы решили принять его на веру. Сообщения о находках монет поступали теперь во множестве. На этот раз и д-р Бозораж согласился показать нам свою коллекцию. Одна из его монет великолепно сохранилась и датировалась 400 годом до н. э. Это была золотая греческая монета, по всей вероятности из Дельф, потому что чеканка на ней изображала треногу, на которой восседала легендарная пифия, дававшая, по преданию, крайне загадочные и двусмысленные ответы

на вопросы сбитых с толку, а потому не слишком уверенных в себе посетителей^[7].

Всего в коллекции д-ра Бозоража было около шестидесяти серебряных монет и множество бронзовых. Вообще же старинные монеты ценились в Цавтате не бог весть как высоко. Один старик рассказывал, что нашел горсть монет в прибрежной гальке, но выкинул их за ненадобностью. Другой житель обнаружил метрах в пяти от берега амфору — сосуд для хранения припасов, который широко использовался в греческих и греко-римских городах. (Кстати, амфора в переводе с греческого означает «несомый с двух сторон».) Внутри амфоры он нашел много монет, которые затем частью роздал, частью продал туристам.

Видел ли он другие амфоры?

Нет. Но нужно поискать.

Глава VIII

Об Асклепии, Аренде и Ли Кеньоне

Однажды я услышал, как один старый рыбак упомянул о Гротто Асклепиос (пещера Асклепия). Я наострил уши. Дело в том, что эта пещера неподалеку от Эпидавра была известна мне и раньше, но только как место действия мифических героев легенд. И вот о ней говорилось всерьез. Я жаждал подробностей.

Старик, от которого я услышал о Гротто Асклепиос, сказал мне:

— Эта пещера пересекает Цавтат из края в край, от бухты до рыбацьей гавани. И я прошел ее всю насквозь, правда, тогда я был молодым и сильным парнем, ведь было это как-никак лет сорок назад. Да здесь всякий знает, где она.

Считалось, что пещера сообщается с морем, так как в шторм она наполнялась гулким шуршанием далекого прибоя. Если предположить, что пещера была в древнем Эпидавре местом поклонения Асклепию (я предпочитаю греческое Асклепий латинизированному Эскулапус), то она, по всей вероятности, должна иметь выход где-нибудь в центре города. Оставалось ждать, пока приедет д-р Хубрехт, археолог нашей экспедиции.

На следующий день от Хубрехта пришла телеграмма. К сожалению, она была составлена по-немецки, принята по телефону в Сплите и в окончательном виде стала наполовину югославской, наполовину бог знает какой еще, но одинаково непонятной для нас. Когда он приезжает? И приезжает ли вообще? Или снова задерживается? С этой

трилеммой в голове Ханс отправился в Дубровник, надеясь что-нибудь разузнать.

В час дня, когда мы встретили его, чтобы вместе сесть на обратный паром, телеграмма была для него столь же неясной, как и день назад. А еще часа через два, когда мы сходили в Цавтате по шаткому трапу, Ханс случайно обернулся и вдруг, словно с цепи сорвавшись, бросился назад, на паром. Те несчастные, что оказались на его пути, избежали принудительной ванны только благодаря близости набережной. Гам колышущейся толпы прорезал крик ребенка, на которого наступили в суматохе. Все это, как вы, вероятно, уже поняли, знаменовало прибытие д-ра Хубрехта. Начались взаимные представления.

Аренд и Сьюзан Хубрехт были очаровательной парой. Он — серьезный университетский профессор со всеми соответствующими атрибутами: борода лопатой и лукавый взгляд умных пронзительно-голубых глаз за стеклами роговых очков. Она — изящно оформленный сгусток энергии, готовый идти за своим профессором на край света.

Мы сидели в кафе на набережной и наблюдали ежедневный променад загорелых дочерна молодых цавтатцев, когда кто-то вдруг сказал по-английски прямо у меня над ухом: «Я вас ищу, а вы вот где!» — и Ли Кеньон вынырнул из-под переплетений виноградных лоз и направился к — нам. Высокий и голубоглазый Ли чем-то напоминал крепкогрудых викингов.

— Как тебе удалось дотащить весь свой скарб, все эти кино, фото и прочие камеры? — удивился я, зная, что автобус останавливается в полукилометре отсюда.

— Очень просто. Водитель остановил автобус прямо против кафе и сам помог мне дотащить мои пожитки. И вот я здесь. Можешь себе представить?

Вот уж это я мог себе представить, и даже очень хорошо. Точно так же нежданно-негаданно Ли

объявился в прошлом году, когда мы снимали фильм на Балеарских островах.

Ли и Аренд немедленно завязали высоконаучный спор. Оба они побывали в одних и тех же местах на Крите, где Ли был официальным фотографом Британской археологической школы, проводившей раскопки в древнем порту Кносс.

Поскольку день был полон хлопот, все мы изрядно устали и рано отправились спать. Ли пошел вместе со мной на «Язычник», где ему предоставили каюту для гостей, которую он делил с Гертрудой.

Гертруда была компрессором. Чудовище в тонну весом, притянутое к полу стальными болтами, которые насквозь прошивали дубовый настил и выходили с обратной стороны, она занимала большую часть каюты. Несмотря на такой почет, завести ее поутру не было никакой возможности. Но и будучи заведенной, она той дело останавливалась. Первоначально Гертруда замышлялась как то, что во флоте Ее Величества носит название переносного компрессора для нагнетания сжатого воздуха в торпеды, и поэтому давала почти вдвое больше воздуха, чем требовалось для наполнения наших аквалангов. Мы слегка усовершенствовали ее, приладили фильтры, но в остальном только канареечный цвет отличал ее от ей подобных. Она была списана по старости министерством обороны и приобретена нами за десятую часть номинальной стоимости.

Наскоро поужинав на борту «Язычника», мы отправились спать. Просто поразительно, как вообще можно спать после целого дня погружений. Опускание на глубину метров в десять никак, конечно, не скажется на здоровом человеке, но два или три глубоких погружения в день надолго лишат сна нетренированного ныряльщика.

Как правило, мы начинали работу в девять тридцать утра, чтобы около десяти быть готовыми к первому погружению. Каждый делал в день по три погружения и массу всякой побочной работы: осматривал и помечал вытасщенные на борт черепки, разбирал и ремонтировал снаряжение и оборудование, рыскал со шноркелем на мелководье в поисках осколков посуды или следов стен. По вечерам Бел стряпала, а я проявлял черно-белую пленку (цветная пленка отправлялась по почте в Англию) и просматривал свои заметки, одновременно обсуждая с Ли или Хансом наши планы на следующий день. Потом я успевал еще попечатать час или два на машинке и только тогда, обычно около двенадцати, отправлялся спать.

То и дело утром кто-нибудь охотился в более глубоких водах, у окаймляющих бухту островов. Рыбы здесь было великое множество. Под скалами на двадцатиметровой глубине нежились жирные меру, в изобилии встречались мурены, различные виды морского леща и корба^[8]. Кстати, корбы были излюбленной добычей Бел. Она обнаружила (позднее оказалось, что честь открытия все-таки принадлежит ихтиологу Вильяму Бибу), что в задней части черепа у корба находятся два плоских перламутровых окостенения, из которых при надлежащей обработке получают изысканнейшие браслеты. До сих пор у Бел их было четыре, но, так как она задалась целью заполучить двенадцать браслетов, будущее средиземноморских корбов рисовалось мне в весьма мрачных тонах.

Вскоре прибыл еще один аквалангист — Гордон Ленгхем, архитектор из Кардиффа. И до его приезда наши аппараты были постоянно в деле. Отплывая из Гибралтара, мы имели лишь три комплекта: два одинарных и один двойной, а также акваланг типа

Хейнке. В Неаполе наше снаряжение пополнилось новым комплектом Нормалер с маской кругового обзора и двумя баллонами. Таким образом, на восемь ныряльщиков у нас было пять полных комплектов. Когда первая смена выходила из воды, для второй уже были готовы перезаряженные баллоны.

К этому времени мы нанесли на карту большую часть бухты Тихой и начали исследования у основания стен, буквально обнюхивая каждый сантиметр дна. Это приносило свои плоды. День за днем мы вытаскивали на поверхность то обломки посуды, то светильник, то лампы, то несколько глиняных блюд и осколки амфор. К ним прикреплялся ярлык (в котором указывалось место обнаружения, глубина, дата, кем найдено). Все наши находки сваливались на палубе. Доктор Хубрехт прибыл как раз вовремя, чтобы помочь нам хотя бы слегка ее очистить. С неподдельной грустью мы следили за тем, как он выбрасывал за борт наши «лучшие» находки, бормоча при этом что-нибудь вроде: «А! XVIII век» или: «Хм! Кажется, середина XVII века». И он небрежно швырял через плечо то, что минуту назад казалось нам шедевром классической римской керамики. Впрочем, несколько вещей он все же отложил для более тщательного осмотра. Им мы предоставили почетное место внизу, в каюте. А потом я усадил д-ра Хубрехта заодно с Ли в ялик, вывез их в море и выступил перед ними с кратким резюме всей нашей деятельности с самого первого дня. В этот погожий день море было спокойным и чистым. Его зеркальную поверхность не тревожила даже легкая зыбь. Это помогло Хубрехту рассмотреть линии стен под водой, хотя на такой глубине он и не мог сказать ничего определенного о загадочных холмиках. Но стены очаровали его: и в самом деле, они очень напоминали древнегреческие постройки. Я видел нечто похожее в Италии.

После этого вечер вопросов и ответов продолжался еще часа два. «Какова ширина стен?» «А высота?» «Обнаружили ли где-нибудь следы штукатурки между камнями?» Целый водопад вопросов. Наконец: «Это все, что мне нужно! Но какая великолепная кладка! Взгляните, с каким мастерством каждый камень подогнан к другому!» Тем не менее я понял, что, хотя мы измерили стены и даже нанесли их на карту, мы сделали вопиюще мало из того, что нужно было бы сделать. Стены превращались в объект номер один.

Глава IX

«Квентин» и мистраль

Последующие несколько дней мы ползали носом по дну, отыскивая черепки посуды и тщательно осматривая каждый камень неправильной формы. К своему удивлению, я обнаружил гораздо больше следов стен, чем в первый раз.

Всего нам удалось найти одиннадцать стен. Кое-где они опирались на ложе из темно-серой глины, прикрытое местами лишь тонким слоем песка. Все стены простирались более или менее явно с востока на запад. Это необычайно заинтересовало Аренда, потому что именно в этом направлении древние греки обычно воздвигали свои постройки. Мы обнаружили также следы стен, которые терялись в наплывах песка и грязи на пятиметровой глубине. Для успешного продолжения поиска нужен был насос, и, чем скорее, тем лучше.

Ханс отправил телеграмму д-ру Николаичи с сообщением о прибытии д-ра Хубрехта и слезной просьбой ответить поскорее, где и как мы сможем заполучить насос.

Через несколько дней пришел обескураживающий ответ. Положение с насосом довольно сложное, писал д-р Николаичи. Пожарная помпа поломалась, а кроме того, она вообще не была приспособлена для работы в соленой морской воде. Было бы лучше отправиться в Дубровник и повидаться с начальником тамошней пожарной команды. Может быть, он сможет предоставить нам насос.

Подъем древней амфоры со дна моря

Ханс сел на паром в пять часов утра в гордом одиночестве. Никто не пришел проводить его в этот рас-светлый час. Мы набирались сил для дневных погружений...

В этот день Бел нашла небольшой глиняный сосуд. Такие сосуды древние римляне ставили на могилы своих близких, наполнив его предварительно вином или маслом. «Прекрасная получится пепельница», — решила Бел. Аренд прикусил губу, и я понял, что в археологических кругах это почитается святотатством. Позже Бел добыла нижнюю часть еще одного такого сосуда. За неимением сумки она засунула находку в верхнюю часть своего бикини: результат был несколько пугающим. Интересно, как прореагировал бы на подобную распущенность нравов сэр Артур Эванс?

Бел нашла еще и небольшую амфору, в которой гнезился молодой осьминог. Он не пожелал покинуть дом предков и потому кончил на сковородке, зажаренный в чесночном соусе. С легкой руки Бел мы стали проявлять незаурядный интерес к морской фауне, и вскоре палуба «Язычника» начала заполняться остовами незадачливых морских обитателей. Это увлечение, однако, скоро прошло. Как-то раз кто-то из наших наступил на медузу и распластался на спине, вернее, на акваланге. После этого я решил, что впредь обитатели глубин, если только они непригодны в пищу, будут оставаться там, где они родились и выросли.

Мы плыли у самого дна, вертя и тыкая железными прутьями во всех направлениях, сметая холмики грязи на своем пути. А когда мы всплыли, Гордон крикнул:

— Эй, смотрите-ка, вон на берегу Ханс. Машет руками, прямо как ветряная мельница.

«Должно быть, что-то очень срочное», — подумал я. В минуту снарядив ялик, я помчался к берегу.

— Танцуй, старина, у нас есть насос! — залпом выдохнул Ханс, когда я подошел к пирсу. — Можем забрать его хоть сейчас.

Мы вернулись на «Язычник», где Ханс, окруженный толпой одетых, полуодетых и совсем не одетых поклонников, рассказывал:

— Пожарной команде дали новенькую помпу, а куда прикажете девать старую? До нее никому нет дела, официально ее вообще вроде бы не существует, а это как-никак переносной насос в пять сантиметров диаметром с моторчиком. Кроме него нам дают две катушки шланга метров по тридцать. Нужно только все собрать. Я сказал их начальнику, что поближе к полудню мы подъедем за пресной водой. И заберем насос. Он ужасно обрадовался и заверил меня, что погрузит все своими силами да еще и даст механика, чтобы помочь нам запустить этот насос, только бы от него избавиться.

***Классическая греческая ваза впервые за последние 1600 лет
поднимается на поверхность***

Часом позже Том и Колин прыгнули на берег и закрепили концы, а Бастиан и Гордон старались удержать корпус «Язычника» от столкновения с причальной стенкой. День был ветреный, и по бухте ходили волны. Я ни за что не рискнул бы причалить в такую погоду: хотя бухта и казалась защищенной со всех сторон от непогоды, шалый западник нет-нет да и врывался сюда, норовя бросить «Язычник» на причальную стенку.

А затем показалась процессия, которая, без сомнения, яркой страницей запечатлелась в цавтатских анналах. Впереди несли насос. За ним шествовал механик с десятком помощников, а сзади еще человек пять волочили шланг. Ли решил, что это будет неплохим кадром для его фильма. Толпа увеличивалась. Подоспели вездесущие туристы с неизменными фотоаппаратами.

Механик начал манипулировать всевозможными ручками. Вскоре стало ясно, почему начальник пожарной команды настаивал на его присутствии. У «квентина», как окрестили насос, был на редкость строптивый нрав. (Впрочем, скоро это имя пришлось заменить на созвучное «кретин», но в тот момент он был еще «квентином», и мы почти любили его.) Он кашлянул пару раз и изрыгнул огонь, едва не испепелив механика. Обожженный механик уступил поле битвы другому энтузиасту, но у того явно не хватало техники и опыта для единоборства с «квентином». Вскоре и он последовал за своим предшественником. Тогда из толпы выступил боец старой школы, из тех, кто, идя к воскресной проповеди в парадном костюме, без

колебаний погружают руку по самое плечо в замасленный двигатель проезжей машины. «Квентин» склонился перед столь достойным противником и приветствовал его вмешательство хрипловатым, но мерным стуком. Дело пошло на лад.

На следующий день Ханс, Аренд и Сьюзан изо всех сил старались казаться безразличными к тому, что произошло накануне, но все понимали, что насос может стать провозвестником качественно нового этапа в работе экспедиции. Теперь у нас было средство сорвать со стен покров двух тысячелетий. Конечно, чтобы довести эту работу до конца, потребуется раза в четыре больше народу и еще лет пять или шесть, но мы могли в конце концов сделать то, что было в наших силах.

Поднялся ветер. Это значительно осложнило работу. Со шлангом в тридцать метров мне придется поставить «Язычник» на якорь где-нибудь вблизи от места работ. Мы порешили начать с наиболее глубокой из найденных нами стен, чуть севернее гостиницы «Эпидавр». Нам удалось встать на якорь таким образом, что стоило чуть отпустить якорную цепь, как ветер разворачивал корму в направлении стен. А кроме того, обыкновенный пожарный шланг, которым мы пользовались, нельзя ни сгибать, ни перекручивать. Он должен всегда представлять прямую линию в направлении объекта, что подчас весьма трудно. Ханс поплыл вперед и установил буй на месте будущих работ, за ним следовал Бастиан Хаккерт со шлангом. Ли вызвался нырять первым.

Я запустил «квентин». Ли, нетерпеливо ждавший на трапе, немедленно нырнул. Я повернул клапан до отказа. Наши ребята, которые плавали как раз над Ли, подняли вверх большой палец — это означало, что все в порядке. У меня же возникло некоторое сомнение. Поверхность моря в этом месте даже не замутилась, тогда как я ожидал, что вся вода вокруг сразу же и

надолго потеряет свой сине-зеленый цвет. Впрочем, скоро Колин успокоил меня: под водой не видно ни зги, даже собственной руки, вытянутой перед маской. Значит, насос и в самом деле работал исправно. К этому времени корабль начало слегка покачивать, трап колыхался над водой, угрожая вывихнуть руку зазевавшемуся ныряльщику. Кто-то из наших и так уже носил яркий синяк под глазом. Я метался по палубе, от машины к трапу, помогая очередной смене надеть комплект, следя за компрессором, заряжая воздухом баллоны и размышляя о том, сколько еще я смогу протянуть в таком темпе.

Мы недаром потратили в свое время целый день на отработку техники. Вдоль стены располагался тяжеленный стальной стержень весом около ста килограммов, притянутый к самодельному поплавку — ярко-красному баку из-под масла. Смысл этого несложного приспособления состоял в том, чтобы удерживать пловца на месте, когда с ломом в одной руке и шлангом в другой ему придется преодолевать силу отдачи вытекающей струи. Пловец должен был работать на ощупь, потому что через секунду все вокруг превращалось в непроглядное месиво ила, песка и грязи. Предполагалось, что на пятиметровой глубине запаса воздуха хватит приблизительно на полчаса; как только воздух в акваланге кончается, пловец подает сигнал, направив шланг вверх. Его сменщик, поджидающий сигнала на трапе, прыгает в воду и, двигаясь вслепую вдоль шланга, в конце концов наталкивается на партнера, который передает ему шланг и возвращается на яхту. Пустые баллоны перезаряжаются, и все повторяется сначала. Система работала как часы. Ханс следил за насосом, Бел готовила для пловцов горячий кофе, я скакал по палубе, как заяц, приводя в движение весь этот сложный механизм из людей, вентиля и шестеренок.

Мы изучаем найденную на дне моря древнюю стену

Только на следующий день нам удалось обозреть результаты своего труда. Там, где раньше едва проглядывала верхушка стены, она выдавалась теперь сантиметров на сорок. Итак, система действительно работала, но только в хорошую погоду и не очень быстро. Однако всякая серьезная попытка очистить от наносов большую площадь немыслима без шланга куда

более высокого давления и меньшего диаметра и своеобразного очистного устройства для просеивания ила. Именно таким оборудованием пользовался капитан Жак Ив Кусто на своем «Гран Конглуэ» при подъеме затонувшего греческого корабля с грузом вина. Эта операция до сих пор считается наиболее успешным предприятием такого рода.

На мой взгляд, пока все шло у нас неплохо. Каждый занимался своим делом. Ханс, будучи человеком трудолюбивым, но слабохарактерным, начал даже раскопки на берегу, разумеется понукаемый Арендом, который, как истый археолог, не мог удержаться от такого соблазна. Из-за порванной барабанной перепонки Аренду не разрешалось нырять. Я часто ловил его тоскующий взгляд, устремленный в глубину. Итак, Аренд и Ханс начали раскопки на берегу, у самой кромки воды, надеясь откопать там следы стен. Это оживило заглохший было интерес к нам со стороны местных жителей, которые вновь, как бывало, приветствовали нас неизменным: «Что нашли?» — и с недоверием выслушивали стереотипный ответ: «Стены». Как видно, от нас ожидалось не меньше чем статуя из чистого золота. Кстати, в этих местах бытовала легенда о римских статуях, некогда упрятанных от разгула варваров на корабле, а затем исчезнувших навсегда.

Вскоре, как раз когда дело с очисткой стен более или менее пошло на лад, погода внезапно ухудшилась. Сначала задул мистраль, который «Вестник Адмиралтейства» легкомысленно аттестовал как «северный или северо-восточный ветер весьма специфического свойства».

Ветер налетал свирепыми порывами, один из которых сорвал полотняный палубный тент. Когда мы чинили его, показался знакомый рыбак. Седая борода

придавала ему вид восточного мудреца. Я спросил, что он думает о погоде.

— Погода, э-хе-хе! Мистраль есть скоро кончаться!

Бастиан Хаккерт плывет над подводной стеной

Ободренные этим известием, мы стали готовиться к продолжению работы. И в самом деле, ветер как будто начал стихать. Затем внезапно море вспучилось, могучий порыв напруг наш парус. Р-р-раз — утренние швы треснули, как бумага, и парус украсился новым созвездием дыр.

Ветер еще клокотал в них, когда тот же рыбак проехал мимо, стоически выгребая против волны.

— Мистраль есть скоро кончаться, а? — проревел я сквозь грохот.

— Да, да, мистраль есть совсем кончаться, этот есть бора.

«Бора?» — я заглянул в «Вестник Адмиралтейства». Ответ был как нельзя более ясным: «Бора крайне опасна для парусных судов, так как возникает внезапно и дует с огромной силой». С меня достаточно. Подождем, пока погода уляжется, а тем временем осмотрим берег в этом месте.

Глава X

Пещера

Уже давно мне хотелось посетить местный музей и осмотреть Гротто Асклепиос. По одним сведениям пещера начиналась где-то в самом Цавтате, а по другим вовсе даже не в Цавтате, а в двух-трех милях от города.

И вот мы с Бел в музее.

Что это за прекрасное зрелище, когда в ленивом луче солнечного света светятся камни с греческими надписями и митраическими^[9] картинами, ссохшиеся сосуды, окаменелые куски дерева и тусклая бронза римской утвари!

Мы стоим перед останками Долабеллы, римлянки, найденной в 1920 году под развалинами церкви Сант-Никола.

Череп Долабеллы покоится в картонном ящике в обрамлении того, что некогда было, несомненно, грациозными округлостями, вызывавшими восхищение поклонников. Мне удалось сделать довольно удачное фото Ли, прильнувшего к бездонным глазницам Долабеллы.

Позже мы поднялись на холм к мавзолею, который упоминается сэром Артуром Эвансом как церковь Св. Рокко. Это несколько римских саркофагов, высеченных прямо в скале. Нам показали остатки римского амфитеатра и стену, которая когда-то стояла в величественном обрамлении мраморных плит. По мелким каналам журчит вода. По всей видимости, здесь когда-то были римские бани.

И все же мне не терпелось отыскать пещеру. О ней здесь ходили легенды, а даже мой более чем скромный опыт археолога подсказывал, что зачастую за

легендами стоят весомые факты; надо только уметь их обнаружить. В конце концов, Шлиман не нашел бы Трои, не верь он в легенду.

Одна из легенд повествовала о Кадмии и его жене. Боги немилосердно преследовали их детей. Убитые горем, супруги умолили Зевса превратить их в змей. Зевс не заставил себя долго упрашивать, он немедленно обратил Кадмию в пресмыкающееся. К ужасу окружающих, змея вскарабкалась на грудь женщины и свернулась в клубок, пытаясь согреться. А потом внезапно стало уже две змеи. Они уползли в горы, где и прожили душа в душу остаток своих дней. Так излагает историю Кадмии Овидий. Все эти метаморфозы происходили в цавтатской пещере.

Для нас более важное значение имела легенда о том, что в пещере гнездилась змея, принесенная в жертву богу Асклепию.

Имя это знакомо многим по греческим мифам. Нас заинтересовало то, что Асклепий был особо почитаем в древнем Эпидавре. В его честь, как известно, греки воздвигли величественный храм. Ну как тут не сделать предположения, что культ Асклепия греки принесли с собой и в новый Эпидавр?! А вместе с Асклепием появилась и неизменная змея, потому что змея, с ее способностью менять кожу, считалась символом врачевания, символом вечного обновления. Очевидно, пещера и была местом отправления культа Асклепия и его змеи.

Но существует еще и третья легенда. Змея в ней перевоплотилась в дракона и стала олицетворением зла, которое символизирует язычество. В пещере было логово этого дракона, который своим дыханием затягивал туда зазевавшихся крестьян и пастухов, подвергал их неслыханным мукам, а потом справлял над ними шумные трапезы. Христианский святой Илларион пришел к входу в пещеру, начертал на стене

крест, а затем вызвал дракона на битву. Тот опрометчиво покинул свое убежище и, как водится, был убит.

К сожалению, никого из местных жителей не интересовали ни легенды, ни сама пещера. Тем не менее нам удалось познакомиться с одним стариком, который рассказал, что семь — десять лет назад некий монах загорелся желанием узнать, есть ли хоть доля правды в христианской легенде. Он вошел в пещеру... навсегда. Поговаривали, что в глубине ее находится бездонное озеро. В него-то, как полагал старик, и угодил несчастный монах.

— Входил туда кто-нибудь после этого?

Он думает, что нет. Да и кому какое дело до этой пещеры.?

— А вода там пресная или соленая, морская?

— Нет, — отвечал он, — пресная, холодная вода и очень чистая. — И через секунду, помрачнев, добавил: — Была чистая, покуда туда не свалился этот монах!

Я сам попытался разузнать кое-что о пещере и установил, что в годы прошедшей войны немцы смонтировали там насос для снабжения города пресной водой: значит, озеро было довольно глубоким.

Оставалось совсем немного — отыскать эту самую пещеру. Бел и я исходили все тропки у вершины цавтатского холма, но так ничего и не нашли. Мы вернулись в кафе, на набережной, где столкнулись носом к носу с Арендом и его женой. Оставив женщин в кафе, мы с Арендом продолжили поиски.

На этот раз мы выбрали одну из узких улочек, что взбегали на холм меж домов. Без сомнения, она мало изменилась со времен Римской империи. Об этом ясно говорили тесанные мостовые плиты греческого или римского происхождения, которые напомнили мне камни Помпеи.

Миновав дома, мы вышли на вершину холма, где Аренд заметил два римских саркофага, высеченные в скале. Он вознамерился разглядеть их поближе, но, уцепившись за скалу, больно укололся о колючки, разбросанные кем-то поверх стены с единственной целью охладить пыл непрошенных визитеров. Последующая часть его монолога была на голландском, но по жестам и интонации я понял, что именно он хотел сказать. Мы двинулись дальше, потом свернули на другую тропинку. Но не успели пройти и нескольких шагов, как увидели ступеньки, почти совсем укрытые от глаз в зарослях ежевики. Они круто сбегали вниз, к чернеющей расселине.

— Ты думаешь, нашли? — с сомнением спросил Аренд.

— Должно быть, иначе для чего же ступеньки? — С этими словами я поскользнулся и, сделав невероятный пируэт в воздухе, удачно приземлился на ноги у самого входа.

С первой же минуты я понял, почему посещение пещеры столь претит даже людям с неразвитым обонянием. Уже первые три ступеньки недвусмысленно указывали на недавнее присутствие гомо сапиенс, которые пока еще обходились без канализации в качестве неотъемлемого компонента быта.

Мы взглянули друг на друга. Я включил электрический факел, и мы с осторожностью вошли внутрь.

После первых же метров оказалось, что воздух в пещере чист и свеж. Один из проходов оканчивался трехметровым обрывом. Другой извивался по узкому тоннелю, выходящему на террасу, где, по всей вероятности, и таился вход в основную пещеру. Мы хотели бы продвинуться дальше, но семиметровый перепад заставил нас отложить дальнейшее исследование этого коридора. Мы вернулись к входу и

стали спускаться вниз по ступенькам. Я осветил факелом потолок, весь в частокоте сталактитов, и вдруг почувствовал, что стою в воде. Она была столь прозрачна, что даже при ярком свете факела была совершенно незаметной. Измеренная на глаз глубина бассейна, на берегу которого мы стояли, не превышала трех-четырех метров при длине метров в шесть или семь и трехметровой ширине. Вглядевшись пристальнее, я не то чтобы увидел, а, скорее, почувствовал, что этот тоннель продолжается под водой.

Перспектива исследования подводной части пещеры не на шутку взволновала Аренда. Оказывается, не только в море акваланг может сослужить хорошую службу науке. Кроме того, здесь наверняка еще никто не нырял. И если пещера была уже заполнена водой во времена греков и римлян, а это вполне вероятно, то там могло отыскаться что-нибудь любопытное. Меня же во всем этом деле привлекала также возможность найти где-нибудь на дне бассейна бранные останки монаха-неудачника.

Внезапно Аренд воскликнул:

— О боже! Сюзан ждет меня к семи!

Я посмотрел на часы: два часа пролетели как одна минута. Мы помчались в кафе, где Бел и Сюзан встретили нас взглядами исподлобья. Но присутствие одной мешало другой высказать все, что накопилось на сердце, и обе смолчали. Мы же с Арендом трещали без умолку, чтобы дать им время поостыть.

И вот великий день настал. Я уложил в ялик все наше снаряжение: восемьдесят метров лучшего итальянского пенькового каната толщиной в четыре сантиметра, три подводных факела и все шерстяные свитеры, сколько их было на «Язычнике». Из наших ныряльщиков в Цавтате оставались только Бастиан Хаккерт и Том Мюллер. Колин Поллард и Гордон

Лэнгхем дотянули до последнего дня отпуска и вернулись в Англию всего за день до штурма пещеры.

Мой план состоял в том, чтобы первым войти в пещеру самому, оставив позади Тома и Бастиана в качестве резерва, а также как спасательную команду на случай опасности. Мы прекрасно понимали, что длительные погружения невозможны из-за низкой температуры воды, тем более что у нас не было никакой защитной одежды, разве что старые свитеры. Они, конечно, согревают, но все же непригодны для работы в холодной воде подземных источников.

Аренд и Ханс должны были исследовать «сухую» часть пещеры, тогда как Ли выступал в качестве фотографа и по совместительству летописца.

Мы начали взбираться по склону холма к пещере. Немногие прохожие, которых мы встречали по пути, были не на шутку озадачены зрелищем диковинной процессии. Вероятно, они думали: «И что нужно этим чудакам, которые тащатся по пыльной дороге, согнувшись под грузом баллонов, ласт, шноркелей, масок и бог знает чего еще?» В любом другом месте прохожие из любопытства последовали бы за нами, чтобы посмотреть, что мы все-таки будем делать, а здесь... Здесь они лишь пожимали плечами и шли своей дорогой.

У входа в пещеру мы еще раз осмотрели снаряжение и зажгли лампы. Потом, разделив груз между собой, шагнули из света во тьму. Я шел впереди, но то и дело останавливался и при свете фонаря озира́л свой отряд. Прямо за мной шествовал Аренд, вслед за ним Бастиан, потом Том и наконец Ли. Я остановился там, где ступеньки становились круче, обернулся и хотел предупредить остальных, но тут я увидел, что Том как бы шагнул в космос; потеряв равновесие, он выставил вперед обе руки, пытаясь нащупать опору. Ступеньки закручивались здесь в крутую спираль, оставляя пролет

глубиной метров в семь. Том наклонился, как в замедленной съемке, и словно нехотя рухнул в темноту. Я поднял факел и увидел, как он падал ногами вперед, ударяясь спиной о каменную стену. Помню, я подумал тогда: «Какое счастье, что он надел акваланг. Это смягчит удар» — а секунду спустя: «Проклятие, баллоны могут взорваться!» Из глубины слышался металлический скрежет, а за ним глухой удар. И тишина... Я крикнул в эту враждебную тишину:

— Спокойно, Том. Не двигайся. Я иду к тебе. — И остальным: — Всем оставаться на местах!

Я боялся, что в замешательстве мог, чего доброго, свалиться и кто-нибудь еще.

Вспомнив, как Аренд повествовал однажды о своих альпинистских похождениях, я хотел попросить его помочь мне, но он и сам уже стоял за моей спиной. Мы начали спуск. На мне все еще был надет акваланг, который пришлось оставить на первом же подходящем выступе. Том лежал на спине, лицо его было залито кровью. Когда я подошел к нему, он застонал и поднял голову.

— У меня из носа идет кровь, — пробормотал он.

Я ощупал его: нет ли переломов. Спина в полном порядке; руки, ноги тоже, кажется, целы; только глубокие царапины на груди и на локтях кровоточат. Самого Тома больше всего волновал его нос. Это напомнило мне человека, которого сбила машина и который, очнувшись, отказался от стакана воды:

— Что я, кисейная барышня, что ли?

Потом мы вытащили Тома на свет божий. Опасаясь шока, я решил перенести его на корабль, на попечение женщин. Мы же вернулись к месту происшествия. Все-таки Тому удивительно повезло! Остаться в живых после такого падения — удел одного из тысячи. И что странно, цилиндр, на который пришелся удар, даже не был искорежен, только слегка поцарапан.

Для своих девятнадцати лет Том показал удивительное самообладание. Лететь вертикально с семиметровой высоты, а потом еще столько же катиться по выщербленным ступенькам — это, знаете ли, требует мужества и при дневном свете, а уж в полной темноте, когда неизвестно, сколько придется еще падать и где в конце концов очутишься, — этого могут не выдержать даже самые закаленные нервы. Мы все сочувствовали ему: царапины и шрамы завтра же нестерпимо заноют, а поскольку ему предстояло вернуться в Англию через три дня, сезон для него на этом был закончен.

Вернувшись в пещеру, мы спустились к воде, подбирая по дороге свои оставленные где попало доспехи. В колеблющемся свете лампы кристальная вода казалась теперь зловещей. Мы начали догадываться о том, как встретил свой последний час монах. Он оступился, скатился в воду и захлебнулся в бассейне, а рядом не было никого, кто помог бы ему. Вскоре пришел Ханс с карбидной лампой. На этот раз Бастиан войдет в воду вместе со мной, а Ли будет рядом с аквалангом наготове. Прежде я намеревался обвязать канатом талию, но с камерой для подводных съемок это было бы неудобно. И тут мы обнаружили, что все наши свитеры послужили подстилкой Тому. У нас оставался всего-навсего один свитер и влажная рубашка идиотски радостной расцветки. Но мы будем нырять, черт возьми, в свитерах или без свитеров! Вспыхнули факелы и осветили поверхность воды.

— Все готово, Бастиан?

— Все готово!

Я медленно скользнул в воду, Бастиан следом за мной. Будто Алиса в стране чудес шагнула по ту сторону зеркала, в другой, полусказочный мир. Ледяная вода захватила дух, и я было подумал, что не выдержу. Еще несколько секунд — и стало ясно, что минут пятьдесят мы все-таки продержимся. Этого вполне достаточно, чтобы выполнить основную задачу — установить, является ли бассейн тупиком или имеет продолжение. Мы были в четырех метрах от поверхности, а бассейн все расширялся и уходил куда-то вглубь. Я поманил Бастиана и сфотографировал его, когда он рассматривал крупный острый, как игла, сталактит. Бастиан схватился за него, чтобы

подтянуться вперед, и вдруг сталактит растворился, ушел в никуда в его руке. Раз уж в этой пещере есть сталактиты, ясно как божий день, что она не вечно была под водой, потому что они порождаются только многовековой работой медленно падающих тяжелых капель. С другой стороны, их хрупкость свидетельствовала о том, что под водой они находятся достаточно долго, ибо сталактиты у входа в пещеру обладали твердостью гранита.

Вскоре я увидел впереди себя еще один проем, величественный, как портал, а за ним — новый зал. Мы были теперь на глубине около шести метров. Я попытался навести фокус, чтобы снять Бастиана на фоне провала, но почувствовал, что погружаюсь в какую-то липкую массу. И вдруг все исчезло. Пресная вода не столь плотна, как соленая, и в этой среде наш балласт был слишком тяжелым, поэтому-то меня и потянуло вниз. Дно здесь было покрыто метровым слоем поразительно мелкого пылевидного ила. К несчастью, я поднял облако, которое окутало нас мутной пеленой и сделало все вокруг неразличимым. Бастиан указал на веревку — она натянулась. Значит, мы дошли уже до конца. Если двигаться дальше, мы, чего доброго, не отыщем дороги назад в этом подобии горохового супа. Я нехотя дал Бастиану сигнал «Путь окончен». Мы повернули и двинулись назад.

Осматриваем находки, найденные в пещере

Когда мы вышли наконец из воды и шагнули в знакомый и близкий мир, товарищи обрушили на нас град вопросов. Оказывается, наверху изрядно поволновались: пузырьки вырывались из глубины, лопались, и звук этот отдавался многократным эхом в расселинах под сводом пещеры. Мы отсутствовали десять минут, которые показались им вечностью.

Однако перекрестный допрос пришлось вскоре прекратить, ибо у подсудимых зуб на зуб не попадал от холода, а их речь стала совершенно бессвязной. От нас поднимался пар, подобно дыханию в морозное утро.

Мы проворно проползли к входу и растянулись в лучах солнца. Было около часа дня. Решено было оставить все снаряжение на месте и пойти подкрепиться. Когда мы вернулись, одинокая свеча у кромки воды еще горела. Но, посмотрев на воду, я понял, что всколыхнувшаяся муть не позволит видеть дальше собственного носа. В таких условиях нырять не имело смысла, гораздо разумнее было исследовать боковой тоннель. Когда-то здесь был мощный обвал, но довольно давно. Рыбак, от которого я узнал о пещере, рассказывал, что в юности он не раз проходил ее из конца в конец, до самого моря. Сейчас это невозможно. Мы порыскали вокруг, но нашли только несколько черепков гончарной посуды.

Глава XI

О молунатской бухте и смысле жизни

Неотложные дела вынудили Аренда и Сьюзан вернуться в Голландию. Однако перед отъездом Аренд просил нас проделать в его отсутствие две вещи: продолжить раскопки стен, извещая его решительно обо всех находках, и по возможности тщательнее обыскивать подножия стен в поисках черепков.

Проводив их до парома, мы вернулись в Чистую бухту. Раскопки возобновились. Одни работали насосом и обнажили еще одну стену, другие долбили ломом у основания стен. Это был адский труд, потому что стены были буквально впаяны в серую окаменевшую глину. Постепенно выяснилось, что это спрессовавшиеся веками осадки, а не фундамент, сложенный рукой человека. За два дня каторжного труда мы проделали в этом твердокаменном ложе отверстие в метр глубиной, но так и не достигли дна.

— Нашли что-нибудь? — Я поднял голову и увидел Джонни, нашего приятеля из местных жителей, который, кстати, отлично говорил по-английски. Он незаметно подобрался к нам на своей моторке.

— Ничего особенного, Джонни, только несколько черепков да пару монет. А что у вас?

— Да вот, вышел в море попытать удачи, — сказал он, — а знаете, в бухте видели акулу, так что будьте начеку.

Я слышал о том, что иногда акулы посещают Адриатику, но никак не рассчитывал на личную встречу с одной из них.

— Уже были несчастные случаи? — спросил я о неподдельным любопытством.

— Всего два за последние несколько лет. Я не знаю, что это за акула, сам я ее не видел, но вы все же не зевайте. Да, совсем забыл. Если у вас есть время, я готов показать то место, где в прошлом году видел амфору.

— В прошлом году? — разочарованно протянул я, — И вы думаете, она все еще там?

— А почему бы и нет? Здесь эти штуки мало кого трогают.

Ну что ж, амфоры важны для нас даже не столько сами по себе, сколько из-за того, что они могут указывать на место катастрофы древнего судна и означать близость других, более интересных вещей. Бел, Бастиан и я, прихватив два баллона, взгромоздились в лодку Джонни.

Двадцать минут спустя Джонни заглушил мотор и выбросил якорь. Мы находились у входа в бухту, неподалеку от одинокого маяка. Вода была адски холодна, но мы ничего лучшего и не ждали. Поэтому Бастиан и я без лишних слов натянули акваланги и ринулись вниз. В расселинах каменистого дна здесь гнезилось много рыбы, а в одном месте мы даже увидели большой крюк, на котором извивался осьминог; мы забрались, по всей видимости, в чьи-то рыболовные уголья.

Вдруг я заметил квадратный ящик, но, подплыв поближе, увидел, что он оплетен двумя стальными полосами. «Сундук с сокровищами? Да нет, так не бывает!» — подумал я и снял с пояса топорик. Несколько резких ударов — и крышка раскрылась, как спелый банан.

Ружейные обоймы, по меньшей мере тысяч десять! Бастиан и я переглянулись в замешательстве. Я знаком показал Бастиану, что надо бы осмотреть здесь дно.

Через минуту я увидел краешком глаза, что Бастиан рванулся к небольшой кучке на дне. Я подплыл к нему, и как раз вовремя — он держал в руках что-то весьма напоминающее ручные гранаты со старыми проржавевшими чеками. Я бросился, чтобы закрепить их, но Бастиан, не догадываясь о назначении своей смертоносной находки, небрежно уронил гранаты на камень. Я шарахнулся в сторону.

Позже я пытался выяснить происхождение всей этой обильной амуниции. Похоже, что корабль с грузом боеприпасов взорвался где-то поблизости: гранаты были немецкими, образца 1914 года. Может быть, именно здесь затонуло судно известного нам «Робинзона».

Потом в поле нашего зрения попали обломки амфоры и большая металлическая плита, придавившая приземистый глиняный сосуд диаметром по крайней мере сантиметров в сорок. Римляне и греки хранили в таких сосудах зерно или масло; по форме они напоминают приплюснутый мяч для игры в регби с двумя ручками и круглым горлом. Трудно представить, как древние ухитрялись носить их. В музее в Сплите мы видели амфору, которую сильный мужчина, взявшись за одну ручку, вряд ли мог бы даже сдвинуть с места. Есть злая ирония судьбы в том, что произведение древнего мастерства выстояло против всех ухищрений и ударов коварного моря и пало, сокрушенное убогим творением нашего «цивилизованного века»!

Стало трудно дышать. Манометр показывал десять атмосфер. Я нехотя всплыл на поверхность. Лодка покачивалась в отдалении. Я выплюнул загубник и, ухватив зубами шноркель, поплыл поверху.

Джонни удивился, что мы не нашли его амфоры, но заинтересовался патронами. Мне не терпелось взять два других баллона и нырнуть еще раз, но совесть не

позволила мне бросить на целый день тех, кто в поте лица трудился на стенах.

— Назад, на корабль, Джонни! Как-нибудь попробуем еще разок!

Наш насос тем временем разошелся не на шутку. Работал он исправно, но очень скоро превратил Чистую бухту в непроглядное вспученное месиво. Продолжать работу не имело смысла. Поэтому Ханс отправился с легким сердцем в Цавтат, а оттуда в Дубровник, где у него была назначена встреча с одним капитаном, который участвовал когда-то в спасательных работах в Молунате, в десяти милях отсюда.

Мы и раньше знали об этих развалинах в Молунате, но не обратили на них ни малейшего внимания, так как они, на наш взгляд, не имели прямого отношения к Эпидавру. Однако еще в Голландии Ханс видел металлический кувшин и несколько кинжалов, купленные, как оказалось, в Молунате у местного рыбака. Кувшин относился к III веку н. э., то есть к эпохе заката Римской империи. Кинжалы были турецкими и датировались одиннадцатым веком. Рыбак утверждал, что нашел их на затонувшем корабле.

Потом уже д-р Николаичи как-то назвал нам в разговоре имя Иосипа Луетича, отставного капитана, а ныне директора Морского музея в Дубровнике, большого знатока этих мест. Любопытно, что при работах по поднятию затонувшего корабля в Молунате, по рассказам Луетича, пользовались тем же методом, что и мы сейчас. Погребенный в иле корабль оказался судном русского флота, потопленным в период наполеоновских войн. Капитан обнаружил там несколько пушек и мушкетов английского производства, но, поскольку корабль взорвался еще до того, как затонул, уцелело лишь очень немного, да и это было разбросано на большом пространстве под двухметровым слоем грязи. Капитан упомянул еще и о

неопознанных обломках другого корабля где-то неподалеку, на глубине от пятидесяти до шестидесяти метров. Местные рыбаки, к слову сказать, первоклассные ныряльщики, знали о них, но большая глубина надежно укрыла собственность моря от их вторжений. Вообще-то метров восемнадцать — двадцать для них не преграда, но никак не больше. Насколько мне известно, мировой рекорд глубины погружения без акваланга равен шестидесяти метрам сорока сантиметрам и принадлежит ловцу губок греку Георгиосу, который в 1913 году привязал на этой глубине канат к якорю итальянского крейсера «Регина Маргарита».

Как видно, большинство затонувших кораблей вполне доступно этим искусным ныряльщикам. Но конечно, не может быть и речи о сколько-нибудь длительной систематической работе на такой глубине. Это превышает человеческие возможности. Немыслимо час за часом кропотливо удалять наслоения или даже бегло осмотреть корабль без специального дыхательного аппарата.

Капитан Луетич вел речь и о другом судне, затонувшем на десятиметровой глубине. Там, по его словам, в донных осадках лежит много амфор. Да и вообще, греческий или римский корабль в десятке миль от Эпидавра стоил того, чтобы его разыскать. Ханс попросил капитана собрать дополнительные сведения. И вот он отправился в Дубровник, чтобы во второй раз встретиться с капитаном. Мы искренне желали ему удачи. Несколько дней поисков где-нибудь южнее по берегу моря были бы желанным просветом в нашей стеноочистительной эпопее. Один только неисправимый скептик Ли остался верен себе:

— Греческий корабль, как бы не так! А не хотите ли старую страхованную, перестрахованную посудину,

которую в свое время даже не удосужились зарегистрировать?!

В этот вечер мы вернулись поздно и застали Ханса в кафе на набережной. С ним сидели двое незнакомых мне людей: аккуратный мужчина и крепко сложенная девушка.

— А, вот и вы! — завопил Ханс. — Эти двое целый день ищут вас по всему городу!

Я ощутил жгучий стыд: время летело настолько быстро, что я совершенно забыл о Барбаре Боутон и Дэвиде Уилли. Именно Дэвид писал мне из Северной Африки, что он и Барбара должны приехать примерно в это время.

С профессиональной точки зрения эти двое были как нельзя более кстати. Барбара обладала большим и разнообразным опытом. Она ныряла на Корфу, помогала известному гидробиологу Найту Джонсу, была членом кэмденской группы Британского подводного клуба и принимала участие в подъеме затонувшего китобойца в Арсли, севернее Лондона. У Дэвида было мало практического опыта, но он горел желанием стать классным ныряльщиком, а это главное. Он учился в Оксфорде, был обладателем нескольких именных стипендий, одна из которых позволила ему изъездить вдоль и поперек Грецию, а другая была целиком истрачена на длительную поездку по США и Канаде. Во всех своих путешествиях он не уповал на щедрого папу, а решительно засучивал рукава и работал неделю-другую то судомойкой, то поденным рабочим.

Итак, нас стало восемь. Мы представляли крепко спаянный, дружный экипаж, Бел была коком и агентом по заготовкам. Барбара отвечала за состояние аквалангов, регулярно промывала все клапаны и трубки в пресной воде (эта работа значительнее, чем кажется, потому что соленая морская вода немилосердно съедает резину, не говоря уже о мелком гравии,

который забивается во все щели и отверстия). Бастиан поставлял к столу свежую рыбу: в качестве штатного охотника экспедиции он всегда приходил с добычей. Ли был среди нас человеком свободной профессии — он снимал фильм. Дэвид подвизался корабельным юнгой и судомойкой. Ханс был ответственным за ялик и ведал нашими взаимоотношениями с властями и населением.

— И где этот Молунат? — нетерпеливо спрашивала Бел. А Молунат был уже совсем рядом — отличная естественная бухта с небольшим островком, запирающим вход в горловину. Корабль затонул у самого островка, на глубине около десяти метров. Я бросил якорь как можно ближе к нему.

Кристалльная вода и ни единого дуновения ветра. Чего еще желать? Дно здесь было твердым. И почти тотчас же мы напали на груды амфор, наполовину скрытых в песке. Ли был вне себя от радости и перепробовал все мыслимые и немыслимые ракурсы съемки, пока их вытаскивали на палубу.

Подъем римской амфоры

Делали мы это так: один из нас вынимает загубник и держит его выше уровня вентиля. В таком положении воздух из шланга вырывается бьющей струей. Двое других высвобождают амфору и приподнимают ее, тогда как первый направляет внутрь струю воздуха из своего акваланга. Теперь амфора на плаву. Она величественно всплывает на поверхность и

экспортируется одним из ныряльщиков к кораблю, где ее уже поджидает Ханс с веревкой в руке.

Некоторые амфоры, заполненные мелкими камешками и спрессовавшейся грязью, были очень тяжелы. Однажды я сунул руку внутрь амфоры с намерением выпотрошить оттуда начинку и почувствовал что-то отвратительно скользкое. Потом из грязноватого облачка передо мной показалась мурена. На какой-то миг я решил, что мне конец. Она впилась в меня длинным холодным взглядом, потом метнулась прямо в лицо, но промахнулась и скользнула мимо, в миллиметре от левого уха. Да, это крайне неприятное ощущение, тем более что однажды на моих глазах пойманная мурена отгрызла кусок двухдюймовой палки, подобно тому как человек расправляется с сырой морковью. После этого я всегда наклонял амфору, прежде чем сунуть туда руку.

Осьминоги также весьма частые обитатели этих кувшинов. Одного из них я заставил позировать перед кинокамерой Ли, выпустив его на волю, а точнее, сам выпутываясь из его цепких объятий. В последний момент он выпустил облако чернил. Тогда я снова поймал его, уже безвредного, и сунул в мешок, чтобы потом подшутить над нашими дамами.

Одна из найденных в тот день амфор была необычно изысканна по форме, но с отбитым дном. Мы решили поднять ее на веревке. Но тут маленький осьминог, обитавший внутри амфоры, попытался улизнуть через дыру в днище. Низ сосуда оставался под водой, но, пока мне принесли камеру, этот сорванец воспользовался черным ходом и был таков.

Мы зарисовали положение амфор на дне, но, разумеется, без насосов нечего было и думать о том, чтобы откачать ил, поэтому нам достались лишь те из них, что находились на палубе затонувшего корабля. Смеркалось, когда началось третье за этот день

погружение. На этот раз мы нашли блюдо с примитивным рисунком и кусок греческой вазы с надписями на одной стороне.

Позже к нам подплыли рыбаки. Один показал золотую монету, найденную в амфоре, но, как я ни уговаривал его, он не пожелал с ней расстаться. Другие рассказали нам, что» это место было когда-то излюбленным убежищем пиратских судов и что на дне гавани лежит много затонувших кораблей, но все же их гораздо больше в бухте, в трех милях к северу. Что же, в наши намерения входило осмотреть и все близлежащие заливы и бухты.

Темнота опустилась на море. По-братски разделив спальные мешки, мы разлеглись под теплыми звездами, после чего палуба стала похожа на платформу лондонской подземки во время воздушного налета.

Жужжание бесчисленных ос было нашей песнью пробуждения на следующее утро.

— Если оставить их в покое, они ни за что не тронут! — посоветовал корабельный мудрец Ханс и в ту же секунду подскочил на стуле, залив чаем весь стол. Я хохотнул в кулак, а другие бестактно рассмеялись прямо ему в лицо. Но хорошо смеется тот... Словом, через час все мы были немилосердно изжалены осами.

— Эти чертовы осы не знают правил, — стонал Ханс. К счастью, мы быстро обнаружили, что именно их привлекало — рыба! Нет, не свежая, а развешанная на палубе для копчения. Ли оперативно сунул рыбину в ведро с водой, и через пару минут двадцать осиных трупов были симметрично разложены на палубе. Несносные маленькие людоеды гибли сотнями, но не подумайте, что это хоть как-то облегчило нашу участь. Нет, в конце концов, нам пришлось отказаться от явно никчемной затеи и поскорее забраться в воду. Первым нырнул Ли, а за ним — марш, марш — быстро попрыгали все остальные. Эта часть гавани была абсолютно

пустынна, и я счел за лучшее завести корабль в тот заливчик, где мы провели предыдущую ночь. Внезапно послышался громкий крик Ханса. Он плыл в ялике неподалеку от «Язычника» и вглядывался во что-то на дне через ведро со стеклянным дном.

— Кажется, большой корабль! Метров тридцать в длину и доверху набит великолепными камнями!

— Неужто ты и камни разглядел? — ехидно спросил я.

— Да, клянусь богом, — ответил он совершенно серьезно.

Я не стал вдаваться в дискуссию. Акваланг был уже на спине, я прыгнул в воду и помчался в указанном направлении. От того, что я увидел, у меня чаще забилося сердце. Конечно же, это был самый настоящий корабль с грузом строительного камня, только местами поросший плесенью. Он лежал на десятиметровой глубине и был прекрасно освещен солнцем. Я подумал, не отправиться ли мне за кинокамерой. И в этот момент мое внимание привлекли деревянные балки. Ведь дерево неплохо сохраняется в глине, иле или донных осадках, что и было доказано в ходе многочисленных операций по поднятию древних судов. Но в чистых струящихся водах гниение и черви делают свое черное дело, и через пару веков даже самое крепкое дерево превращается в прах. Как я установил при ближайшем рассмотрении, рангоуты — ребра корабля — уцелели и задиристо торчали из-под кучи корабельного груза. Я поскреб один рангоут ножом и прочел: «Де Филиппис». В другом месте обнаружилась надпись «Сделано в Бари». Позже один рыбак рассказал нам, что этот корабль потерпел крушение лет восемьдесят назад. Всего восемьдесят! Мы тщательно осмотрели это место, но ничего ценного так и не нашли. Бастиан затеял игру в прятки с увальнем-меру фунтов на пять-шесть. Воздух

в аквалангах начал иссякать. По дороге на «Язычник» я заметил несколько выступов на дне — обломки амфор.

Бел Баркер рассматривает только что поднятую со дна греческую амфору

В принципе, наличие амфор совсем не обязательно указывает на близость затонувшего судна. Эти глиняные контейнеры знали по всему античному миру, а не только в Греции, и, как я себе представляю, спустить пустую амфору в море было тогда так же просто, как в наши дни выбросить за борт пустую бутылку из-под кока-колы. А кроме того, когда опасность угрожала древнему кораблю, его экипаж освобождался от какой-то части груза. Иное дело, когда несколько амфор располагается на дне в более или менее правильном порядке, то есть так, как они, очевидно, были уложены на палубе. Тогда ищи корабль где-нибудь поблизости, но знай, что найти его не так-то просто. После двух тысяч лет море оставляет, как правило, якорь да куски свинцовой обшивки. И вот тогда начинается настоящая работа — несколько лет каторжного труда, если действовать последовательно, откачивать ил с помощью насоса и добросовестно поднимать наверх все, что представляет хоть малейший интерес. Месяц тянется за месяцем, штиль переходит в шторм, одна команда ныряльщиков сменяет другую; так же берут они неуклюжий, по-ослиному упрямый шланг и науськивают его на погребенную в иле добычу, а он, засорившийся еще в прошлую смену, рвется из рук и извивается, как допотопный ящер. Все это достаточно трудно и на суше, а в море, с борта корабля, трудности увеличиваются тысячекратно.

Сведения о кораблях, затонувших в бухте Молуната, которые передал нам капитан Луетич, оказались в основном верными. Но я решил зайти попутно и в другую бухту, к северу от Молуната, с тем чтобы вернуться в Молунат завтра утром. Там мы предпримем последнюю серию погружений перед возвращением в Эпидавр.

Мы бросили якорь еще до наступления сумерек. Барбаре и Бастиану захотелось хотя бы взглянуть на

дно. Они натянули акваланги и исчезли в воде.

Через пять минут у трапа показалась Барбара. Она была в сильном возбуждении.

— Какая-то странная рыба привязалась ко мне и не отстаёт!

Мысль об акуле тотчас же пришла мне в голову. Я помчался за ружьем.

— Смотрите, вот она! — закричал Дэвид. И действительно, тонкая черно-белая рыба около двух метров в длину атаковала Барбару. Когда очередное нападение было отбито, рыба сделала новый заход и приблизилась снова. В темноте было трудно сказать наверняка, но, по-моему, это была рыба-прилипала, которая потеряла своего патрона и теперь искала нового.

Бастиян взял маленькое гарпунное ружье с трезубцем и ринулся вниз, чтобы навсегда очистить местность от этого навязчивого существа. Но рыба представляла слишком неудобную мишень, тем более что она оставила в покое Барбару и двинулась на самого Бастияна. Куда бы он ни поворачивался, рыба тенью повторяла все его движения. Тем временем Барбара исчезла в глубине, оставив своего благородного защитника в рискованном одиночестве. Таковы женщины! После десятиминутного акробатического номера, исполненного Бастияном в довольно живом темпе, рыбе вдруг приглянулся корпус корабля, и она повисла под килем. Бастиян взобрался на трап, еле переводя дыхание.

— У нас в Скандинавии не встретишь такой настырной рыбы, — смущенно говорил он. И вдруг вопль из воды! Коварный морской пострел, оказывается, затаился и поджидал Барбару.

— Этот негодяй влюбился в Барбару! — произнес Бастиян. Но вот и она освободилась тоже. «Что за странная рыба!» — подумал я, затем опустился в каюту

и просмотрел все, что имелось в нашей библиотеке о рыбах, но ни в одном справочнике не было ничего похожего на нашего знакольца, хотя и упоминалось несколько видов прилипал. Кажется, наиболее близкое подобие описывалось в Малом атласе рыб, хотя и там цветная иллюстрация изображала эту рыбу синей сверху и с белым брюхом, тогда как наша прилипала была отчетливо окрашена в белое и черное. Я жалел, что ее не удалось сфотографировать, но оставалась надежда, что она не покинет нас до утра. Мы поужинали и после минимальной перепалки из-за обладания любимыми местами на палубе кое-как улеглись.

Но «кого покой и сон манит, тот моря пенного бежит». Не помню, кто это сказал, но он был тысячу раз прав. Не успели мы сделать первый шаг в зыбкое царство грез, как разверзлось небо и под сверкание молнии и раскаты грома потоки воды обрушились на грудь спящих тел. Последовал пугающе реалистический фрагмент из «Вальпургиевой ночи», кто-то неопознанный проделал не меньше четырех шагов в спальном мешке, прежде чем недостаток практики в традиционном виде школьного спорта, называемого «бег в мешках», поверг его наземь. Кто-то другой схватился за амфору, которая прокатила его по палубе и приземлила на грудь глиняных черепков. Он не получил ни царапины, но посуда-то была как-никак двухтысячелетней давности.

В мгновение ока все набились в рубку. Во время этого столпотворения я пытался выяснить для себя, что же именно привязывает людей к яхтам. Мне вспомнились все лишения и невзгоды, все «капризы ветреной судьбы», которые так осложняли мою собственную жизнь. Но постепенно оптимизм стал брать верх. Почему яхты мне так по душе?! Почему я не мыслю свою жизнь без моря? Может быть, в этом

повинен ветер, звонко поющий в снастях, и солнце, ласковым прикосновением благословляющее лоб, в то время как сам ты всем существом своим вздымаешься и опадаешь, плоть от плоти этого моря, которое наполняет биением жизни все тело твое, до самых кончиков пальцев, или ощущение, что время прекращает, неумолимый бег и мир погружается в небытие, а ты — повелитель своего корабля, познавший душу его и свою перед лицом вечной жизни?

...Дождь прекратился. Над нами всходило солнце. Я спустился в каюту и сделал себе крепкий кофе.

Глава XII

Обломки, осадки, отшельники и акваплан

Первыми ныряли Барбара, Ли, Бастиан и я. На глубине шести метров мы вошли в слой ледяной воды и, слегка согревшись, пошли дальше, на дно. Это было ложе из песка и ила, испещренное ковыльными метелками водорослей. Видимость ничтожна. Все очень напоминало одно из тех болот под Дартмуром, которые выглядят такими необычными в липком предутреннем тумане.

Впереди вырисовывалась темная полоса. Конечно же, остов корабля, вот и ребра-рангоуты торчат из грязи. Подплыв ближе, я едва успел увидеть ряд полузасыпанных грязью пушечных ядер, ибо в следующую же минуту нивесть откуда свалился Ли, и все вокруг заволкло мутной пеленой.

Я всплыл метра на три и огляделся. Внезапно Бастиан схватил меня за руку и указал на дно. Что-то зашевелилось в зарослях, и мы оба бросились туда. Там, на дне, шевеля усами, сидел огромный рак-отшельник. Я попросил Бастиана поддержать его, пока я наведу фотокамеру. К сожалению, Бастиан был незнаком с этим видом подводной деятельности и понял мою просьбу слишком буквально. Он вынул нож и бросился на противника. Я нажал спуск, но проклятая вспышка не сработала. Бастиан все еще преследовал рака, который резкими рывками пятился назад. Дело принимало печальный оборот, потому что рак двигался вспять с быстротой автомобиля, и каждый новый удар мощного хвоста уносил его еще на метр назад. Я понял, что он вот-вот исчезнет в мутном круговороте.

Пока Бастиан занимал плацдарм для новой атаки, я ухитрился и схватил рака сзади. Это было моим просчетом, потому что мгновением раньше Бастиан ринулся в последнюю, решительную схватку. Его нож пощадил меня, зато акваланг нанес мне искрометный удар в лицо, сдвинув наполовину маску, которая тут же наполнилась водой. Держа отчаянно вырывающегося рака в одной руке и фотокамеру в другой, я не мог и думать о том, чтобы очистить маску от воды. К счастью, сквозь водяную призму я смог разглядеть Бастиана и сунул ему в руку строптивного представителя семейства ракообразных. Затем, кое-как выдув воду из маски, я еще раз попытался запечатлеть участников схватки. Удержать большого рака довольно трудно, особенно если не знаешь, где у него голова, где хвост, который, кстати сказать, усеян снизу доверху двумя рядами шипов, способных нанести глубокие болезненные раны каждому, кто безрассудно нападет на их обладателя с задней стороны. Кроме того, размягченная водой кожа рук покрывается порезами об острые края раковины. Бастиан получил сполна и то и другое.

Тем временем моя камера наотрез отказывалась работать. Мы были на двадцатиметровой глубине, а поскольку я поставил короткую выдержку, нечего было и думать о том, чтобы снимать при таком освещении. Я указал вверх, Бастиан кивнул, и мы всплыли.

Как только освещение стало лучше, я сделал желанный снимок и поплыл к кораблю. Бастиан последовал за мной. Ему предстоял полный курс лечения дезинфектантом и липким пластырем. Вообще, многочисленные шрамы, раны, порезы и царапины всегда составляют неотъемлемый результат подводного плавания. Они заживают долго: дней семь — десять. Морская вода жжет раны, и если их не лечить, то они причиняют ощутимую боль, когда входишь в воду.

Появился Ли. Он тоже выследил большого рака и даже схватил его за усы, но рак предпочел оставить ему усы и благополучно скрылся. Я. показал Ли нашу добычу, украшенную парой роскошных усов. Он посмотрел на меня почти с ненавистью.

— Я, пожалуй нырну, взгляну на эту развалину! — деревянно-безразличным тоном сказала Барбара.

— И я!

— И я!

— И я!

На удивление оперативно натянув акваланги, мы устремились вниз, полагая, что скованный шоком рак Ли все еще там. Но боже мой, как мы были наивны. Этот пройдоха исчез. Мы вернулись к затонувшему кораблю ни с чем.

По меньшей мере двести ядер, весом в три-четыре килограмма каждое, лежали аккуратной кучкой, едва возвышаясь над поверхностью песка и ила. Вокруг были в изобилии разбросаны снаряды странной формы, похожие на гантели. Как мы позже выяснили, это были ядра с горючей смесью, своего рода древние зажигательные бомбы. Горючий материал наворачивался на перекладину меж двух скрепленных шаров. Другие ядра были полыми, — вероятно, горючая жидкость заливалась внутрь. Разбирать деревянные части корабля следовало с величайшей осторожностью, потому что каждый неловкий шаг вздымал облако мути. Несмотря на это, мы обнаружили в тот день несколько глиняных сосудов, стеклянную вазу, заступ, мушкет и несколько шомполов. Больше мы не могли здесь оставаться ни единого часа, чтобы успеть вернуться в Цав-тат до темноты. Пришлось прекратить погружения. На прощание я все же настиг безусого противника Ли в его гнезде, и через несколько минут два неудачника уже варились в кипящей воде, приобретая тот нежно-розовый цвет, который обещает столь много

истинным любителям пива. В тот вечер Ли, Бел и я смаковали langoustes более или менее a la Parisienne, плод трехчасовых кулинарных усилий Бел.

По возвращении из Молуната возобновилась работа у подводных стен. Мы не ставили себе задачу откапывать каждую отдельную стену, что заняло бы еще лет пять. Нам хотелось знать лишь какова высота этих стен, а также по возможности разыскать стены, направленные с севера на юг. Все стены, которые мы видели до сих пор, простирались неизменно с запада на восток, с небольшими отклонениями. Работа подвигалась медленно, потому что серая глина у подножий стен обладала твердостью гранита. Чтобы долбить ее несколько часов подряд при буквально нулевой видимости, требовался незаурядный оптимизм.

— Что ты думаешь об этих камешках? — спросила однажды Барбара, поднявшись на палубу после очередной смены. Ханс внимательно осмотрел их.

— Да ведь это осколки мозаики! — вскричал он. — Где ты нашла их?

— Около маленькой стены в сотне метров к западу.

Мы отыскивали эту стену и, порыскав вокруг, нашли еще несколько камешков. Но к сожалению, осколки мозаики были разбросаны по дну на довольно большой площади, и мы ограничились тем, что взяли лишь некоторые из них. Я хотел запустить насос, но, поразмыслив, решил, что он только разбросает оставшуюся мозаику на все четыре стороны.

А потом в нескольких метрах от этого места мы нашли первую стену, простиравшуюся с севера на юг. Даже нет, не собственно стену, а всего несколько плит под слоем грязи, но, несомненно, в поперечном направлении. Рядом с ними лежали десять больших мостовых плит. Другая наша группа исследовала дно неподалеку от того места, где мы выкопали свою самую первую пробную траншею. Они тоже нашли три стены,

которые как будто бы составляли стены одного дома. Одна из них расположилась с востока на запад, зато две другие — с севера на юг. Чем больше ширился район исследований, тем яснее становилось, что вся эта площадь была когда-то тесно застроена зданиями, которые начинались сразу же за городскими воротами.

До сих пор мы так и не принимались за холмики грязи перед гостиницей «Эпидавр». Для того чтобы работать и здесь и в Чистой бухте, у нас решительно не хватило бы времени. Однажды мы все же прозондировали холмики со стальными прутьями в руках: слой грязи оказался по меньшей мере полуметровой толщины. После небольшой дискуссии было принято решение бросить все силы на обследование Чистой бухты. Кроме того, мы были исполнены решимости продолжать раскопки в бухте Тихой.

Здесьные рыбаки, словоохотливые, как и их коллеги повсюду в мире, поведали нам массу увлекательных историй. Если все они были бы еще и достоверны!.. И все же больше всего на свете нам хотелось отыскать «улицу», которую так отчетливо видел Ханс пять лет назад. В этом смысле все наши погружения ровно ни к чему не привели, поскольку ни разу за все это время видимость не позволила детально рассмотреть дно. На повестке дня стояло также второе посещение пещеры Асклепия. Но его я решил отложить до того счастливого и одновременно несчастливого дня, когда непогода помешает нам работать в море.

Как-то мне захотелось осуществить стародавнее желание и сделать несколько фотографий под водой, о которых так долго и так тщетно молил Аренд. Это было весьма непросто по той причине, что вода в Чистой бухте, по крайней мере с точки зрения фотографа-дилетанта, никогда не бывала «чистой». Может быть, туристам, которые роились у пирса в надежде узреть

полулегендарные стены, она и казалась идеально прозрачной, но даже на небольшой глубине эта прозрачность была подернута плотной зеленоватой дымкой. Бывало, я проявлял всю свою черно-белую пленку, так и не видя ни в одном кадре долгожданных стен. О, снимать под водой совсем не то же самое, что беззаботно щелкать аппаратом на суше. Вода составляет преграду свету, причем плотность этой преграды растет по мере погружения. Я наивно полагал, что фотографирующее человечество дошло уже до изобретения водонепроницаемых экспонометров. В этом святом убеждении я и закупил последнюю модель, которая, как без лишней скромности утверждала реклама, работает с гарантией на глубине до тридцати метров. Но к сожалению, эта штука наполнилась водой уже в первые пять минут работы на десяти метрах.

В тот день, однако, вода и на самом деле была ослепительно прозрачной. Поскольку по воле начальника пожарной команды мы на время были лишены насоса, у меня оказалось достаточно времени, чтобы целиком отдалиться фотографии.

Как только «Язычник» стал на якорь, я разбросал вокруг кусочки хлеба и всякую другую приманку для мелкой рыбешки. Дело в том, что если фотографировать голую стену без подводной живности на ее фоне, то стена будет выглядеть неестественной, не создается впечатления колышущейся водной массы вокруг нее. Закончив фотографирование, я поспешил на судно. Ныряльщики только что взобрались на борт после, второго в этот день погружения. Но оно, как и первое, оказалось безрезультатным.

— В конце концов, это глупо, — сказал Ли, — надо раз и навсегда установить, есть ли вообще какие-нибудь развалины так далеко в — море. Погружения вслепую ничего не дают.

— Так-то оно так, — признал я, — но мы же планомерно обшарили всю бухту в самом начале, когда думали, что развалины залегают на большой площади и видны с поверхности; и только теперь мы поняли — ты в том числе, я надеюсь, — что они покрыты толстым слоем грязи и ила. Прочесать дно сантиметр за сантиметром у нас попросту нет никакой возможности. Вот и остается надеяться на его величество случай.

— К черту случай. Разве нельзя скроить акваплан? — предложил Ли. — Это очень ускорило бы работу.

Мысль показалась разумной. Если буксировать ныряльщика на канате на глубине метров десяти, то он сможет рассмотреть дно довольно неплохо: стоит ему заметить что-нибудь достойное внимания, он сползет с акваплана и постарается держаться поближе к этому месту, пока корабль не подойдет к нему и не выбросит буй.

Надо ли говорить, что уже на следующий день я рыскал по Цавтату, отыскивая подходящий материал для изготовления акваплана: кусок прочной древесины пяти с половиной метров в длину и шестидесяти сантиметров в ширину.

Мои поиски были безрезультатны, и тогда за дело принялся Ханс. Не прошло и двух часов, как он отыскал кусок старой древесины, который уже несколько лет валялся без дела в какой-то лавке. Местный плотник подрядился обтесать доску до нужного размера, а Ли вызвался сделать из нее акваплан. Но его участия не понадобилось: как только плотник понял, что от него требуется, он принялся за работу, и через несколько часов нам с триумфом был вручен готовый акваплан. Мы получили еще и счет на восемьсот динаров, что составляет всего-навсего пятнадцать шиллингов. И это за акваплан, который едва ли чем отличался от тех, что я видел в спортивных магазинах Англии по цене двенадцать фунтов за штуку. Ручками служили два

дюймовых деревянных колышка, которые выдавались по обеим сторонам доски на пятнадцать сантиметров сверху и на пять сантиметров снизу. К нижним концам каждого колышка была привязана веревка. Обе веревки сходились в десяти сантиметрах перед доской и привязывались к буксировочному канату.

Решено было немедленно испытать акваплан в действии. Поскольку автором идеи был Ли, ему и принадлежала честь быть первым. Плавание на акваплане представляло собой своеобразное рыскание в нескольких метрах от поверхности. Принцип был неимоверно прост: ныряльщик берется за ручки, и, как только он сигнализирует «готов», буксир трогается с места со скоростью четырех-пяти узлов. Теперь ныряльщик может регулировать глубину погружения, наклоняя доску то вниз, то вверх. Правда, если он по неумению или небрежности наклонит доску слишком резко, то спикирует вниз, сразу метров на двадцать, рискуя при этом порвать барабанные перепонки. Если же, наоборот, он слишком поспешно вздыбит доску, находясь на приличной глубине, то ракетой взмоет к поверхности, что чревато печальными последствиями для его легких. Иными словами, осторожность, осторожность и еще раз осторожность! Мы решили не пожалеть целого дня, чтобы каждый мог попривыкнуть к акваплану на разных скоростях и хорошенько набить себе руку перед началом серьезного поиска.

На карте бухты Тихой, изданной Адмиралтейством, в четырнадцати морских саженях от берега было обозначено затонувшее судно средних размеров — корабль постройки 1914 года. Его-то мы и решили сделать объектом нашего первого поиска на акваплане.

К сожалению, видимость оставляла желать много лучшего, дно просматривалось относительно сносно лишь метров с пяти. Чтобы как-то забираться на двадцатиметровую глубину, мы удлинили буксирный

канат и привязали пятикилограммовый груз в метре от доски. Но теперь, когда ныряльщик был распластан в неподвижности на акваплане, давал себя знать холод. К тому же на дне мы ожидали увидеть чуть тронутый временем и морем, но в основном целый корабль, а увидели занесенный илом холм, одиноко возвышавшийся над пустынной равниной. Пришлось отказаться от повторного осмотра бухты. Ведь если бы и он не дал никаких результатов, отпала бы всякая охота продолжать погружения в этом месте. Мы в большей степени стремились обуздать коварный акваплан, чем тщательно осмотреть дно, и вполне возможно, что многие интересные вещи остались бы незамеченными. Погружения закончились поздно вечером, и мы поднялись на «Язычник», еле волоча ноги.

Ли спал под открытым небом: внизу его аристократическим легким не хватало кислорода. Внезапно сверкнула молния, и потоком хлынул дождь. Я всегда гордился тем, что являюсь обладателем «сухой» яхты. Люки задраивались настолько плотно, что средних размеров океан, хлынувший через борт, не замочил бы и койки. Но в ту ночь хлестало так, словно все люки были распахнуты настежь. Периодические вопли с палубы свидетельствовали о том, что вместо кислорода легкие Ли медленно, но верно заполняются водой. Бедняга Ли! Он полагал, что все обойдется коротким дождичком, а когда понял наконец, что заблуждался, на нем уже нитки сухой не было.

На следующий день уже в шесть часов утра было слышно, как Ли, у которого кончалась пленка, ворча, отвязывал ялик, чтобы поспеть к утреннему автобусу в Дубровник. Из его ворчания явствовало, что 1) ялик быстро наполняется водой и он не успевает ее вычерпывать, 2) Ли снова вымок до нитки, 3) он весьма безрадостно провел ночь.

В восемь часов, когда ливень перешел в настоящий потоп, мы услышали, что ялик возвращается.

— Кого еще там черт несет? — поинтересовался я. По мере приближения ялика поток богохульств усилился. Ага, Ли возвратился: автобус был переполнен, и он не смог уехать.

Дождь лишил нас возможности понырять в этот день, имело смысл остаться на борту и наконец рассортировать и перенумеровать все те глиняные, фаянсовые, каменные и другие находки, которые к этому времени совсем загромождали палубу.

Ли быстро оправился и стал делать зарисовки наиболее интересных находок, а я фотографировал их, как только ливень немного стихал. Мы ждали д-ра Николаичи, который должен был решить, что из найденного нами пойдет в музей в Сплите, а что останется в Цавтате. Кроме того, я очень рассчитывал на приезд Фернана Бенуа из музея Борелли в Марселе, где были выставлены археологические находки капитана Жака Ива Кусто, включая и знаменитые находки экспедиции на «Гран Конглуэ». Я обещал предоставить Бенуа все, что его заинтересует, и теперь ждал его ответа.

Составив список отметок и надписей на отдельных предметах утвари, я отослал его Аренду для опознания.

Среди всего прочего мы обнаружили небольшой глиняный сосуд, который вскоре проследовал в нашу каюту, где мне пришлось пресекать всякие попытки использовать его в качестве пепельницы. Бел уже превратила в сахарницу одну из амфор, а в другой держала соленую рыбу.

— Не поставить ли еще парочку у машины, где суше, — сказала она, — тогда рис не будет так быстро портиться.

— Ради бога, Бел! Им же по две тысячи лет! — простонал я.

— А что тут такого? Разве не для этого они и сделаны?

Женщины всегда правы — такова особенность женской логики. А может быть, древний сосуд получит новую путевку в жизнь, наполнившись золотистым зерном? Все-таки лучше, чем стоять на запыленной музейной полке под бесстрастно отсутствующими взглядами посетителей...

С набережной меня окликнул Ханс, и я поплыл за ним на ялике. Дождь насквозь промочил его одежду, но отнюдь не подмочил энтузиазма.

— Знаешь, что я узнал? — Ханс был весь натянутая струна. Оказывается, один местный крестьянин рассказал ему о какой-то мозаике во двореке неподалеку. Ханс тотчас же решил отправиться на поиски. После долгого хождения этот добровольный проводник привел его к грядке помидоров.

— Вот здесь, — сказал он. — Посмотрите-ка, до сих пор видны отдельные камешки.

Да, никакого сомнения — квадратные камешки тут и там виднелись на земле.

— Боже мой, кто же их выкопал? — гневно спросил Ханс.

— Фермер, лет уж двадцать назад. Вон там еще кое-что осталось.

Это была другая грядка помидоров, а рядом... рисунок на квадратном камешке изображал фигуру в черном в окружении красных животных. Ханс подобрал несколько камешков; они напоминали те, что когда-то нашла Барбара возле стен.

Вскоре дождь, стихая, постепенно иссяк, и над бухтой вновь установились мир и покой. Я вытащил на палубу бачок с проявителем, но едва успел вытащить оттуда отснятую за день пленку, как «Тед, Тед!» раскатилось над вечерней водой. Я увидел на набережной фигуру Ханса.

— Они приехали, Тед!

Ли отвязал ялик и отправился знакомиться с вновь прибывшими.

Я вернулся на палубу и сел в шезлонг, вслушиваясь в протяжную песню, которую пел проплывающий мимо рыбак. Надо мной простиралась добрая темнеющая лазурь вечернего неба. Вода была спокойной и чистой. В такой вечер, подумал я, хорошо жить, бездумно вбирать полной грудью свежий воздух и знать, что безграничный океан этой благодатной свежести разлит вокруг. Дыши, пока не надышишься. Не то что несчастный городской житель, который поднимается по часам, вдыхает отравленную атмосферу и месяцами не видит голубого неба, скрытого плотным частоколом домов и труб. Впрочем, в прошлую ночь он, без сомнения, мирно спал с безмятежной улыбкой на лице, а мы тем временем корчились на койках, пытаюсь уберечься от всепроникающих ледяных капель. Мои размышления прервал могучий клич с набережной — двое новичков не выдержали и бросились вплавь, не дождавшись ялика.

Глава XIII

Наше пополнение

Мы со дня на день поджидали ныряльщиков из общества подводных исследований Кембриджского университета. Перед отъездом из Лондона я условился с секретарем общества Ником Флеммингом из Тринити-колледжа, что если он сам не сможет поработать с нами, то непременно пришлет кого-нибудь нам в помощь. И вот они приехали.

— Это Питер Мейнер, а это Иден Макфарлан, — представил их Ханс.

Питер был дюжим парнем, что называется, косая сажень, без малого двухметрового роста, с решительной нижней челюстью и живо поблескивающими голубыми глазами; Иден — еще одна косая сажень и тоже под метр девяносто, но чуть более сухощав, с лицом, исполненным спокойного достоинства.

Мы просили их захватить собственное снаряжение, но, к сожалению, они были последними из членов клуба, кто отправлялся в экспедицию, поэтому на их долю оставался лишь один комплект на двоих. Теперь у нас было шесть полных комплектов на восьмерых ныряльщиков, а это немало.

Чтобы дать новичкам возможность освоиться и испытать себя и снаряжение, мы ныряли в течение целого дня у входа в Цавтатскую бухту. Вода здесь прозрачней, чем где бы то ни было, и именно в этом месте мы обнаружили накануне затонувший корабль с грузом боеприпасов. Первое погружение в сезоне всегда сопряжено с кое-какими неприятностями: нужно приспособиться к снаряжению, привыкнуть к нагрузке

на уши. Поэтому приятнее и надежнее проводить эти тренировочные погружения в идеальных условиях. Питер и Иден поначалу приняли участие в подъеме одного из «сундуков с сокровищами» (то бишь ящика с боеприпасами). Я намеревался передать всю эту амуницию властям, но когда мы вскрыли первый ящик, то нашли его содержимое в таком ужасном состоянии, что я счел за благо выбросить все это обратно в море.

Наша техника подъема была предельно проста: длинная веревка привязывалась одним концом к предмету, который предстояло поднять, а другой конец кто-нибудь из ныряльщиков (как правило, этим занималась Бел) подтаскивал как можно ближе к кораблю. В свое время мы купили несколько мешков из прорезиненной парусины, списанных министерством обороны. Во время войны в таких мешках сбрасывались на парашютах радиопередатчики. Для наших целей эти мешки подходили как нельзя лучше: они были ярко-желтого цвета и имели ременные ручки наподобие рюкзаков. Мешок привязывался за ручки к поднимаемому предмету. Потом один из ныряльщиков вынимал загубник и накачивал мешок снизу. Один такой мешок тянул надводный груз килограммов в двадцать пять — тридцать. Все искусство состояло в том, чтобы не перекачать его, иначе он всплывал слишком быстро. И поскольку подъемная сила воздушного пузыря возрастает с уменьшением глубины, поднимаемый предмет вылетает на поверхность, как ошалелая рыба — летяга. Потом мешок опрокидывается набок, выпустив весь воздух, а груз опускается на дно, да еще и мстительно стучает по дороге вниз зазевавшегося ныряльщика. В одно из таких погружений кто-то врезался головой в дно лодки, держа в руках солидных размеров амфору. Естественно, он проклял всех и вся и, полуослепленный, выпустил ее из рук. Но не успел он уйти и на полметра вглубь, как

погружающаяся амфора нанесла ему второй чувствительный удар по голове своим тяжелым днищем. Однажды я держал в руках наполненный воздухом мешок, но веревка вдруг порвалась, и он вылетел из воды, как расшалившийся дельфин, повергнув в изумление случайного рыбака. Тот перекрестился и поспешил прочь...

— Сегодня мой день рождения, — провозгласил как-то Бастиан. Двадцатилетний здоровяк, устремленный навстречу всем радостям жизни, Бастиан первым натягивал акваланг и вечно был не прочь сотворить какую-нибудь безобидную шалость, например нечаянно уронить тяжелую рыбину через люк на голову очередного инспектора. Перед отъездом из Швеции он получил от отца подарок ко дню рождения — новенькое гарпунное ружье. В этот день мы планировали поработать на стенах, но ведь двадцать лет бывает лишь раз в жизни!

— Бастиан, сегодня поохотимся вволю, сынок. Но ты должен поймать рыбу побольше! — предупредил я. В глубоких водах у острова Мкран в двух милях от Цавтата водились огромные корбы и меру — традиционная добыча подводных охотников. К сожалению, и те и другие быстро исчезают из-за беспощадного истребления.

Бел была вне себя от радости. Еще бы, ведь последние дни мы охотились мало из-за нехватки времени, да и меню надо было как-то разнообразить. Другие, за исключением Ли и Бастиана, были новичками в подводной охоте и горели желанием встретиться со средиземноморскими дивами лицом к лицу. Когда мы проплывали у западного входа в Цавтатскую бухту, я заметил в воде тень большой акулы — без сомнения, той самой, о которой предупреждал нас Джонни. Она, верно, охотилась у входа в бухту. Я взял это место на заметку на случай дальнейших погружений. Хотя и

считается, что акулы не нападают на людей, их поведение трудно предугадать. Я помню во всех подробностях рассказ об игривом ныряльщике, который ткнул проплывающего хищника гарпуном между ребер. В мгновение ока акула отсекла его левую ногу — будто языком слизнула.

Ли подготовил камеру, все столпились вокруг Бастиана: «Удачи тебе, Бастиан! Не осрамысь, сынок! Ну, пошел!» Бастиан метнулся вниз, все остальные — за ним. Вода была кристально чистой, и мы видели, как в прозрачной глубине расплывались неясными пятнами их окрашенные в белое акваланги. Через пятнадцать минут на поверхности одна за другой показались головы, упругие фонтаны взмыли над водой, когда ныряльщики выплюнули загубники и взяли в рот шноркели. Если баллон опустошается или нужно беречь воздух, ныряльщик выпускает изо рта загубник акваланга, выхватывает шноркель, который обычно закреплен у него на талии, берет его в рот и выдувает из него воду. Теперь он может свободно дышать через трубку, плавая по поверхности.

— Где Бастиан? — спросил я.

— Сейчас всплывает, — ответил Ли. — Я снял его, когда он подстрелил необыкновенно большую рыбину.

И действительно, через несколько минут Бастиан вынырнул как раз под лестницей. Он был вне себя от возбуждения — на его гарпуне красовался большой меру, килограммов на пять. Конечно, это далеко не мировой рекорд, поскольку меру иногда доходят и до сорока килограммов, но как приз за мастерство и подарок ко дню рождения это совсем неплохо. Бастиан, однако, не уgomонился, пока не снял свою рыбу во всевозможных ракурсах. Я подозреваю, что на некоторых фотографиях она была размером с хорошего слона. Однако корабельные правила неумолимы: кто загарпунил рыбу, тот ее и разделявает! И Бастиан,

несмотря на день рождения, обязан был превратить своего меру в нечто съедобное. Потом мы передвинулись на новое место, и опять Бастиану поразительно везло.

Наши новички, Питер и Иден, как студенты-медики в первую очередь интересовались строением внутренних органов добытых нами рыб. Все мои попытки убедить их в том, что для вящего знания предмета им было бы неплохо принять посильное личное участие во вскрытиях (читай: разделке), окончились ничем. Они ограничились лишь изучением сердца рыбы, которое билось и после того, как сама она уже жарилась на плите. Это очень странное ощущение — видеть крохотный пульс (у двухкилограммовой рыбы — всего размером с ноготь большого пальца), который бьется в неустанном ритме, не ведая да и нимало не заботясь о том, что обладатель его более не нуждается в его службе. Так однажды я видел, как грузовик угодил в озеро. Но и когда он обрел покой на самом дне, его фары все еще светились сквозь толщу воды, указывая теперь уже дорогу в никуда мертвому водителю за баранкой.

Я собирался в Цавтат, когда к борту подплыл один местный рыбак с двумя пассажирами.

— Позвольте моему сыну подняться на борт, — попросила грузная дама из лодки. Я взглянул на ее чад и, отнюдь не очарованный тем, что увидел, ответил:

— Простите, мадам, но мы очень заняты. Что еще я могу для вас сделать?

Я не поощряю непрошенных визитеров и в лучшее время, поскольку это выбивает из колеи, а уж видеть на корабле празднующегося недоросля было бы просто невыносимо. Этот инцидент прошел бы совершенно бесследно, если бы немного спустя не подъехала вторая лодка, с шестью немецкими туристами. Потребовалось немало времени и нервов,

чтобы уговорить их отправиться восвояси. Мы как будто становились одной из достопримечательностей городка. Вскоре все выяснилось. Местная газета поместила пространный очерк об экспедиции, и мы стали знаменитостями в городском масштабе. Меня представили как голландского археолога, Ханса в качестве австралийского капитана, а Аренд был просто коком. Кто-то из сотрудников газеты взялся перевести газетные изощрения падким до сенсаций туристам, добавив при этом от себя, что мы якобы всегда рады гостям. Это только доказывает, что люди с чувством юмора попадают и в Югославию.

Примерно в это время у меня случился приступ болезни, которую называют «тропическое ухо». В ушном канале зашевелился жучок, которого я подцепил еще в военные годы на Новой Гвинее. Тогда с этой болезнью не умели бороться, и полковой врач лечил воспаление единственно тем, что набивал ухо ватой, смоченной в каком-то растворе. После этого ухо вспухает, жучок торжествует, а пациент терпит несказанные муки. Тогда доктор вынимает очередной пук ваты и лезет в ухо какой-то трубкой, чтобы выяснить, почему эта чертова болезнь не излечивается. К этому времени пациент или отходит в лучший мир, или делает из доктора отбивную. Все эти знания, как вы понимаете, получены мной в тяжких мучениях. Я мог бы, конечно, досуха протирать свое ухо после каждого погружения — всего несколькими каплями пятидесяти-или семидесяти процентного раствора спирта, чтобы осушить ушной канал. Но я этим пренебрег и был наказан. К счастью, у меня сохранилось лекарство, прихваченное на всякий случай из Лондона, им я и спасался.

Погода вот уже несколько дней была из рук вон плохой. После того как удар молнии разрушил цавтатскую электростанцию, боги ветров словно

взбесились. Сначала бора, потом мистраль, потом опять бора с ревущими ливнями, которые наполняют ялик водой, как стиральное корыто, и заставляют дрожать от холода всякого, кто рискнет выйти на улицу. И это на Адриатическом море, в августе, когда вода по всем правилам должна быть, как парное молоко. Замерзал даже Бастиан, который привык к ледяным норвежским водам. А горячий душ после каждого погружения истощал запасы пресной воды так быстро, что цистерны приходилось наполнять раз в три дня.

В это время пришло письмо от капитана Луетича из Морского музея в Дубровнике. Он разыскал человека, который работал на строительстве гостиницы «Эпидавр» и был там, когда, выкапывая яму под фундамент, рабочие нашли клад. Этот человек брался показать то место, где разрушенная стена уходила в море. Это известие обнадеживало. Теперь мы сумеем как-то увязать положение стен с «холмиками». На нашей карте они вытягивались по прямой линии в море, туда, где, по моим предположениям, начиналась стена. Если мои наметки совпадут со сведениями этого человека, то мы сможем доказать свою точку зрения, начав раскопки на берегу. Это крайне важно, если мы хотим установить местоположение внешней крепостной стены древнего Эпидавра.

* * *

Было бы уместно закончить эту главу подведением итогов нашей работы.

Во-первых, о стенах, расположенных в пределах той части древнего Эпидавра, которая была теперь под водой. Мы установили, уже без сомнения, что такие стены существовали; мы научились обнажать их из-под ила с помощью насоса, а в одном месте даже достигли

основания стены. Кажется, ничего особенного, но надо принять во внимание, что вследствие многовековой работы подводных течений основания стен были укрыты под метровым слоем твердой как камень глины. Копать под водой вообще нелегко — это ясно. Но возникает еще и дополнительное препятствие: интенсивная работа под водой вызывает большой расход сжатого воздуха из баллонов, что в свою очередь ведет к перегрузке компрессора. Поэтому-то, чтобы открыть полностью небольшой кусок стены, несколько человек трудились в поте лица недели две.

Осколок древнего сосуда с греческой надписью «Родос»

Во-вторых, о наших находках, остатках цивилизации двухтысячелетней давности. Мы собрали несколько десятков монет и осколков мозаики. Среди них была монета из Ликийи приблизительно 400 года н. э. с изображением головы легионера в шлеме, украшенном плюмажем. У нас была монета из Афин и еще одна, из Сиракуз, на которой красовалась изящная головка, увенчанная гирляндой в окружении резвящихся дельфинов. Но нашим главным достоянием были, конечно, амфоры, эти универсальные греко-римские контейнеры. Именно здесь и проявляется основное достоинство подводной археологии. Глиняные изделия не подвержены гниению, но легко ломаются. Однако колыбель из ила и покрывало вод надежно сохраняют многие амфоры совершенно нетронутыми в течение многих лет. Сколь высокоразвитой должна была быть торговля, чтобы доставить сюда эти огромные сосуды, почти доверху наполненные вином, оливковым маслом и зерном — тремя китами, на которых покоилась вся торговля на Средиземноморье. Очень часто эти амфоры покрывались плотным слоем подводной флоры, скрывавшим надписи на стенках. На одной амфоре, которую отыскал и поднял Дэвид, была четкая надпись, которая сразу же бросалась в глаза. Именно Дэвид и прочел ее громогласно: «Родос». Остров Родос отстоит от Эпидавра на добрых тысячу миль, а это значило, что древний мореплаватель предпринял весьма и весьма рискованное плавание в капризных средиземноморских водах. На амфорах, извлеченных нами из-под земли, точнее, из-под воды, были и другие надписи. Зная, как много могут сказать археологу амфоры, надписи на них и самые стили гончарного искусства, мы надеялись, что наши находки послужат ценным подспорьем для специалистов в их исследованиях.

Нам было ясно, что многое еще предстоит сделать. До сих пор мы были весьма далеки от целостного

восприятия того, что представляла собой подводная часть Эпидавра. А время летело на всех парах — наступил август... А ведь я еще втайне мечтал совершить второй визит в пещеру Асклепия, к ее исчезнувшему и до сих пор не найденному пастырю...

Глава XIV

Об отважных рыбах и обманутых надеждах

«Никогда не знаешь, что найдешь, когда ныряешь». Эта новая версия старого афоризма стала рабочим девизом для большинства из нас. И только Барбара ныряла ради самого процесса.

— Где сегодня? — спросила она однажды. В тот, день мы, пробившись сквозь метровый слой окаменевшей глины, достигли наконец основания стены. И оставаться здесь больше не имело смысла.

— Может быть, в западной части бухты? Кстати, не далее как вчера там видели акулу, — съехидничал я.

— Идет! Какая там глубина? — с вызовом парировала она. Барбара была предана аквалангу и морю безоговорочно и навсегда. Она затягивала пояс с грузом и среди всех прочих: «Где мои ласты?», «Какой кретин взял мою маску?», «Да отверните же мне вентиль кто-нибудь!» — слышалось ее деловитое «Увидимся внизу» — и одним броском она без всплеска исчезала в воде.

Однажды мы вышли из бухты и стали на якорь в открытом море. Ветер дул чуть сильнее, чем хотелось бы. «Кто нырнет?» — обычный призыв. Это, конечно, ничто не решает, поскольку все одновременно откликаются: «Я!» Но у нас только шесть аквалангов, и кому-то придется ждать, пока не перезарядят баллоны. Наконец первая смена определяется. Это Иден с Дэвидом, Бел и я.

Вода довольно теплая, но только до глубины метров в шесть. Потом она холодеет и на двадцатиметровой глубине окутывает нас ледящей пеленой. Я плыл

вслед за другими с фотоаппаратом в руках. Раньше я обычно шел на глубину первым, рассчитывая осмотреть дно и вернуться за фотоаппаратом. Вскоре выяснилось, что это бессмысленно, потому что вода от движений плывущих заволакивается на несколько дней облаками грязи. И теперь я сразу брал с собой аппарат, хотя он и замедлял продвижение в воде.

На нашем пути не встретилось ровно ничего интересного. Поскольку воздух в аквалангах наполовину иссяк, мы с Бел изменили направление и повернули к месту нашего randevu с Дэвидом и Иденом. Когда мы подплывали к отмели, я заметил возвышение странной формы. Я указал на него Бел и подплыл поближе. Оказалось, что это не то повозка, не то кровать на колесиках с довольно громоздким грузом, наполовину скатившимся на дно. Я сделал круг и внимательно оглядел ее. Что это такое? Непохоже, чтобы эти колеса когда-либо катились по рельсам. И вдруг в мозгу как искрометный удар: мина! донная мина на тележке! Я сфотографировал ее. Множество голубых гибких рыбешек стрельнуло перед объективом: дорогостоящее порождение нашей воинственной цивилизации стало их домом. Несколько кадров цветной пленки — зрелище стоит того.

Бел наткнулась на заржавевшую магнитную мину

— Амфора! Я вижу амфору! — взволнованно прокричал Дэвид, стоявший на бушприте. Мы плыли назад после длинного дня погружений, и Дэвид был «надносмотрящим» — он должен был оповещать нас обо всем необычном на нашем пути. Я засек место.

— Как она выглядела, Дэвид? — поинтересовался я.

— Она наполовину ушла в песок, и ручки торчат в разные стороны. Вообще, в этом месте амфоры были

отнюдь не редкостью. Их уже не раз находили поблизости. Я решил обыскать все вокруг и на следующий день встал здесь на якорь. В таких случаях самым разумным было бы систематически обследовать дно с поверхности со шноркелем и маской. И не успел якорь коснуться дна, как мы уже были в воде, расплываясь каждый в своем направлении.

— Колонна! Я вижу вертикальную колонну! — крикнула Барбара. Наконец-то удалось найти то, на что мы так долго надеялись. Хотя, если принять в расчет два тысячелетия и шесть метров ила и грязи, трудно было поверить, чтобы нам удалось отыскать стоящую вертикально колонну. Так неужто цель близка? Я доплыл до места в рекордное время и увидел внизу, под собой, неясный пока еще силуэт. Как будто стоит вертикально. Конечно, колонна, а что же еще? Но почему тогда прямо над ней какие-то торчащие во все стороны ручки? Это настораживало. Набрав полную грудь воздуха, я нырнул. Когда я приблизился к этой штуке, все сомнения отпали в единый миг. И не было уже ни колонны, ни ручек, а были лишь стабилизаторы огромной неразорвавшейся бомбы, зарывшейся в песок хищным носом. Мы надели снаряжение и внимательно, притом с большим уважением, осмотрели ее. Я с трудом смог уговорить Бел позировать мне, держась за плавник стабилизатора. Это была злая шутка, потому что в следующий же момент я нечаянно нажал вспышку, не предупредив Бел, и оба, она и Питер, устремились вверх, словно по ним выпалили из ружья. Я последовал за ними, но по дороге заметил, что у Идена что-то не ладится: он, кажется, прихватил мало груза и неожиданно исчез где-то наверху. Я передал аппарат Дэвиду. В этот момент всплыла Бел и показала шноркель, который она нашла на дне.

— Похоже, что это шноркель Идена, — сказал Дэвид. — А где он сам? Надо предупредить его, прежде

чем у него кончится воздух.

По моим предположениям, он был где-то поблизости, поэтому Бел поплыла в одну сторону, я — в другую, а Дэвид остался на борту, чтобы держать наготове остальных. У самого дна вдруг отказал мой вентиль, и воздух стал потоками вырываться из баллона. Я поспешно всплыл, завернул вентиль и, взяв в рот загубник, поплыл к яхте. На лестнице стоял взволнованный Дэвид: нигде вблизи он не заметил и намека на пузыри.

Уже спустился в воду Ли, за ним Барбара. Я велел Дэвиду следить за происходящим, а сам, сменив аппарат с капризным вентилем, ушел на дно. В таких случаях основное — быстрота: грань между жизнью и смертью может пролегать как раз через те несколько минут, за которые надо найти пострадавшего, лежащего без сознания на дне, поднять его на поверхность и сделать искусственное дыхание.

Не успел я всплыть, как пронзительный вопль Ли возвестил о том, что Иден найден. А вот и он сам, живой и невредимый, показался в сотне метров от яхты:

— Что такое? Почему шум? Я только искал свой шноркель.

Слава богу, ложная тревога, но тем не менее она послужила неплохим испытанием нашей «техники спасения утопающих». При любом погружении мы с тех пор взяли за правило знать, что делает каждый аквалангист и где он может находиться в тот или иной момент. И хотя со стороны вся наша компания выглядела довольно беззаботно, каждый из нас был постоянно наготове на случай тревоги. Как бы ни называлось то, чем мы были сейчас заняты — аквалангизм, свободное погружение или подводный спорт, — последствия небрежности могли быть роковыми. Это благодарное и захватывающее занятие при условии, что все предосторожности соблюдены, а

участники прошли соответствующую тренировку. Последнее касается в одинаковой мере как новичков, так и опытных ныряльщиков. Известен ныне хрестоматийный пример одного греческого ловца губок, участника экспедиции на мысе Артемизий, который с презрением отверг «ихнюю липовую декомпрессию», снарядом пролетел с глубины пятьдесят метров и замертво свалился на палубу, убитый газовой эмболией. Да, любая ошибка или небрежность чревата тяжкими последствиями, о чем и свидетельствует статистика жертв аквалангизма в Европе и США.

Наступил «день великой подводной охоты». Такие дни стали традицией из-за необходимости периодически разнообразить меню. Всего два дня назад Бастиан уехал домой, в Швецию, и нам его очень не доставало. Дело не только в жизнерадостности и неиссякаемом задоре Бастиана — он был и нашим ведущим охотником и в случае надобности мог один заготовить рыбы на всю нашу прожорливую компанию. Большинство из нас не имели опыта подводной охоты. Ли был вечно занят своими съемками, я тоже фотографировал напропалую. Однако настала и моя очередь «позаботиться о детишках». Бел все же купила немного мяса, так, на всякий случай.

Однако прежде всего я хотел сфотографировать большого меру, которого заметил в пещере неподалеку, на глубине метров тридцать. Он был очень велик, килограммов на сорок — сорок пять. Я и раньше пытался сфотографировать его, но меру ловко ускользал от меня в темноту пещеры. Чтобы не упустить его и на этот раз, я прихватил подводный факел. Бел держала в руках ружье, потому что у меня все же теплилась надежда заполучить пару-другую рыб на обратном пути.

Когда мы огибали одну из подводных скал, я заметил нашего знакомца, который на всех парах неся

к спасительной пещере. Я рванулся было за ним, но — в который раз — он исчез в своей норе... Я осмотрелся. Все в полном порядке: блицц наготове, фокус наведен. Осторожно сунул факел в пещеру. Как я и предполагал, этот хитрец беззаботно трепыхал плавниками, поглядывая на меня с плохо скрытым презрением. Мне осталось поднять аппарат и нажать спуск. На какую-то долю секунды вспышка ослепила меня. Когда пелена спала, я увидел, что он запрятался еще глубже в пещеру. Подплыв к Бел, я поднял вверх большой палец: по этому знаку она взяла из моих рук аппарат и передала мне ружье — старую французскую развалину с тяжеленным гарпуном, увенчанным массивным трезубцем.

Теперь не было больше любопытствующего фотографа в поисках броско расцвеченных рыб или других морских обитателей. Был волк среди волков, охотник, идущий по свежему следу. Где-то наверху ждала меня с добычей изголодавшаяся наша компания. Я осторожно исследовал все трещины и углубления в скалах. Секрет в том, чтобы подобраться тайком, без резких движений, и тогда успех обеспечен. В мире рыб, как и в нашем горестном мире, существует только две категории обитателей: хищники и обреченные. Итак, спокойно, не спеша, посмотрите подольше вон под ту скалу. Пусть глаза привыкнут к полумраку, и вряд ли вам сдержать изумление при виде всего того, что откроется взгляду.

Возможно, в полуметре от вас покоится монументальная голова с выпученными глазами, в которых застыло философское любопытство и некоторое недовольство по поводу вашего вторжения. Это меру.

Средиземноморские меру редко превышают сорок — пятьдесят килограммов. Другая рыба, которую можно повстречать в этих местах, — морской лещ весом в три-

четыре килограмма — отличное рыбное блюдо. Он скользит по воде и внезапно ныряет в расселину или проход в скалах, но и там нервно мечется взад и вперед, представляя собой довольно неудобную мишень. Бесполезно стрелять наугад — наверняка промахнешься: надо спокойно ждать и постараться не спугнуть его. Внимательно прицельтесь... выстрел! — ну вот и все, только смотрите, чтобы он не соскочил с гарпуна.

Корб — еще один обитатель подводных скал Средиземноморья — весьма легкая добыча, если толково и не спеша взяться за дело. Завидев вас, он уплывает и пытается спрятаться под скалу, точно так же как собрат его — пресноводный карп. Не упускайте его, преследуйте его настойчиво, и тогда рано или поздно, заглянув под скалу, вы увидите, как он ходит кругами у своего гнезда. Обычно это даже не один, а два или три корба. Впрочем, мне случалось находить под одной скалой сразу одиннадцать рыб. Тогда нужно высмотреть самого крупного, да побыстрее, потому что корбы хотя и медлительны, но, ощутив опасность, приходят в смятение. Тогда вся стая забивается в щели и дыры в скале, где вам их не достать. Корбы, как правило, не превышают в весе двух килограммов.

И еще один завсегдатай подводных скал, который смотрит на вас из расселины голодным взглядом убийцы — это мурена. О, это очень мерзкое создание, к тому же абсолютно лишенное чувства юмора. Ее мясо сгодится для супа, некоторые, возможно, даже посчитают его лакомым блюдом, но вот приготовить мурену должным образом дилетанту не под силу. Охотясь на мурену, нужно ухитриться попасть ей в голову или в шею, иначе она оплетет ствол гарпуна, как змея, стуча зубами на манер пишущей машинки. А уж если она вцепится вам в руку, оторвать ее удастся только с мясом — зубы мурены загнуты внутрь. Можно,

конечно, острым ножом отсечь ей голову. Советуют также расслабить мышцы, и тогда она-де отпустит вас на какой-то миг и попытается захватить кусок побольше. Может быть, вам и удастся вырваться, но гораздо вероятнее, что вместо одного укуса вы получите два!

В наши дни специалисты утверждают, что укус мурены не ядовит, как полагали еще совсем недавно. У мурен не обнаружены ни ядовитые железы, ни мешочки с ядом. Однако не стоит забывать, что у этих рыб крайне загрязнена ротовая полость, ибо они, как известно, не имеют привычки чистить после еды зубы, поэтому в рану почти неизбежно попадает инфекция. Я знавал одного инструктора подводного плавания, который чуть не умер от последствий такого укуса. Как-то маленькая мурена укусила Бел. Она крайне опрометчиво сунула руку под скалу, нащупывая спрятавшуюся там медузу, но вместо медузы разозленная мурена вцепилась ей в руку ниже локтя. Я был ниже Бел метров на пять, но крик ее донесся до меня совершенно отчетливо. Я увидел, как она пытается ножом отсечь мурене голову. Но, как она рассказывала позже, тело мурены было слишком скользким. Кончилось тем, что я ухватил мурену за шею и буквально распилил надвое. У меня был нож острый как бритва, но все равно на это ушло немало времени. А мурена так и не отпускала руку Бел, пока я не разжал ножом челюсти. Уж лучше держаться от них подальше!

Морской угорь, наоборот, встречается довольно редко. Один из способов заполучить его состоит в том, чтобы постучать по скале в месте его предполагаемого убежища. Тогда обходительный угорь вылезает из норы навстречу дорогому гостю. Я как-то решил опробовать этот метод и обстучал около сотни нор, пока наконец угорь не высунул голову, неодобрительно посмотрел на меня и тут же скрылся. Впрочем, есть действительно

успешный прием, чтобы заставить угря выползти из норы: нужно нанизать на гарпун морского ежа (одно из тех колючих созданий, которые пронизывают бесчисленными занозами руки и ноги ныряльщика, продирающегося меж скал и камней). Приблизившись к норе, нужно стряхнуть приманку на скалу поблизости. Ни одно яство не является столь соблазнительным для угря, как ярко-оранжевые звездообразные морские ежи.

В тот день судьба не спешила вознаградить мой охотничий раж. Несколько рыб, которых я убил, не пошли бы даже на закуску семи изголодавшимся типам, которые там, наверху, потирали руки в предвкушении роскошной трапезы. В этих местах часто встречаешь маленьких меру, которые бесстрашно тычутся носами прямо в маску, как бы стремясь заглянуть внутрь. Я подплыл к скале и, лежа на выступе, заглянул под нее, дожидаясь, пока мои глаза привыкнут к темноте. Что-то блеснуло в глубине. «Еще один маленький меру», — подумал я. Мое ружье было нацелено внутрь пещеры, палец лежал на спуске. Я задержал дыхание, чтобы пузыри воздуха не спугнули того, кто скрывался в расселине. И вдруг неясные очертания оформились в четко различимое тело. Это был не маленький меру — из расселины уставился на меня меру-гигант. То, что я принял за блеск маленькой рыбки, было большим выпуклым глазом, который вперился в меня из темноты. Я заколебался, пытаюсь сообразить, не слишком ли он велик для гарпуна.

Под водой, где все несколько преувеличено, трудно судить о правильном размере предмета, а уж тем более если глаз огромной рыбы сверкает прямо у тебя перед носом. Я прицелился и нажал спуск. Казалось, скала сдвинулась с места. Я ухватился за конец гарпуна и почувствовал, как он гнется под неимоверным усилием. Я стал тянуть гарпун на себя изо всей мочи, чтобы не дать рыбе вклиниться наглухо в узкую щель.

Раненый меру забирается как можно дальше в расселину и, раздувшись, пытается зацепиться за выступы скалы мощным спинным плавником. Тогда остается только пробить его брюхо запасным гарпуном и выпустить воздух. «Нет, уж этого не вытащить никакими силами», — подумал я. Надо не дать ему оправиться от первого потрясения. Я попал меру в голову и теперь тянул что было мочи за гарпун, чтобы не дать рыбе развернуться. Медленно-медленно голова меру выползала наружу.

Когда Бел, которая все время пыталась взглянуть на него, увидела наконец его истинный размер, она шарахнулась в испуге сразу метра на три в сторону. По мере того как он выползал из-под скалы, я заметил, что один из зубцов на конце гарпуна прогнулся в противоположную сторону и гарпун медленно, но верно вытягивался из его тела. Меня прямо ошпарила мысль о том, что после всех трудов я могу потерять его. Стоит только ему выбраться из-под скалы — и несколько ударов могучего хвоста освободят его. А не отпустить ли его, в самом деле?

Но инстинкт убийцы взял верх. Я хотел выхватить нож, но это значило бы отпустить одну руку. Внезапно меру рванулся, и гарпун выскочил наружу. Я сунул руку под его жаберный щиток. С моей стороны это было крайне неразумно, потому что, во-первых, эта часть его тела обладает такой же всесокрушающей способностью, как и зубы, а во-вторых, сами жабры покрыты острыми, как иглы, наростами. Засунув туда руку, невозможно вытянуть ее обратно, не рискуя при этом серьезно пораниться. Есть один способ удержать такую рыбу — надавить ей на глаза большим и указательным пальцами. Это парализует ее на некоторое время. Впрочем, у меня не было возможности сделать даже это. Теперь ему не вырваться, но и мне тоже, поэтому весьма непонятно, кто же кого поймал.

Ощущение было такое, словно рука попала в мышеловку, края которой покрыты острыми иглами. Бел металась со своим ружьем, но не могла пустить его в ход из боязни попасть в меня, а я не мог взять у нее гарпун и вонзить его, потому что был слишком близко и не мог замахнуться, да и гарпун был слишком длинен. Свободной рукой я вытащил нож. Нужно заколоть его до смерти! Я нанес ему несколько ударов по голове — он бешено рвался во все стороны. Я чувствовал, как каждое его движение срывает с моей руки лоскуты кожи. И тогда я вогнал нож как можно глубже, сначала в правый, потом в левый его глаз. После этого вспорол ему брюхо. «Теперь-то ты угомонишься, приятель!» — подумал я.

А вокруг сновали полчища мелкой рыбешки, жадно пожиравшей куски его искромсанного тела. И все это время я подтягивался ближе к поверхности. Тем не менее мы были все еще метрах на двенадцати глубины, и схватка продолжалась. Я ударил ножом в его нижнюю челюсть, пытаюсь высвободить свою руку, но он внезапно рванулся, и моя рука соскользнула с рукоятки. Нож задел бедро острием и отозвался режущей болью в ноге. Теперь я тоже ранен! Его кровь смешалась с моей. Я взял у Бел гарпун и воткнул его в нижнюю челюсть меру. Потом передал его Бел — теперь-то он у нее на крючке. Подтягиваясь к кораблю, я стал вытаскивать свою руку из-под его жабер. Когда над нами показалась тень корабля, я был уже свободен. Руку кололо тысячью игл, в воде плавали содранные кусочки кожи. С большим трудом я привязал рыбу к одному из крюков для снастей рядом с лестницей и выбрался на борт.

Все были слишком увлечены осмотром рыбы, чтобы заметить мое бедственное положение, кроме верной Бел, которая перебинтовала меня самым бережным образом. Когда я приковылял обратно на палубу, Дэвид спросил:

— А что это за зеленые пятна в воде? И пришлось объяснить ему, что кровь в морской воде приобретает темно-зеленый оттенок и что уже на десятиметровой глубине морская вода полностью поглощает красные лучи, точно так же, как желтые и оранжевые, а на глубине тридцать метров все вещи приобретают однообразную серо-голубую окраску.

Нога нестерпимо ныла, а боль в руке заставляла меня морщиться дней десять после этого каждый раз, когда я входил в воду. Бел поставила на палубу ведро с дезинфектантом, которым я и обмывал свои многочисленные раны.

Глава XV

Визит к Асклепию

В то утро «Язычник» заливал пресную воду, и мы почти полностью успели высказать все, что думали друг о друге. А потом зычный крик Ханса известил нас о том, что цистерна с водой переполнена и что компрессор работает на пределе. Все помчались в каюту, через несколько минут были в полном облачении и готовы к погружению. Мы собирались проверить рассказ местного рыбака о множестве амфор, якобы разбросанных на десятиметровой глубине возле рифа у острова Супетар. Мне лично это казалось, мягко говоря, вымыслом, поскольку мы уже облазили все дно в этом районе. Но однажды, решив исследовать беспристрастно все возможные версии, я примирился с тем, что целый день уйдет на малоперспективный поиск. В тот день бухта порадовала нас лишь тремя римскими глиняными блюдами примерно 300 года до н. э., настолько источенными морем, что мы не смогли их опознать. Впрочем, специалистам часто удается то, что кажется невозможным дилетанту, — я отложил их в сторону для последующей пересылки Аренду в Голландию.

Поздно вечером от Аренда пришло письмо. Он писал, что его путешествие домой, в Голландию, было вполне удачным, более того, полезным: в конверте мы нашли фотографию, сделанную им в Италии. Это была стена здания, которая, несомненно, относилась ко временам Древней Греции и обнаруживала ту же самую кладку, что и столь знакомые нам стены в Чистой бухте. Значит, и те и другие стены одного происхождения. Аренд выслал также переводы некоторых надписей.

Одна из них, надпись на большом глиняном черепке, заинтересовала меня. Этот осколок, по всей видимости, был частью основания какой-то статуи. Латинская надпись на нем гласила: «Публию Корнелию Долабелле из коллегии семи жрецов, консулу из рода Титов, наместнику божественного Августа Тиберия, города верхней провинции Иллирия даруют сию статую». Аренд далее указывал, что Долабелла действительно был консулом в 10 году до н. э. и легатом в 14 году до н. э. Из семьи Долабелла происходила и знатная римлянка, чьи останки, обнаруженные при раскопках церкви в Цавтате, хранятся теперь в музее Цавтата.

Другое письмо было адресовано нам Фернаном Бенуа из музея Борелли в Марселе. В его планы входило посетить Югославию в сентябре, и тогда он мог бы ознакомиться с нашими находками. Мы были несказанно рады этому известию, поскольку мнение такого общепризнанного авторитета по греческой и римской утвари и вооружению было бы очень ценным.

Нога моя постепенно заживала, и меня то и дело подмывало еще раз заглянуть в пещеру Асклепия. На этот раз мы решили сократить число участников до двух человек. Я задумал взять с собой фотоаппарат и вволю поснимать по дороге. Хотелось заплывать как можно дальше, впрочем, это зависело от того, как далеко мы сможем проникнуть с канатом длиной сто метров. Потом мы собирались вернуться той же дорогой и осмотреть дно под рухнувшими обломками скал, поискать, нет ли там чего-нибудь интересного. И еще, из опыта прошлого погружения я знал, как существенно двигаться побыстрее в леденящей воде пещеры. Вот где «сухой» костюм был бы незаменим. А на мне только три свитера, да и Ли экипирован не лучше. Одной из наших целей, помимо пополнения коллекции, было исследовать, не блокирован ли наглухо основной туннель. Мне вдруг пришло на ум, что два римских

акведука, ведущие в Цавтат, вполне могли бы простираться в направлении водного резервуара, скрытого в пещере, и что вода, возможно, поступала в город по системе сообщающихся сосудов, которая была прекрасно известна и часто применялась в Древнем Риме. Если это так, то, значит, в пещере создали искусственную преграду, чтобы удержать воду, а это уже было крайне интересно.

И вот мы готовы тронуться в путь. Снаряжение аккуратно разложено на палубе. Питер, Иден и Барбара ждут нас на приморском шоссе в полукилометре от «Язычника». И вдруг треск и скрежет снизу: Ли оступился и рухнул в трюмный люк. Мы вытащили его.

— Я в отличной форме, — простонал он, морщась от боли. Воистину над пещерой Асклепия довлел какой-то злой рок: сначала Том, теперь Ли...

Я задумался. К походу все готово. Конечно, можно быстро снарядить кого-нибудь из ныряльщиков, но хватит ли ему самообладания и опыта, если, не дай бог, случится что-нибудь неожиданное? С другой стороны, Барбара имела дело со спелеологией, но вряд ли она сумеет собраться так быстро, да и защитной одежды для нее не было. Что ж, я пойду один, больше ничего и не остается. Если пещера и в самом деле уходит далеко вглубь, я поплаваю поблизости от входа и попытаюсь получше ознакомиться с ее топографией. А потом мы предпримем последнюю, заключительную попытку. Если же вблизи находится тупик, то я просто осмотрю эту часть пещеры, и на этом все предприятие будет окончено.

Бел и я погрузили все в ялик и отчалили. Остальные к этому времени порядком приустили, поджидая нас, и распростерли свои бранные тела на обласканных солнцем камнях. При нашем появлении они вскочили и изобраили бурную деятельность. Я намеренно взял с собой один акваланг, чтобы предотвратить порыв

возможных добровольцев. Как я и ожидал, Барбара сейчас же загорелась желанием заменить Ли. Но... ей ничего не оставалось, кроме как тащиться вместе с другими по запыленному склону. Подойдя к входу, мы зажгли факелы. Вошел в пещеру Дэвид, за ним я и все остальные. Вскоре из глубины донесся голос Дэвида — он сообщал, что достиг «берега», вернее, шагнул в воду, ничуть не подозревая о существовании бассейна, как и я в свое время: вода была такой кристально чистой, что свет факела выхватывал из темноты только известковое дно, а вода ощущалась лишь леденящим прикосновением к лодыжкам.

Вот и все: отсюда я пойду один, в эту мрачную влажную жуть, которая могла бы удовлетворить даже самых взыскательных поклонников Хитчкока^[10]. Для того чтобы создать должное настроение у остальных, я выступил перед ними с краткой лекцией о культе Асклепия в древнем Эпидавре — о том, что Асклепий был усыновлен Аполлоном, вскормлен козой и воспитан

кентавром, что его сыновья стали врачевать в греческой армии, которая спасла Елену от троянцев, что поклонники и пациенты Асклепия вносили плату за лечение в виде золотого или серебряного слитка, воспроизводившего по форме пораженный орган, что римляне, как полагают, заимствовали у греков культ Асклепия после чумной эпидемии в 293 году до н. э. или другой, не менее мрачной исторической даты. Мой рассказ произвел впечатление. Питер и Иден, наши неоперившиеся лекари, были и до этого знакомы со своим святым патроном, хотя они, верно, и не знали такого количества интимных подробностей его биографии. Их крайне компетентные комментарии к лекции носили в основном характер междометий: «не может быть!», «потрясающе!» и т. д.

Излив весь этот словесный поток, усталый, но довольный, я начал одеваться: натянул два свитера и ветронепроницаемую куртку вместо третьего свитера, который попросту не налезал на два предыдущих. Мое снаряжение включало глубиномер, поскольку я хотел засечь предельную глубину пещеры, и два подводных факела, висевших у меня на поясе с грузом. Один из них был запасным на случай поломки первого — меня отнюдь не согревала перспектива очутиться в полной темноте. За пояс был заткнут шноркель. Ну и, наконец, на шее на прочном нейлоновом шнуре висел мой аппарат. Для посвященных: я зарядил аппарат цветной пленкой, заранее поставил фокус на пять метров и захватил самый яркий блиц. Я рассчитывал, что просто наведу камеру на то, что заинтересует меня, подниму шторку, и да поможет мне бог!

— Ты похож на рождественскую елку! — заметила Барбара. Во всяком случае, у меня было именно такое ощущение. Дэвид щелкнул зажимом на спине, и вот я готов к погружению. Наши сигналы немногочисленны — два рывка означали: «сматывай веревку, я плыву назад и не хочу в ней запутаться», повторные рывки были сигналом опасности: «я в беде, с силой тяни на себя, но, если почувствуешь сопротивление, жди и тихонько трави веревку — я, кажется, наткнулся на препятствие». Моя веревка длиной сто метров позволит зайти достаточно далеко, пожалуй, за один день большего и не пройти.

Я шагнул в воду. Холодным обручем сдавило колени. Стоя здесь, я почувствовал, что оставляю за спиной милый уютный мирок, который мне по некоторым соображениям очень дорог. Знакомые лица при свете факела казались сонмом небесных ангелов по сравнению с разливом черных вод подо мной, напоминавших воды легендарного Стикса^[11].

— Будем надеяться, что здешнее чудовище тобой побрезгует, — несколько искусственно хохотнул Питер. Я стиснул челюсти на загубнике и подумал о теплом солнце снаружи.

При последнем погружении мы с Бастианом просто рвались вперед, стремясь обнаружить конец коридора. Теперь же я внимательно осматривал пещеру метр за метром. Она уходила вглубь и на расстоянии метров десяти от входа расширялась в просторный зал. Столб сантиметров двадцати в диаметре перегораживал проход. Левый коридор был высотой метров шесть, но казался менее интересным, чем правый, четырехметровый проход, где сталактиты спускались с потолка наподобие острых щучьих зубов. Я пощупал один из них: он был острым, как игла, и твердым, как гранит, не то что приветливо мягкие сталактиты на мелководье у входа. Я решил продвигаться медленно, ибо любое неосторожное движение могло повлечь серьезные ранения, или, чего доброго, в результате удара я мог потерять сознание.

У меня было ощущение человека, очутившегося нежданно-негаданно в каком-то странном доме, где властвуют призраки. Я плыл, оглядываясь по сторонам, и думал: «Здесь не бывал никто уже две тысячи лет, с тех пор как сюда хлынула вода». Сноп света от факела ярким пятном отпечатывался на стенах, а там, вдали, черным провалом зиял еще один коридор, уходивший в темноту. В самой середине зала монументальной колонной на перекошенном полу высился толстый сталагмит около метра в диаметре. Дно было очень неровным: мой глубиномер показывал то двенадцать метров у левой стены, то четыре метра — у стены справа. Я подвинулся к темнеющему в стене проходу. Он постепенно сужался, и, прежде чем продолжать плавание, нужно было сделать несколько снимков. Первая лампочка сработала на славу: вспышка на пару

минут ослепила меня: и я сфотографировал колонну и основной проход. Вторая лопнула у меня в руках при попытке вставить ее в гнездо: руки от холода заоченели, осязание притупилось, и я сжал лампочку слишком сильно. Больше лампочек у меня не было. Дернув за веревку дважды, я почувствовал, как она натянулась, и поплыл назад. Свет факела сиял впереди теплым ободряющим огоньком. Всплыв на поверхность, я сунул фотоаппарат в протянутую руку и снова торопливо исчез в воде.

Теперь, когда у меня не было камеры, моя маневренность возросла вдвое, и все вообще было бы прекрасно, если бы не пронизывающий холод. Оглянувшись, я увидел, что позади меня видимость уменьшается, взметнувшиеся со дна осадки клубились в воде непроницаемыми мутными облаками. Я поспешил в основной зал, обогнул колонну и поплыл в проход. Непроглядная пелена окутала меня со всех сторон, а вода напоминала разбавленный чай. В свете факела плясали, кружась, частички пыли. Я решил сматывать удочки. Два рывка, и вот веревка напряглась силой надежных рук на другом конце.

Метр за метром оставался позади. Пелена грязи заиграла всеми цветами радуги, потом стало светлеть, и я всплыл на поверхность. Меня подхватили и вытащили на сушу. Стуча зубами от холода, я весь курился паром. Пещерные видения вдруг навалились на меня все разом. Я был просто не в состоянии отвечать на бесчисленные вопросы.

— Ты пробыл под водой семь минут! — сказал Иден, взглянув на часы.

«Семь минут! Да если каждые семь минут моей жизни длились бы так долго, я, наверно, прожил бы лет двести». И я шагнул наружу, в свет и солнце.

Ли не терпелось услышать о результатах погружения. К сожалению, он должен был оставить нас

через пару дней. Исчерпав свой запас пленки, он не мог дожидаться момента, когда начнет ее проявлять.

— Если ты задумал слазить в пещеру еще раз, поторапливайся, — советовала Бел.

Это верно. Дэвид и Барбара уезжают в тот же день, что и Ли. Следовательно, остаются Бел, Питер, Иден и я сам. Боже, как летит время!

— Если случится что-нибудь сногшибательное, не «забудь» отстукать мне телеграмму. Я тут же примчусь, — увещевал меня Ли.

И тут я понял, что он имеет в виду. В прошлом году в Ибизе у него чесались руки снять барракуд, невесть как попавших в эти края. Но они как в воду канули. А через два дня после того, как опечаленный Ли отбыл в Лондон, мы с Бел обнаружили стаю барракуд голов в двести: они мирно резвились у подводного источника метрах на сорока глубины. Поначалу они обдали нас холодным сиянием нагловатых глаз, но не подпустили ближе чем на пять метров. Заметив небольшую расщелину в отвесном склоне рядом с источником, я спрятался в ней, и потом, когда рыбы успокоились и принялись парить надо мной в нескончаемом хороводе, я осторожно поднялся и встал в самой середине этого мятущегося сборища одушевленных торпед, которые шныряли справа, слева, сверху, снизу, всего в нескольких сантиметрах от меня. Но самым странным было ощущение единого коллективного мозга, который заставлял их всех одновременно, точно по команде, менять направление. Да и самому мне казалось, что, когда они все бросаются в одну сторону, а потом резко — в другую, я и сам начинаю испытывать воздействие какого-то телепатического побуждения сделать то же самое.

У меня было с собой пневматическое ружье, и я решил посмотреть, как поведет себя стая, если неожиданно напасть на одну из барракуд. Мне

рассказывали, что в Карибском море эти свирепые рыбы набрасываются на раненое морское существо любых размеров и начинают терзать его, а потом, обезумев от вкуса крови, мечутся по морю в поисках новой добычи. И горе тому, кто попадется им на их смертоносном пути! Впрочем, мое убежище было в двух шагах, и я чувствовал, что смогу достигнуть его прежде, чем барракуды покончат со своим злополучным собратом. Я прицелился и пронзил гарпуном ближайшую ко мне барракуду. И тут же поспешно покинул стаю, таща свою жертву за спиной на гарпунной веревке. К моему несказанному изумлению, это не вызвало даже легкого замешательства среди барракуд. Возможно, они уж насытились в тот день. Пронзенной рыбе мой выстрел доставил, правда, мало удовольствия. Я старался всячески избежать хлопающих челюстей ее саблезубого рта и по дороге назад держался на безопасной дистанции. Это не помешало мне вечером оценить ее по достоинству, когда, нарезанная тонкими ломтиками, она доходила на плите в соусе из каперсов.

Мое письмо, содержащее полный отчет об этом малозначительном эксперименте, чуть не довело Ли до инфаркта. И теперь он был не на шутку встревожен тем, что какой-нибудь замысловатый осколок древности только и ждет его отъезда, чтобы стряхнуть покров двухтысячелетних наслоений и предстать во всем великолепии перед остальными участниками экспедиции. Я заверил его, что протелеграфирую в этом случае без всяких проволочек, а потом мы зашли в кафе на набережной и попрощались с ним по-мужски.

Неделя непрерывного патрулирования по бухте на акваплане дала очень немного: несколько амфор и разнообразные осколки посуды, разбросанные по дну тесанные камни типа тех, что неоднократно встречались нам при исследовании подводных стен.

Обшарив дно у острова Мкран, двинулись к острову Бобора. Здесь, в расселине меж двух больших скал, мы обнаружили развалины затонувшего корабля. Деревянные балки, почти целиком сгнившие, были разбросаны на глубине от пятнадцати до пятидесяти метров по обеим сторонам острова. В морях, где часто штормит, волны, как правило, довольно скоро разносят в щепки корабли, затонувшие на глубине до двадцати метров. Поэтому мы и сосредоточили поиск в более глубоких водах, где, к нашей радости, в изобилии водились мурены и меру, что делало все предприятие не только интересным, но и полезным.

Питер и Иден нашли в развалинах корабля какую-то кость. «Большая берцовая кость обезьяны», — торжественно констатировали они. Все наши потуги доказать невозможность появления обезьяны на древнегреческом корабле так и не смогли поколебать их в этом убеждении, тем более что авторитетов в области анатомии на борту не было. Я так и занес находки этого дня в судовой журнал: «Обломок железного руля, несколько медных пластин, одна навигационная лампа и большая берцовая кость обезьяны».

Мы встречали поблизости множество мелких осьминогов, и в этой связи начались разговоры о пещерном чудовище.

— Не знаю, как там насчет драконов, — произнес Иден, — но одно могу сказать — осьминоги тоже здорово кусаются! Несколько лет назад мне случилось участвовать в ночном погружении на итальянском побережье. Я поймал осьминога и решил прихватить его с собой. Когда я всплыл, эта тварь будто с цепи сорвалась, Животное стало карабкаться вверх по руке, и вдруг я ощутил острую боль в шее! Осьминог пребольно укусил меня. У них ведь клюв наподобие ястребиного — они крепко хватают добычу

щупальцами, а потом добивают ее клювом. И вот я в муках пытаюсь стряхнуть его, а все остальные стоят полукругом на палубе, смотрят на меня и надрываются от смеха.

А потом уже вне всякой связи с осьминогами Барбара рассказала, что, когда они ныряли в Палинуро, в Греции, в ходу была такая шутка: надо было сидя на дне делать вид, что ешь морские яйца — своеобразные устрицы, по виду напоминающие оранжевые камешки. На вкус они сильно отдают йодом, но новички, которые лезут из кожи вон, чтобы показать себя бывалыми аквалангистами, часто попадают на эту удочку.

Я призадумался о всех этих невинных дурачествах и трюках, и мне пришло в голову, что и у нас есть своя домашняя шутка. Среди найденной нами посуды была маленькая амфора, изящная и совершенная в каждом своем изгибе. Инкрустированная яркой зеленью донных лишайников, она неотразимо действовала на зрителя: археологи застывали в изумлении, а прочая неискушенная публика просто теряла дар речи. Но к сожалению, эта амфора была... абсолютной и стопроцентной подделкой. Ее изготовил в Испании один мастер, который весьма искусно раскрасил сосуд и придал ему такой вид, словно тот много лет пролежал под водой. Потом он аккуратно поместил амфору на морское дно, где она действительно пролежала пару лет.

Глава XVI

Об авторитетах и несчастной крысе

Мы получили письмо от хранителя музея в Дубровнике д-ра Луксы Беритича. Не сможем ли мы, спрашивал он, навестить его в ближайшее время и познакомиться с неким Вагнером, известным в этих местах архитектором, который мог бы показать нам расположение стен, обнаруженных при постройке гостиницы «Эпидавр». Одновременно сам Беритич расскажет все, что ему известно о разрушении Эпидавра землетрясением в 365 году до н. э. Письмо обрадовало нас до крайности, поскольку Беритич был, вероятно, единственным источником такого рода сведений. Несмотря на то что это землетрясение было отражено во множестве сказаний и легенд, ходивших среди местных жителей, литературных подтверждений ему не удалось отыскать ни в одной из многочисленных библиотек, куда я обращался. Не лучше обстояли дела и в периодических изданиях. Не удивительно, что очень часто мое любопытство принимало форму навязшего в зубах вопроса: «Откуда вы это знаете?» Обычно за этим следовал взрыв недоумения: «Как, да это всем известно! Об этом знают даже дети!» Просто поразительно, как много самых компетентных мнений и как мало фактов хранится в нашей памяти! Надо отдавать себе отчет в том, что, задавая вопросы типа «Откуда это вам известно?» или «Чем вы можете подтвердить свое мнение?» — рискуешь прослыть невыносимо нудным человеком, чем-то вроде воскресшего Сократа.

Если войдет в привычку проследивать любую мысль до первоисточника, то долгих задушевных разговоров уже не услышишь. Я, впрочем, и сам попадался на эту удочку еще в Лондоне. Первый же заданный мне вопрос был: «Откуда у вас эти сведения?» Я быстро намотал себе на ус, что в археологических кругах нельзя ровно ничего' сказать, не процитировав источник. Именно поэтому дилетанту так скучно читать серьезные исторические работы: любое утверждение сопровождается целым рядом загадочных сокращений, представляющих собой ссылки на другие не менее скучные работы. Единственное утешение в таком чтении — это безжалостно острые замечания в убийственно тактичной форме в адрес другой теории, если она, паче чаяния, не совпадает с теорией автора.

Мы с Хансом только-только укрыли «Язычник» в цавтатской гавани, как яростно задула бора. Цилиндры были заправлены, в них достаточно воздуха на двоих на целый день погружений. Значит, пока Питер и Иден займутся ежедневной работой, мы с Хансом сможем съездить в Дубровник и в тот же день вернуться обратно. Сказано — сделано, и уже через час мы тряслись в автобусе по взбегающему к облакам серпантину дороги.

Беритич ждал нас в маленьком кафе прямо на улице, где синеватые голуби вышагивали между низкими, совсем домашними столиками. Он представил нас Вагнеру, приветливому, полному человеку с раскидистыми усами цвета спелого каштана.

Я вытащил карандаш и блокнот, Ханс наярив свои переводческие способности, и беседа началась. Но все трое прекрасно говорили по-немецки, так что я на время выбыл из игры.

Во-первых, долгожданные сведения о землетрясении. Они содержались в сербском переводе одного анонимного итальянского исторического очерка.

Отыскал его некий монах, бескорыстный и неутомимый собиратель легенд о Святом Илларионе, победителе дракона, о котором уже сообщалось выше.

Я добросовестно скопировал этот труд для пересылки Аренду. Он называется «*Annales Ragusini anonimi*» и датируется 1883 годом. В нем утверждается со всей определенностью, что Эпидавр был частично разрушен землетрясением, после чего «море покинуло берега свои», а происходило все это «по скончании Юлия Апостаты», который, как известно, отдал душу богу в 363 году до н. э. И Беритичу и нам этого было вполне достаточно, тем более что я и ранее встречал эту дату в книге Дж. Д. Уилкинсона «Далмация и Монтенегро», опубликованной в 1848 году. Правда, Уилкинсон приписывает все разрушения готам. Действительно, готы обрушились на этот край опустошительной лавиной, но... они появились в Эпидавре лишь три столетия спустя. Кстати говоря, существует обыкновение все на свете валить на несчастных готов. Но даже они вряд ли смогли бы затащить на морское дно добрую половину крупного города. Оставалось предположить одно — и это предстояло либо доказать со всей неопровержимостью, либо столь же безоговорочно опровергнуть, — что в 365 году до н. э. Эпидавр подвергся разрушительному землетрясению, которое сопровождалось гигантской приливной волной, или опусканием суши, или и тем и другим; в тот роковой год Эпидавр наполовину ушел под воду. Вот тот отрывок из летописи, в котором рассказывается, как Святой Илларион не спасовал перед стихией.

«В этот год случилось во всем мире землетрясение, вскоре по скончании Юлия Апостаты. Море покинуло берега свои, словно господь наш Бог снова наслал на землю потоп, и все повернуло вспять, к хаосу, который и был началом всех начал. И море выбросило на берег корабли и разметало их по скалам. Когда жители

Эпидавра увидели это, то уstraшились они силы волн и убоялись, что горы воды хлынут на берег и что город будет ими весь разрушен. Так и случилось, и стали они взирать на то с великим страхом. Тогда вошли они в дом к старцу (Святому Иллариону) и привели его на берег, как они делали всякий раз, когда начинали войну.

Он начертал три раза крест на песке и простер к морю руки, и застыли все, кто видел это, в изумлении и радости, ибо море остановилось у ног его и вскипело и стало бурлить, словно гневалось на брега свои, а потом медленно отступило и затихло. И тем прославился он в городе Эпидавре, как и повсюду в этой стране, где идет слава его от отцов к детям, и живет этот сказ меж людьми здесь».

Теперь выступил на сцену Вагнер. Да, он был на месте раскопок, когда сделали упомянутые раньше открытия. По его мнению, отрытые стены почти метровой толщины были стенами зданий. Полы были вымощены тщательно подогнанными глиняными плитами размером в половину квадратного метра. Беритич пояснил, что римляне не только покрывали такими плитами полы, но и использовали их как кровельный материал. Мы и сами видели множество таких плит, разбросанных по дну по всему району Цавтата, но не могли установить их назначение. Вагнер считал, что дом, стены которого они отрыли, был, по всей видимости, разрушен землетрясением, потому что «пол» был погребен под полуметровым слоем кровли, обломков глиняной посуды и бог весть какого еще окаменевшего хлама, который представлял собой остатки разнообразной домашней утвари, сохранившейся под развалинами рухнувших стен. Там же были найдены браслеты, которые носили когда-то обитатели этого дома, погибшие во время

землетрясения. Их кости за это время превратились в пыль.

В результате землетрясения плитки пола прорезали глубокие трещины. Вагнер узнал от крестьян, что повсеместно в земле находят здесь небольшие площадки, покрытые такими плитами; их особенно много на полпути от гостиницы к небольшому заливику метрах в двухстах к востоку. Закладывая фундамент под второе здание гостиницы, Вагнер наткнулся на еще одну стену, похожую на две первые. Вполне вероятно, что этот участок берега был когда-то одним из пригородов Эпидавра, а не сторожевой крепостью, как мы предполагали. Продолжением пригорода и были «холмики» на дне бухты. Вероятно, когда-то город выходил к морю изысканными фасадами внушительных зданий, которые простирались по всему берегу от собственно Эпидавра до Чистой бухты. Остатки стен находили до самого Обода, городка, расположенного у подножия горной цепи на горизонте. Позади теперешней гостиницы эти стены достигали трех-четырех метров толщины, причем внутреннее пространство между двумя перегородками засыпалось камнями или гравием.

Наше длительное и довольно насыщенное собеседование подошло к концу. Нам, не скупясь, рассказали все, о чем мы просили. Поэтому рукопожатие на этот раз не было чисто формальной данью приличиям.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил я Ханса по дороге назад. По его мнению, было бы не лишним перекопать берег моря в этом месте, а заодно и половину гостиничного двора. Что же, мысль неплохая — если бы у нас была рабочая сила и если бы директор гостиницы позволил вырыть во дворе пару-другую канав, куда могли бы время от времени падать его постояльцы. Конечно, раскопки на берегу рассказали бы

очень много о том, что покоилось на дне, под слоем грязи. Вообще, было бы крайне недурно поставить экспедицию на широкую ногу и вести раскопки одновременно и на суше и на дне моря. Бе-ритич ни на минуту не сомневался, что, если представить удачно разработанный план раскопок, местные власти охотно пойдут навстречу.

Поднявшись на борт «Язычника», Ханс, Бел и я провели краткую конференцию и еще раз перелистали наши многочисленные карты, планы, схемы, описи. Попутно мы делали заметки, которые потом предстояло перепечатать Бел. Когда же этот момент наступил, Бел оказалась полностью неспособной разобрать почерк своего непосредственного начальства, то есть Ханса и мой, и напечатала все по памяти, что оказалось несравнимо легче. Теперь план древнего города начал вырисовываться в основных деталях. Мы более или менее точно знали расположение внешних стен: они простирались метров на пятьсот от берега, уходя на глубину до пятнадцати метров. Надо ли говорить, что эти стены наполовину тонули в иле и грязи. Ох уж эта грязь!

И все-таки кое-что можно сказать в ее защиту: она надежно хранит все, что скрыто в ее липком чреве от посягательств разгульного моря, от тысяч микроорганизмов, чьи выделения разъедают даже гранит.

Погода снова ухудшилась, поэтому мы укрылись в гавани и решили понырять там. Это оказалось неожиданно интересным: каждое погружение что-нибудь приносило. Однажды Питер поднялся на борт, держа в руке шесть чайных ложечек. Каким образом они оказались в таком невероятном месте? По этому поводу все пустились в догадки и высказали много практических, но мало увлекательных предположений — от зазевавшегося стюарда на местном прогулочном

судне до разгневанной невесты, выбросившей приданое в море. Чуть позже тот же Дэвид вынырнул со старинным стартовым пистолетом — неизменной принадлежностью любых скачек, столь близких душе англичанина. Пистолет был с серебряной насечкой на рукоятке, излюбленным видом украшения оружия на Балканах в прошлом веке. И снова нас заинтересовала маленькая тайна его появления здесь. Однако кроме всего этого мы находили еще и то, что искали: черепки римского или греческого происхождения. Впрочем, теперь мы воспринимали это как должное. Находки аккуратно складывались на палубу и заносились в опись с указанием даты и места обнаружения (к сведению сотрудников музея в Сплите, для которого все это предназначалось).

Дно моря, заросшее чащами водорослей, с крутым обрывом от трех метров у набережной до двадцати пяти — тридцати метров посередине бухты, не вызывало особого энтузиазма у ныряльщиков, но что за находки дарило оно время от времени! У нас вошло в обычай внимательно осматривать убежище спрутов. Подобно сорочьим гнездам, они подчас хранили удивительные вещи: дважды я находил в гнезде осьминога бронзовые монеты, несколько раз — обломки глиняной посуды. Осьминог, который обычно возводит вокруг своего жилища вал из обломков скал, камешков и раковин, был бы верным союзником в подводном поиске, вот только жаль, что он не подвергается дрессировке.

Я философствовал как раз по этому поводу, когда Бел молча показала мне свой платок с наполовину объединенными краями.

— Удивительно, — промычал я.

— Удивительно! Нет, вы посмотрите на него! Да это же наша крыса! Пора бы от нее избавиться. Как и всякое уважающее себя судно, мы первым делом обзавелись корабельной крысой. Но почему, почему

грызун, который был достаточно умен, чтобы прятаться от глаз людских, решил вдруг приняться за платки Бел? Наша крыса, невидимая и неслышимая, жила на «Язычнике» довольно долго. Откуда она взялась, никто не знает, но время от времени в ночи слышался тихий скрежет и скрип. Впрочем, эта крыса в отличие от многих других получила отличное воспитание и всегда знала, где остановиться: она вполне мирно сосуществовала с нами, почему бы нам, в конце концов, не сосуществовать с ней? Однако в последнее время у нее появились дурные манеры: то ли на нее повлияла перемена климата, то ли ее больше не устраивал рацион, но так или иначе, ее характер резко изменялся к худшему. А уж после того как она продырявила нашу единственную нарядную скатерть, Бел поставила вопрос ребром. Естественно, сначала обвинение пало на мою голову, поскольку я однажды помянул нехватку ветоши для протирки машины. Но когда Бел убедилась, что я невинен, как агнец, откладывать дольше роковое решение было невозможно.

Нашей первой же покупкой была отличная патентованная мышеловка. И начались мои ночные терзания: крыса, как оказалось, ловко извлекала сыр и выскакивала из мышеловки, прежде чем стук железной крышки возвещал о том, что она якобы поймана. Бел продолжала безмятежно посапывать, а я вскакивал с постели как ошпаренный и уныло заправлял мышеловку вновь. Когда первый килограмм дорогого сыра подошел к концу, я почувствовал даже некоторое раздражение: я и сам любил сыр, а тут приходилось скормливать весь наш запас какой-то крысе. Стоило мне подобраться к любимому деликатесу, как Бел обрывала меня:

— Тед! Ты же знаешь, что он нужен для крысы!

— Черт бы побрал эту крысу! — В этих словах была не только личная неприязнь, но и выстраданная решимость. Я поехал к городскому фармацевту: но то

ли мой сербский язык был слишком плох, то ли фармацевт оказался одним из активистов общества «Друзья животных», так или иначе, когда я изложил свою просьбу, он посмотрел на меня долгим испуганным взглядом и исчез через другую дверь.

Однажды, когда я повествовал о своих переживаниях в кафе на набережной, ко мне подошел плотный коренастый человек. Он итальянец из Бриндизи, немного понимает по-английски и слышал, как я сказал, что мне нужен крысиный яд. Он проводит в Цавтате свой медовый месяц и случайно захватил с собой один пакетик. Что это за человек, если, отправляясь в свадебное путешествие, берет с собой крысиный яд? Впрочем, я решил не задавать вопросов. Мы выпили, и он отсыпал в конверт немного желтого порошка. Пообещав сообщить ему о результатах, я поспешил на «Язычник». Нужно было успеть насыпать порошок в крысиную нору. Предполагалось, что через несколько дней крыса ослабеет и умрет. Бел прореагировала весьма типично: «Как, еще и кормить порошком? Неужели нельзя ее просто поймать? В конце концов, у нас маленькая яхта, а не лайнер». Все это верно, но только тот, кто когда-нибудь пробовал отыскать левый носок или любимую запонку на бельевом складе, поймет, чего стоит изловить крысу на яхте в пятнадцать метров длиной.

Три дня подряд я подсыпал порошок у крысиной норы, и три дня она его с аппетитом поедала. Бел почти не разговаривала со мной, ограничиваясь приветливыми замечаниями вроде: «Может, посадить еще парочку крыс, чтобы ей не было скучно?» или «Не купить ли немного молока, а то твой порошок, наверно, ей уже надоел?» На следующее утро я отправился в ялике на берег отвезти белье в стирку. Когда я вернулся, на «Язычнике», к моему недоумению, царила могильная тишина. По утрам Бел обычно упражнялась на гитаре, и,

когда я уезжал, она только начала разучивать какую-то зажигательную испанскую песенку.

— Бел, где ты? — воззвал я. Никакого ответа. «Странно! Странно!» — подумал я и спустился в каюту. Сто крат более странным было зрелище, представившееся моим глазам. Бел сидела на койке, держа в руках гитару, и неотрывно смотрела на какой-то предмет в метре от своих ног. Это была крыса. Бедное отравленное животное наконец выползло на свет божий. Ослепленная, она попыталась пригреться в ногах у Бел, отсюда — беззвучие могилы. Чтобы прекратить мучения обессиленной крысы, я схватил что-то тяжелое и... до сих пор при слове «крыса» Бел вздрагивает и тянется за стаканчиком чего-нибудь подкрепляющего.

Глава XVII

Улица

Наступил день заключительного концерта летнего музыкального фестиваля в Дубровнике, и все наши во главе с Хансом решили поразвлечься. Бел и я остались на борту: Лист влечет меня куда меньше, чем мудрая меланхолия Фрэнка Синатры. Да и слишком много работы ожидало нас на «Язычнике»: надо было ответить на письма, проявить фотографии, кое-что подремонтировать. Поэтому, когда удавалось выкроить час-другой, я предпочитал оставаться на судне. Доспехи наши были в весьма плачевном состоянии: два вентиля пропускали воздух из-за расшатавшихся клапанов, дыхательные трубки протекали. Все-таки поразительно, как сильно изнашивается снаряжение всего за один сезон. Основной ущерб наносит, конечно, морская вода, но и палящее солнце есть в чем упрекнуть: если оставить резину неприкрытой, она быстро теряет эластичность. И не раз у меня замирало сердце, когда я совершал пробные погружения с комплектом, только что починенным и залатанным своими собственными руками. К счастью, ни одно из них не оказалось последним.

Назавтра за утренним чаем мы все собрались на палубе и обсуждали вчерашний концерт, когда подплыл местный рыбак Нико, с ним был пассажир, который спросил по-английски:

— Это экспедиция, которая ищет Эпидавр?

Когда ему сказали, что это именно так, он поднялся на борт и представился: Джеф Голоф, инженер из Нигерии. Он писал нам не так давно и запрашивал наше согласие на участие в экспедиции. Ответа на письмо он

так и не получил, но сейчас у него отпуск, и так как он все равно настроился провести его в Европе, то решил отыскать нас. И вот он здесь.

Я объяснил, что он приехал немного поздно и что мы вскоре свортываем экспедицию, но будем рады, если он останется с нами до конца сентября.

— Не хотите ли нырнуть прямо сейчас? — предложил Питер, и через несколько минут новобранец, сверкнув ластами на солнце, ушел в глубину. Как правило, проходит несколько дней, прежде чем новичок привыкает к снаряжению. Поначалу все идет из рук вон плохо: маска протекает, вентиль не подает воздуха, глубиномеры не работают, цилиндры заряжены только наполовину, но проходит всего несколько дней — и все эти беды уже кажутся мелочами жизни. Джеф не составил исключения, и через несколько дней я видел, как он резвился под водой с вентилем, который, как он клялся и божился пару дней назад, безбожно протекал.

Теперь у нас снова была великолепная команда ныряльщиков. Поэтому имело прямой смысл продолжить исследования глубоководной части бухты Тихой между Цавтатом и берегом Робинзона.

Мы исколесили весь этот участок вдоль и поперек, буксируя акваплан на глубине пяти метров, но нависшее зеленое море позволяло только изредка видеть светлые прогалины на дне.

Наша команда уныло таскалась взад и вперед по бухте, и только дважды монотонность этого движения прерывали тревоги, но оба раза ложные. И вдруг Бел крикнула:

— Смотрите, Иден что-то увидел! Я взглянул со штурвальной площадки: Иден действительно подавал сигналы. Я подозвал Питера и Джефа и подвел судно к Идену, который бороздил воду кругами над этим местом.

— Что там, Иден?

— Пока не знаю! Но похоже, что какие-то глиняные черепки.

— О-кей! Останемся здесь и поищем.

Последующие несколько минут проходят в обычных деловых приготовлениях. Каждый ныряльщик снимает излюбленный баллон с заправочной форсунки, закручивает вентиль, прикрепляет дыхательную трубку. Потом он проверяет глубиномер и, отыскав на палубе свободное место, готовится к погружению: парашерстяных свитеров, шноркель за ногу, поверх брюк. После этого с тяжким кряхтением, подобным предсмертному стону, ныряльщик закидывает баллоны за спину и закрепляет их системой хитроумных пряжек. И поверх всего — пояс с балластом: последним надевается — первым снимается. Потом идут различные некомплектные принадлежности: глубиномер, часы, компас, ласты на ноги. Щедрый, от всего сердца плевков в маску, затем остается растереть его по стеклу и ополоснуть маску в ведре морской воды. Этот плевков, насколько я знаю, единственное средство сделать так, чтобы маска не запотевала, когдаходишь в глубокие воды.

Теперь все готово. Еще несколько слов: «Все— к якорю, плывем в разных направлениях; если заметите что-нибудь, всплывайте на поверхность и постарайтесь засечь место». Потом неизменный вопль: «Отверните мне вентиль!» Мы отворачиваем вентили и проверяем положение запасного клапана. Вниз по лестнице! И наконец оглушительный всплеск в тот миг, когда упакованное и увязанное человекоподобное весом в восемьдесят килограммов плюхается в воду. Несколько пузырей и — тишина.

Но это наверху, а внизу — все наоборот. Сначала всплеск. И не успевает какой-нибудь слабонервный осьминог высунуться из норы и обозреть возмутителя спокойствия, как его оглушает второй всплеск, потом

еще и еще — целое вторжение из другого мира. Тогда мистер Осьминог заползает поглубже в нору: что бы теперь ни происходило, он ничего не хочет знать, а то как бы чего не вышло. Разве что изредка он высунет щупальце и подтащит ко входу в гнездо еще один камешек. Не то что губан — он любопытен и вылезает поглазеть на призраков. Его мохнатые влажные губы полуоткрыты: он не может поверить глазам своим. А невдалеке еще один любопытный — меру. Но память жива, и свербит где-то в не приметном уголке массивной головы: «Человек означает опасность!» Если хоть однажды охотник выпустил в него гарпун, он не забудет. Рыбы помельче, словно бабочки, порхают вокруг пришельцев. Они знают по опыту, что если появляется один из повелителей моря, то пища или исчезает совсем, или, наоборот, истерзанное тело какого-нибудь морского обитателя в самом скором времени начинает плавно оседать на дно. Подобно воронам, эти грациозные создания вьются около каждой раненой рыбы, дожидаясь ее смертного часа. Другие подводные существа, большие и маленькие, не обращают на происходящее никакого внимания и продолжают заниматься своим делом. Они ведут жизнь, до краев полную жестокости. «Съешь, и да не съеден будешь!» Некогда разглядывать пришельцев, разве что они по-_с дойдут на опасное расстояние.

Все это пронеслось у меня в голове, пока мы медленно погружались в холодную глубь, мимо зеленого клубящегося облака, в серый туман пустоты. Потом на глубине в пятнадцать метров завиднелось дно. Я попытался воочию представить какого-нибудь древнего грека, идущего домой обедать в тени, которую отбрасывают стены домов. Вот они, эти самые стены, совсем рядом.

В это время Питер помахал рукой, чтобы привлечь мое внимание. На дне, почти скрытая илом, лежала амфора изысканной формы. Очертания ее были столь изящны и плавны, что дрожь благоговейного уважения к древним гончарам пронизала меня с головы до ног. Амфора отличалась от всех, что мы находили до сих пор; она была метровой высоты и сантиметров двадцати в поперечнике, контуры ее красиво стремились от гордой вершины к элегантному подножию. Питер и я основательно потрудились, счищая с ее стенок глину. И тут, к сожалению, она переломилась надвое. Не успели мы сложить обе ее половины на палубе, как показался Иден, держа руку большим пальцем вниз — сигнал, означавший, что он что-то заметил на дне.

Мы снова ринулись вниз. На этот раз нашим глазам предстала большая амфора, намертво впаянная в слой цепкой глины. В конце концов, мы освободили и ее, но тут оказалось, что она набита камешками и грязью, и потому своими силами нам ее не поднять. Пришлось ждать, пока нам спустят два надувных мешка и канат. Но вот и эта амфора улеглась на палубе рядом со своей двухтысячелетней сверстницей. У нас оставался всего один цилиндр с воздухом и совсем мало времени — сумерки уже сгущались над морем. Но инерция удачного дня не давала нам покоя, гнала в море. Я нырнул, на этот раз вместе с Питером, у которого оставалось еще немного воздуха в баллоне. Вскоре я вытащил римское блюдо, а Питер — богато инкрустированный кинжал. Мне попались на глаза несколько тесаных камней, разбросанных по дну. Мы находились на окраине Эпидавра: именно здесь, где глубина достигала двадцати метров, стоял последний ряд домов у самого синего моря.

Стало темно. Продрогшие и совершенно измотанные несколькими часами погружений, мы оставили на плаву

буй и поплыли к «Язычнику».

Вечером нам повстречалось несколько соотечественников — англичан, отдыхавших в Цавтате, которым мы рассказали о наших находках. Почему-то больше всего их взволновал рассказ об осьминоге, найденном внутри одной из амфор. Мы сунули его в ведро с морской водой, а потом выпустили на палубу, чтобы посмотреть на его выходы. Осьминог оказался весьма покладистым и позволял вертеть себя во все стороны, пока не устал и не пал духом. После этого мы отпустили его в море к великому неудовольствию Джефа, который, оказывается, больше всего на свете любил блюда из «каламаре».

На следующее утро мы намеревались продолжить погружения в том месте, где вчера оставили буй. Питер, поскольку подошла его очередь, оседлал акваплан: у нас вошло в обычай использовать акваплан на всем пути от якорной стоянки до района погружений. Всю долгую ночь шел дождь, и вода была мутнее, чем обычно.

— Есть! — закричал вдруг Иден, и почти вслед за его криком Питер вылетел как пробка на поверхность. Мы застопорили, и он взобрался на борт.

— Трудно сказать, что там, на вид такие вытянутые штуки, хотя, может, и просто камни.

Я все же решил нырнуть, взяв с собой Джефа. До дна было метров двадцать. Первое, что я увидел, была сломанная амфора, а рядом с ней приникла к самому дну большая рыба-скорпион. Обычно эти рыбы полагаются на свой угрожающий вид, но эта так хорошо и естественно сливалась с серым фоном грязи, что я проплыл бы мимо, не заметив ее, если бы ее спинной плавник не очутился в нескольких сантиметрах от моего лица. К счастью (ведь плавники этой рыбы могут нанести опасные раны), моя левая рука была в перчатке, так как я порезал ее при вчерашних

раскопках. Ринувшись на рыбу сверху и сзади, я накрепко схватил ее как раз позади глаз. Шок был столь велик, что она и не сопротивлялась.

Поскольку левая рука была теперь занята, приходилось управляться с амфорой только правой. У меня был с собой лишь один надувной мешок, и я с большим трудом ухитрился завязать трос на ручке амфоры. Теперь оставалось поднырнуть под нее, а дальше уж струя воздуха из баллона доделает остальное. Эта амфора, хотя и была по размеру много больше той, что мы нашли вчера, весила меньше, будучи во многих местах отбитой: она медленно, словно нехотя, оторвалась ото дна и стала величественно всплывать, вознося меня за собой наподобие воздухоплователя давних времен. Прежде всего на поверхности появилась моя рука, сжимавшая рыбу, что немало озадачило тех, кто стоял на палубе. Джеф бросился мне на помощь, и я едва успел выплюнуть загубник и прокричать ему, что плавники этой рыбы ядовиты. Он так и отпрянул, будто столкнулся носом к носу с гремучей змеей, потом подал мне ведро, куда мы и водворили нашу пленницу. Поначалу рыба металась, сотрясая стенки тесной своей тюрьмы, но потом, как истинный философ, примирилась с неизбежностью, утихла и заснула.

Амфору вытащили на палубу и сравнили с находками предыдущего дня. Она оказалась точной копией вчерашней. Поскольку в баллоне оставался воздух, я снова пошел вниз. Еще одна амфора, и снова — точное подобие предыдущих.

Обсудив это, мы решили, что напали на развалины греческого или римского судна. Амфоры, как правило, непохожи одна на другую. Их находят во множестве вдоль любой торной морской дороги и в гаванях древних портов. Но все они, как я сказал, так или иначе отличаются друг от друга. Например, в окрестностях

Эпидавра мы обнаружили шестнадцать различных типов амфор с удлинённым горлом и пятнадцать — с короткими закруглёнными верхушками, но среди них не было и двух совершенно схожих. Для подтверждения этой нашей гипотезы Иден нырнул ещё раз и вытащил ещё одну амфору. Нас охватил трепет при мысли, что вот, под нами, древний корабль, направлявшийся в Эпидавр с полным грузом припасов. Послушать бы его историю! Но две тысячи лет — это бесконечно много, и море источило и съело деревянный корпус корабля, а накатывавшие волны развалили его совсем, и он постепенно сровнялся с песчаным дном. Наверно, так оно и было, потому что дно здесь было ровным, как обеденный стол, и только одинокий камень да полузанесённые песком и грязью амфоры возвышались над спокойной песчаной гладью. Но даже одно это место уже заслуживает кропотливого исследования с помощью насосов.

Я мельком взглянул на нашу рыбу-скорпиона. Она стала ярко-малинового цвета. Наверно, потому, что в ведре оставалось немного красной краски. Я ткнул её концом шноркеля; её спинной плавник поднялся и налился упругой силой будто бы для удара, а рот угрожающе открылся, словно она хотела укусить меня. На самом же деле она всего лишь выплюнула из рта воду. И тут мне пришло на ум сфотографировать её в тот момент, когда она получит свободу. Я вошёл в воду и сделал пробный снимок, а потом Питер выплеснул её в море. Рыба помедлила на поверхности, кажется, только для того, чтобы окинуть меня взглядом, в котором не было и тени благодарности, и ушла в глубину.

Я набрал побольше воздуха и нырнул вслед за ней. Судя по темпу, она никуда особенно не спешила, и уже метрах в десяти от поверхности я настиг её. Она только слегка повернулась, как будто рассматривая меня, но в остальном оставалась спокойной. Я нажал спуск и

поспешил на поверхность, потому что легкие у меня почти рвались на части.

Теперь дни неслись торопливой чередой, а ведь мы так и не смогли побывать в Дубровнике. К сожалению, там не было места для стоянки, разве что бросить якорь в порту Груз, в двух часах хода от Дубровника.

И вот мы вышли в неприветливое хмурое море. «Охо-хо, слава богу, все это кончилось», — облегченно вздохнул Питер, когда мы встали у причальной стенки в Грузе, возле рынка, приткнувшегося у самого берега. Нам придется провести здесь день-два, сделать кое-какой ремонт и решить целый ряд проблем, из которых самой существенной было запастись газом. Перед сложностью этой проблемы пасуют даже бывалые яхтсмены. Этот газ в Англии носит название «Калор», или «Ботогаз», во Франции, Италии, Испании он фигурирует под разными именами. Но не в названии дело — ни одна фирма ни за какие деньги не наполнит своим газом баллоны конкурента. В Италии не примут французские баллоны, и наоборот, поэтому приходится выплачивать солидные деньги, иногда фунтов до пяти за цилиндр, которые, как правило, не окупаются. А уж если путешествуешь из страны в страну, газ влетает в хорошую копеечку. На «Язычнике» имелись четыре английских баллона, конечно же, двух разных фирм, три французских, два испанских, три итальянских. Похоже, что теперь коллекция баллонов пополнится еще и югославской продукцией. Всякий, кто решит поплавать по Средиземному морю, пусть выбросит всевозможные газовые плиты, водонагреватели и т. п. и захватит банальную керосинку с объемистой канистрой про запас.

Мы только-только встали на якорь в Грузе, как на набережной уже собралась толпа. Да и что удивительного, если палуба «Язычника» к этому времени больше походила на музей: обломки амфор у

левого борта, целые амфоры — у правого, а на корме — всякая всячина вроде мушкетов, пушечных ядер и многое-многое другое. Совершенно ясно, что экспедиции типа нашей нужны склады на берегу. Я подумывал о том, чтобы сложить наши находки на территории Цавтатского музея, но территория представляла из себя сад такого радостного растительного разнообразия, такого изысканного и безупречного вкуса, что у меня не поднялась рука изуродовать его. Кроме того, все наше достояние будет поделено между музеями Сплита, Цавтата и Дубровника, а эту болезненную операцию лучше провести на борту «Язычника».

Как только все припасы были погружены, мы отдали швартовы, вышли из продолговатой бухты, похожей на речное устье, и, обогнув небольшой островок, ринулись навстречу волнам. У нас были все основания возненавидеть бога ветров: он что-то не скупился последнее время. Амфоры тяжело перекатывались по палубе, сталкивались и валялись друг на друга, и мне то и дело приходилось спасать их, подкладывая то парус, то связку канатов, то камни.

Оставшиеся в Цавтате члены нашей экспедиции с нетерпением ждали нас на набережной.

За два последних дня у них произошло два события. Во-первых, Питер слегка охромел, потому что его строптивая подруга в припадке ревности безжалостно вонзила в его ногу свой острый каблучок. Во-вторых, Ханс в наше отсутствие сформировал из местных любознательных мальчишек археологическую группу; которая тут же начала раскопки на берегу, отыскивая засыпанные песком стены.

Накануне нашего возвращения какой-то джентльмен подошел к Хансу и его юным коллегам, обозрел выкопанную ими яму, неодобрительно хмыкнул и удалился. Мальчишки не придали его визиту никакого

значения. Но через полчаса показалась странная процессия, которая змеилась по склону холма по направлению к Хансу и его соратникам. На плечах пришельцев покоился гроб с телом, для которого яма, вырытая Хансом, должна была, по-видимому, стать местом вечного отдохновения. Ханс побагровел и весь затрясся. Но его негодование не успело перейти в гневный обмен фольклорными изощрениями, потому что вышеупомянутый джентльмен, отчаянно жестикулируя, стал убеждать близких и друзей усопшего, что это не та яма. Ханс пробормотал про себя: «Ну и страна! Не успеешь выкопать яму, как приходят какие-то типы и суют туда покойника! А если бы мы ушли на полчаса раньше?!»

По возвращении в Цавтат мы целый день нещадно эксплуатировали Джефа и акваплан, но нашли только пару амфор. Теперь у нас было шесть амфор примерно одного типа и еще пять уже другого типа, только слегка поломанных. У нас почти не осталось сомнений, что в этом месте затонуло греческое судно. Я нанес на карту местоположение каждой амфоры. Несколько каменных глыб, найденных здесь же, представляли по всей вероятности, балласт, который использовался в те далекие времена, чтобы придать кораблю устойчивость на волне.

Поднять амфоры на борт было делом отнюдь не легким; хотя сами по себе они были не бог весть как тяжелы, но буквально каждая на три четверти была заполнена грязью и раковинами. Сначала мы недоумевали по поводу такого количества раковин, но вскоре заметили, что амфоры служили жилищами осьминогам. Они-то и затаскивали внутрь крабов, устриц и мидий, выловленных в море.

Малое отверстие сосудов не позволяло вытряхнуть всю начинку сразу, приходилось поднимать их нагруженными и опустошать на палубе, а это работа

грязная и нудная. Амфора подтягивалась на канате с корабля, но нередко древняя глина раскалывалась под собственной тяжестью и нижняя половина амфоры устремлялась вниз, едва не задев по дороге кого-нибудь из ныряльщиков. Потом мы разработали систему, состоявшую из перекладины и двух надувных мешков, по одному с каждой стороны. И вот теперь раздутые мешки тянули веревки, пытаюсь оторвать сосуд ото дна. Наступал решающий момент. Как правило, амфора отрывалась от тысячелетнего ложа и медленно всплывала, ускоряя свой подъем по мере того, как расширялся в мешках воздух. Зрелище это незабываемо: изящное детище древней цивилизации взмывает вверх, отряхивая с боков грязь и обнажая свою роспись из-под тысячелетних отложений. Поднимаясь, амфора начинает сверкать целой гаммой ярких цветов; красноватые пятна глубоководных наростов на стенках становятся ярко-оранжевыми, черные губки, свисающие с горловины, приобретают жирно коричневый глянец, появляются пурпурные, желтые, голубые оттенки, и вот амфора показывается над водой в брызжущем великолепии красок. Потом игра красок теряет блеск, тускнеет, гаснет и через пару дней умирает совсем. Посетитель музея увидит на стенде только номенклатурное изделие из глины однообразной серо-белой окраски. Захватывающе интересно было бы выставить амфору в прозрачном сосуде с морской водой, где она явилась бы в первозданном виде. Но это в музее. А здесь в море, стоя с фотоаппаратом наготове, я едва успевал отшатнуться в сторону, когда из сумеречного облака, поднятого ныряльщиками, вместо грациозного призрака в оболочке воздушных пузырей вылетало некое подобие снаряда и стрелой неслось дальше к поверхности. Так случалось каждый раз, когда амфора ломалась надвое или когда она не могла вырваться из цепких объятий

грязи, и нам приходилось переполнять мешки воздухом из баллонов. Иногда неосторожный ныряльщик запутывался в веревке, и мешок вздымал его вверх ничуть не хуже, чем новейший американский лифт. Прошло несколько дней, прежде чем я приновился к темпу и сделал несколько сносных снимков; зато как раздражает, когда тщательно наведешь фокус, подготовишься, и вдруг все — пловцы, амфора, мешки переплелись тугим комком и взлетают на поверхность, а я несусь за ними в иллюзорной надежде сфотографировать амфору! А сколько грустных ночей я провел в наспех сделанной темной комнате, когда после часовых манипуляций с бутылочками, ванночками, бачками и бог знает чем еще я смотрел унылым взглядом на мокрый и абсолютно бесполезный кусок целлулоида. Перебираю кадр за кадром: облако пузырей; клубы грязи и чья-то вытянутая нога наполовину за рамкой; воздушный мешок без намека на амфору; амфора без единого пловца поблизости, как бы подвешенная в пустоте. Кстати, в этом состоит одна из трудностей подводной фотографии: снимки зачастую выглядят совершенно нереальными. Нужны движение и несколько объектов для фона и масштаба; струи пузырей из вентиля, несколько рыб. А как часто ныряльщик предстает на фотографии таким сумасшедшим танцором на маскараде, старательно исполняющим ча-ча-ча. Для моментальности и контрастности очень хороши блинцы, но тогда вода должна быть абсолютно прозрачной. А попробуй; те воспользоваться блинцем в водах бухты Тихой, где мутная взвесь моментально закупорит линзы.

Кроме того, подводному фотографу грозит масса непредвиденных опасностей: ведь он весь в своей работе, остальное предано забвению. Я пришел к этому выводу, когда однажды фотографировал всплывавшую Бел, и вдруг ощутил плотную темноту в глазах и звон в

голове. Оказывается, я всплыл прямехонько под корпусом «Язычника» и стукнулся затылком о дно, несмотря на то что наше суденышко было единственным плавающим предметом на многие мили вокруг.

К 10 сентября погода заметно ухудшилась, хотя обычно сентябрь в этих местах — лучший месяц в году. Вечером приходилось облачаться в толстые свитеры. В тот день за турецким кофе было созвано небольшое совещание. Питер и Иден могли оставаться лишь до 20-го; то же и Джеф; Ханса уже заждались в его картинной галерее. Правда, на 20-е намечался приезд Джорджа Дэвидсона, ныряльщика из Австралии, который проведет с нами дней десять. Таким образом, Бел, Джорджу и мне предстоит быть последними из могикиан. Потом нам останется лишь передать находки властям, составить заключительный отчет для д-ра Николаичи из музея в Сплите, встретиться с д-ром Фисковичем и перегнать «Язычник» на зимнюю стоянку на Балеарские острова.

Тем временем наша карта Эпидавра постепенно заполнялась. Развалины в Чистой бухте, как мы и полагали, были частью строений, возведенных прямо у городских ворот. Через ворота пролежала главная римская дорога, перешедшая к римлянам по наследству от греков и известная в Древнем Риме как Виа Цезариа, или Виа Ветус. Эта дорога тянулась по пригородам Эпидавра, ныне погребенным в море, а следы ее виднелись там и сям на склонах холма. Она была основательно разрушена местными крестьянами, которые испещрили склоны холмов террасами, на них растут томаты и кукуруза. Городская стена тянулась от Чистой бухты напрямик к Ободу, небольшому городишку, расположенному выше Цавтата на склоне холма. Мы проверяли указанное предположение и

действительно обнаружили на этой прямой следы римского форта.

Считают, что население Эпидавра доходило в иные годы до сорока тысяч, а сам город был важным центром морских коммуникаций. Подтверждение тому — остатки римского амфитеатра, бань и двух больших акведуков. Руины римских зданий занимают площадь в два квадратных километра и простираются на всем пути от Цавтата до Обода. Здесь много могил, встречаются остатки вилл, принадлежавших богатым римлянам. В одной из вилл был бассейн, выложенный яркими плитками, куда из акведука струилась когда-то чистая родниковая вода. От этой виллы до нас дошли только стены. Мы впервые услышали о ней вскоре после приезда в Цавтат, но рассказ этот показался нам сомнительным. А потом общительный Ханс повстречал восьмидесятилетнего старца по имени Иво Кунчевич, который показал нам пожелтевшую от времени фотографию с изображением выложенного плитками бассейна и рассказал, как он сам предпринял много лет назад раскопки на месте древнего Эпидавра вместе с одним францисканским монахом из Италии. Старик рассказал нам, что стены на дне Чистой бухты просматривались в его время совершенно четко уже на расстоянии метров пятидесяти от берега, да и дорогу можно было разглядеть в обоих направлениях — там, где она уходила в море и где она взбегала на холм. В одном месте ширина ее достигала пятнадцати метров.

Основываясь на рассказе старика, я нанес на карту продолжение дороги на дне моря. Центральная часть затопленного города была в свое время застроена домами и лавками. Об этом можно судить по форме и расположению холмиков грязи на дне залива.

Теперь, зная приблизительно расположение дороги, мы решили провести самый широкий поиск с помощью акваплана.

В который раз в этот день я бросаюсь на помощь выходящему из воды ныряльщику. Ханс и Иден втягивают доску, я ставлю рычаг на «тихий назад», и скоро «Язычник» останавливается в метре от головы Питера, которая болтается на волнах как будто сама по себе.

— Что там на этот раз? — спросил я. — Пусть это будет что-нибудь стоящее, а не то я нечаянно уроню якорь тебе на голову!

Питер чуть не задохнулся от прилива святого негодования.

— По-моему, там — улица! — ликующе крикнул он.

Все пришло в движение.

— Бог мой, улица! — ахнул Ханс, потирая руки. Я бросил якорь, и, когда Питер поднялся на палубу, мы уже завязывали последние тесемки, закрепляя акваланги.

— А как же я? Мой баллон пуст, у меня не хватит воздуха нырнуть с вами, — жаловался Питер. Но лишний акваланг нашелся, и через несколько минут мы все устремились на предельной скорости вниз. Дно подернулось дымкой, видимость не превышала нескольких метров, но и так была ясно видна прямая линия в окаймлении «холмиков» по обеим сторонам ее. Мы поплыли вдоль нее, чтобы убедиться, что это не каприз своенравной природы, не шутка коварного моря. Нет, она продолжалась дальше, на берегу, прямо перед гостиницей. Я всплыл на несколько метров и убедился, что эта линия составляет точное продолжение дороги, пролегающей по берегу ручья.

А впереди, прямо на нашем пути, лежал перекресток. И снова проверка с помощью компаса и всплытия на поверхность убедили нас в том, что и новая улица исходит от берега Чистой бухты. Она была шире и глубже, чем первая, как и положено главной улице. Мы пытались определить глубину донного слоя

шестами, но грязь спрессовалась внизу слишком плотно. Что ж, тысячелетняя грязь добротнo запрятала под своим покровом все вокруг, но мы сумели увидеть то, что лежало под ним.

Последующие три дня ушли на то, чтобы проследить до конца обнаруженные нами дороги. Иногда линия прерывалась, но, следуя точно по ее направлению, можно было то тут, то там обнаружить продолжение улицы. Похоже, что главная дорога вела прямо в Цавтат, а остальные, меньшие по размеру, начинались с берега и уходили куда-то к середине бухты. Для меня это значило одно: там, в самой середине бухты, была некогда гавань древнего Эпидавра. Мы нашли несколько амфор, скученных на небольшом участке, а это могло свидетельствовать о якорной стоянке; там же, как мы уже знали, лежали развалины, по крайней мере, одного корабля. Он обратился в прах, растворился в морской воде, но остались амфоры — его груз и единственный ему памятник. Если дорога ведет к пристани или к торговым причалам, то, внимательно изучив дно, обязательно натолкнешься на участок, изобилующий самыми различными предметами, некогда сброшенными или упавшими с древних кораблей. Конечно, и от них вряд ли что уцелело, кроме глиняных осколков, да и те море постаралось упрятать как можно дальше от глаз людских. Но все же стоит попробовать. Я тщательно нанес дорогу на карту, и на следующий день, буксируя акваплан, мы вышли на простор бухты.

«Язычник» был еще в пределах отметки Цавтат, когда над волнами показалась голова Идена и раздался его ликующий возглас:

— Нашел! Обломки повсюду вокруг!

Вскоре все мы были в воде, а минуту спустя увидели амфору, проглядывавшую из-под слоя грязи. Шаловливая рыбешка скользнула внутрь ее и исчезла во мраке. Для Бел было делом нескольких минут

привязать к амфоре воздушный мешок и отправить находку наверх, прививая спрятавшейся внутри рыбешке первое понятие о лифте.

Дальнейшие наши поиски в этом месте показали, что Иден ничуть не преувеличивал. На дне лежало по меньшей мере пять целых амфор, а рядом с ними торчали во всех направлениях обломки самых разных чертаний. Я решил поднимать только амфоры новые для нас по типу, отмечая на схеме положение каждой из них. И подъем начался. Но теперь, когда искусство превратилось в навык, система подъема улучшалась из раза в раз. Не взвивались больше к небу ошалевшие тела, запутавшиеся в стропах воздушного мешка, не падали отвесно на дно, увлеченные весом тяжелой амфоры, которую так и не удалось освободить от груза камней и грязи. Мы изобрели специальный тип перекладины. Кроме того, у каждого было теперь свое место и свое занятие в точно расписанном механизме подъема. Один надевал кожаную перчатку и счищал со стенок амфоры прилипшую глину, другой уравнивал воздушные мешки. Ханс обычно стоял в ялике, держа в руках конец каната, готовый отбуксировать амфору к кораблю. Я суетился вокруг, стремясь сфотографировать своих товарищей в процессе работы. Это тоже становилось легче день от дня: на меня больше не покушались ни взлетающие на мешках амфоры, ни ошалевшие от их стремительного взлета пловцы. Единственной проблемой оставалась видимость, ибо приближение ныряльщика знаменовалось обычно надвигающимся облаком мути.

Осколки амфор занимали участок метров пятьдесят на пятьдесят. Это никоим образом не могло быть местом погружения одного корабля; все выловленные нами амфоры были разных типов. Поэтому мы были вправе считать, что нам удалось наконец отыскать гавань древнего города.

Мы смотрели во все глаза, надеясь увидеть хоть какие-нибудь портовые сооружения, тем более что Ханс клялся и божился, будто пять лет назад он видел здесь нечто напоминающее улицу и стены домов. По всей видимости, это было некое подобие верфи; и действительно Джордж вскоре натолкнулся на обширное возвышение из камней, выложенное поверх ровными плитами.

В тот год Адриатика отличалась кристальной прозрачностью сентябрьских вод и холодом отборных ветров. И все же приходилось ползти на акваплане буквально в нескольких сантиметрах от дна, а это весьма и весьма рискованно в случае, если на пути возникнут какие-либо препятствия. Мы были лишены средств сигнализации, а доска не могла всплыть сама по себе. Поэтому у нас вошло в привычку следить за линией пузырьков на поверхности с крыши рубки и держать наготове акваланг на случай, если понадобится немедленная помощь.

Позже у меня была возможность убедиться, что эти предосторожности оказались совсем не лишними.

Глава XVIII

Об ионийской головке и благотворительных обществах

Все-таки поразительно, как открытия сами находили нас и как мы делали все, чтобы этого не произошло. Взять хотя бы плитку с надписью, которую я едва не вышвырнул за борт заодно со старой амфорой, или греческую статуэтку, которая попалась мне в руки только благодаря... моей невыдержанности.

К этому времени Бел и я пришли к единодушному выводу, что надо бы очистить палубу, которая стала совершенно непроходимой из-за нагроможденных на ней амфор и разнокалиберной войсковой амуниции: минной тележки, нескольких ружейных стволов времен первой мировой войны, найденных нами на затонувшем немецком судне, ручных гранат и т. д.

Мой взгляд упал на горстку глиняных плиток: в нашем каталоге они значились просто как «плитки». Заваленные всяким прочим скарбом, они укромно примостились в углу палубы. На одной из них я заметил: «Типансиана».

— Торговое клеймо, — решил я, — что-то современное. Как ты думаешь, Бел?

Ответ ее был, как всегда, краток, безапелляционен и деловит:

— Выброси ты их! У нас и без того хватает всякогохлама!

— Конечно, конечно, — поспешно согласился я. А сам подумал: «Все же покажу-ка я их Николаичи». И чтобы решительно оставить спор за собой, я припрятал

плитки за сложенными на палубе буюми и тут же забыл о них. Вскоре на борт взобрался Ханс, который только что приехал из Дубровника после очередного собеседования с хранителем тамошнего музея.

— Кстати, Тед, — сказал он, — если тебе попадутся плитки, посмотри хорошенько, нет ли на них надписи «Пансиана» на обратной стороне.

— Пансиана, Пансиана, как будто что-то знакомое. А что в них особенного?

И я услышал любопытнейшую историю. На закате Римской республики два консула, Кай Вибий Панза и Авл Гирций, основали черепичную фабрику в Монт-Фальконе, у самой границы республики. В 43 году до н. э. оба консула пали в битве при Мутине (Модена) и фабрика перешла в собственность республики, а потом империи. С этого времени фабричному клейму предпосылались начальные буквы имени правящего императора. Так, «Типансиана» относилась ко времени правления Тиберия, «Цезпансиана» означала правление Цезаря. Нерон, с присущей ему разгульной нелепостью мелкого купца, размахнулся на «Неронисклапансиана». Так или иначе, надпись на плитке была радостной возможностью точно установить ее принадлежность к тому или иному историческому периоду. В частности, плитки, на которые мы посягнули так бездумно, едва не выкинув их в море в качестве изделия новейшей индустрии, относились примерно к 30 году н. э.

Другой нашей интересной находкой была небольшая глиняная ваза десяти сантиметров в высоту, с выпуклым основанием и стройным изгибом горла. Необычная форма ее несколько дней не выходила у меня из головы, пока вдруг меня не осенило, что я видел похожую вазу в Британском музее. Это же фиал, «чаша слез», бывшая в употреблении в Древней Греции. Слезы высокопоставленных участников похоронных процессий стекали по сановным щекам и подбородкам в

этот сосуд, который устанавливался после похорон на могиле, дабы служить постоянным напоминанием духу усопшего о размерах той скорби, которая посетила сердца и души близких по его отбытию в лучший мир. Я облокотился о стол, глядя на изысканные контуры вазы, и подумал о том, сколько слез впитала в себя эта бездушная глина. Теперь их древняя скорбь еще раз воззвала к сочувствию живых. С этими немного выпранными мыслями я завернул хрупкий глиняный сосуд в мягкую шерсть и вложил его в жестяную коробку из-под сигар.

Следующая ценная находка была связана с удивительной встречей в кафе на набережной.

— Я взял бы различие! — заискивающе пролепетал я, обращаясь к официанту. Но оказалось, что сегодня нет этого местного блюда из ломтиков мяса, запеченных на вертеле. Я скрежетнул зубами и вновь углубился в меню. «Ага, было бы неплохо...» но тут я увидел, что официант исчез. Я отвернулся, чтобы поздороваться с одним своим знакомым. Когда же вновь повернулся к столу, Бел что-то с аппетитом жевала, а официант снова исчез. Его белохвостая спина испарилась в священных пределах кухни. Предчувствуя столкновение с разгневанным шеф-поваром, я все же осмелился на вторжение и двинулся к кухне.

— Простите, вы не из экспедиции Эпидавра? — спросил тихий голос у меня из-под локтя. Я повернулся на каблуках, едва сдерживаясь, чтобы тут же не послать ко всем чертям эту любопытную Варвару, но увидел перед собой пожилого опрятного человека:

— Да, чем я могу быть вам полезен?

Он поманил меня к своему столу, где без видимых усилий заказал два кофе по-турецки, которые тотчас же принесли.

— У меня есть для вас кое-что интересное, — продолжал он. — Несомненно, вы разыскиваете все, что

так или иначе связано с древним Эпидавром. Я — обладатель очень ценной реликвии, которая могла бы очень помочь вам в ваших исследованиях.

О нет-нет, она не продается! — воскликнул он, уловив вспыхнувший в моих глазах холодный огонь охотника, напавшего на след. — Но я покажу ее вам, вы можете срисовать ее или сфотографировать, уж это ваше дело.

И тут я не выдержал.

— Что это такое? — спросил я в упор, отбросив все соображения такта и приличия.

— Греческая головка, точнее говоря, ионийская! — Его английский был безупречен.

— Где вы ее взяли? — спросил я с изрядной долей скепсиса: ионийская головка, если только она подлинная, стоит уйму денег. Он посмотрел на меня с некоторым изумлением, как бы разглядев сомнение за наивной прямоотой вопроса:

— Тридцать лет назад, заинтригованный, как и вы, историей Эпидавра, я приехал сюда и принял участие в целом ряде раскопок. Помню, мы раскапывали римский акведук, который несколько веков назад рухнул в море. Там-то я и нашел эту головку, залепленную грязью и глиной, да еще несколько монет.

Мне не терпелось увидеть головку сейчас же, прямо здесь, но человек сказал, что оставил ее в гостинице и что он с удовольствием встретился бы со мной завтра. Так мы и договорились и на этом расстались.

Я отправился к Бел, стараясь казаться как можно невозмутимее. Она была верна себе:

— Неужели тебе подали бифштекс прямо на кухне?

— Не смей так говорить. Бел. Ты же знаешь, что кухарка влюблена в Ханса.

О головке я не сказал ей ни слова — просто не хотел, чтобы она (в который уже раз!) - посмеялась над моей доверчивостью.

На следующий день я поднялся чуть свет. Бел изумилась:

— Ты как будто никогда не страдал бессонницей.

Гордо игнорируя сарказм этого замечания, я оделся, отвязал ялик и поплыл к берегу. Человек уже ждал меня. Не говоря ни слова, он протянул мне небольшой сверток. Я развернул шелестящие газетные страницы. По поверхностной ассоциации я припомнил рассвет в Лондоне, когда в три часа ночи и слегка Навеселе мы завтракали хрустящим картофелем и холодной жареной рыбой, вот так же разворачивая запятнанные жиром газетные свертки. Но на этот раз в свертке был не кусок ската. Из-под распутившихся газетных страниц перед моим изумленным взглядом предстала маленькая, изящных очертаний головка греческой девушки из белой обожженной глины. Ее волосы трепетали на лбу легкой челкой, образовывали летящие завитки над маленькими открытыми ушами и сбегались в узел на затылке. Глаза под тяжелыми ресницами, прямой нос и чуть-чуть приоткрытый рот, едва обнаживший зубы, небольшой округлый подбородок с маленькой щербинкой, которая была единственным дефектом этой безукоризненной в остальном скульптуры.

Зачарованный, я умолил человека сопровождать меня назад, на корабль, на что он согласился с любезной готовностью, и через несколько минут мы поднялись на палубу вслед за Бел, которая как раз вылезала из воды после утреннего купания.

— Что ты скажешь об этом? — И с этими словами я выложил головку на навигационный стол.

— Удивительно! — выдохнула Бел. Я взял аппарат и сфотографировал статуэтку со всех точек.

Позже, за чашкой кофе, наш новый знакомый поделился с нами своими сведениями о древнем Эпидавре:

— Что касается землетрясения, разрушившего город, то сейчас это можно утверждать почти с достоверностью. У многих историков прошлого вошло в привычку связывать любую происшедшую катастрофу, а уж тем более если она уничтожила большинство письменных памятников, с готами. Так эти джентльмены оказались повинными в разрушении доброй половины Эпидавра. На самом же деле португальский епископ по имени Идаций писал в одной из своих хроник о страшном землетрясении, разразившемся в 365 году н. э. на огромной территории в Италии, Германии и Иллирии. Именно это землетрясение — причина катастрофы в Эпидавре.

Такого успеха я не ожидал. Не говоря уже о том, что этот человек соглашался с моей оценкой патологического пристрастия историков валить все на готов, он указал мне на еще одно авторитетнейшее подтверждение гипотезы о землетрясении. Показав ему наши записи и находки, я отвез его на берег, потому что надо было начинать погружения, и смотрел с грустью сердечной, как старческой шаркающей походкой от меня удаляется ионийская головка. Оставалось, правда, утешение, что на фотографии мне как будто удалось схватить выражение безмятежного покоя и все, даже самые мелкие детали. Найденные в этот день амфоры казались мне убогими и скучными по сравнению с тем, что я видел утром. Боже, как медленно тянется время, как нехотя наступает вечер, когда я смогу наконец проявить пленку. И как только мы бросили якорь на ночь, я завесил иллюминаторы и заткнул все дыры в своей «темной» комнате в ожидании великой минуты. Что, если пленка окажется ни к черту? Или я поставил не ту выдержку? А ведь владелец статуэтки уезжал сегодня днем в горы: в случае неудачи мне не на что надеяться! Я кусал ногти. Когда же проклятые химикалии сделают свое дело? Наконец вспыхнул свет,

и я осторожно вынул пленку. Уф, слава бегу, все в порядке: головка смотрела на меня впадинами глаз, четкая до выпуклости, до завитков волос, выжженных на пленке точными прикосновениями проявителя.

Терракотовая женская головка, изваянная много веков тому назад

Я немедленно уселся за письмо Аренду, где описал всю эту историю, и вложил в конверт фотографии греческой головки и схему цавтатского дна с обозначением мест последних находок.

На следующее утро, вдыхая запах кофе, струящийся из камбуза, я вышел, полусонный, на палубу. И вдруг услышал, как кто-то позвал меня с пирса. Посмотрев на часы, я подумал: «Нет уж, сделаю вид, что не слышу!»

Нечего соваться с визитами в такую рань!» Но любопытство взяло верх. Примостившись в тени рубки, я стал разглядывать кричащего в бинокль. Это был д-р Николаичи из музея в Сплите, который нагрянул к нам нежданно-негаданно в ранний час.

— Приготовь еще чашечку кофе, Бел! — крикнул я вниз и прыгнул в ялик, прежде чем у нее было время что-либо ответить. Николаичи приехал осмотреть наши находки, которые, к его великой радости, оказались тщательно пронумерованными и занесенными в каталог. Но надо было заняться и ежедневными делами. Мы заканчивали обследование древней якорной стоянки. А потом еще надо было поднять на борт все те амфоры, что покажутся нам необычными. Процедура подъема большой амфоры произвела на Николаичи огромное впечатление, тем более что это последнее пополнение нашего палубного хозяйства было покрыто темно-зелеными водорослями, на фоне которых пламенел и кричал ярко-оранжевый лишайник. Амфора была признана самой красивой из попадавшихся нам до сих пор, и я не замедлил отметить такой случай, запечатлев ее на цветной пленке.

Ближе к вечеру я отвез Ханса и Николаичи на берег, где они намеревались осмотреть развалины башни. Затем мы встретились в кафе на набережной, где Николаичи дожидался парома в Дубровник. По его словам, башня стояла на одной из городских стен и стена шла в направлении Обода. Интересно, что часть стены, сложенная из больших прямоугольных плит, выпала цельным куском и лежала чуть в стороне от башни под таким углом, под каким она ни за что не могла бы упасть в результате естественного разрушения. Все это еще более утвердило нас в предположении, что главная городская стена продолжалась в направлении Чистой бухты.

А время летело. Николаичи походя обронил, что музей в Сплите весьма заинтересован во всех находках с надписями, и в особенности в найденной нами табличке с нанесенными на нее рисунками древних судов. Амфоры, заверил он, останутся в музее Цавтата. Хранитель музея в Дубровнике, Лукса Беритич, посетит нас и отберет свою долю. Наконец, подразумевалось, что все наши схемы, планы, фотографии будут отправлены в Сплит. Николаичи горел желанием повидаться с д-ром Бенуа и услышать его мнение о различных наших находках. Я обещал ему застенографировать во всех подробностях мнение величайшего из живущих авторитетов и переслать ему в Сплит.

С первым ударом колокола мы ринулись на паром, но застряли где-то на подходе, потому что в тот же момент на трап устремилась еще добрая сотня человек. В суматохе мы потеряли нашего ученого друга, но тут же восполнили потерю, посмеявшись вместе со всеми над печальной участью какого-то незадачливого влюбленного, который вложил в свой прощальный поцелуй столько страстного желания оказаться рядом с любимой, что угодил в воду. С болью в сердце нам пришлось констатировать, что его любимая разразилась при этом ничуть не менее жизнерадостным и громким смехом, чем все остальные.

В тот вечер нам посчастливилось встретиться еще с одним уцелевшим ревнителем древности, который под действием пары стаканчиков ракии изложил этимологию большинства местных названий. Например, Супетар оказался исковерканным вариантом Сан-Петрус Де Медео Маре, церкви, когда-то выстроенной на этом острове. Название острова Мкран образовалось от Сан-Маркус; так назывался монастырь и церковь при нем, руины которой и до сих пор возвышались над островом. По названию церкви Санта Барбара один из островов

получил название Бобара. Однако наиболее загадочной была церковь Святого Стефана, некогда выстроенная в западной оконечности бухты Тихой. Ныне это место известно как Сустепан. За несколько недель до этого мы рыскали долгое время в бухточке поблизости от Святого Стефана, опрашивая всех встречных и поперечных, но никто не помнил, чтобы здесь когда-нибудь была церковь, хотя она и упоминается в работах Артура Эванса. Потом старик рассказал нам о землетрясении 1667 года, которое едва не стерло Дубровник с лица земли. Не имея денег для того, чтобы возвести новый город на месте разрушенного, отцы города обратились к монашескому ордену, основанному в XIII веке, с просьбой предоставить им заем в сто тысяч дукатов. Чтобы понять, что значили в те дни сто тысяч дукатов, стоит лишь вспомнить, что пятидесяти дукатов вполне хватало на то, чтобы снарядить священника в Иерусалим помолиться за усопшую родственную душу, причем большая часть этой суммы шла в пользу церкви. Этот орден, известный как Сокровищница деви Марии, был своего рода средневековой страховой компанией. Когда город был наконец отстроен, заем был оплачен сполна ценою пятидесяти больших зданий и тридцати лавок. Доход от этой операции пошел на создание фонда, из которого всякой девушке, рожденной в границах города и выходящей на этой земле замуж, выдавалось за общественный счет приданое, сумма которого доходила в нынешнем исчислении до трехсот-четырехсот фунтов стерлингов. Помимо этого часть средств выделялась на воспомоществование бедным и целый ряд других добрых дел. Старик поведал нам и еще с десятков не менее трогательных историй, а потом почему-то внезапно заторопился и исчез.

Так кончился этот полный событий день.

Глава XIX

Конец — делу венец

В последующие несколько дней мы добросовестно исследовали все, что имело хоть косвенное отношение к дороге, пролежавшей по дну бухты. В одном месте она представляла прямой, как стрела, отрезок длиной метров в двести, потом внезапно обрывалась, чтобы возникнуть вновь в сгущении водорослей и упрямо идти дальше в том же направлении. У самого берега она снова исчезала, на этот раз без продолжения. Становилось более или менее очевидно, что дорога когда-то связывала Цавтат с Чистой бухтой и что другая улица, пересекавшая ее примерно посередине, начиналась от берега перед гостиницей «Эпидавр».

У нас оставалось несколько дней, поэтому решено было активизировать исследования максимально. Всего пару дней мог пробыть с нами Джеф, а через три-четыре дня после него уезжали Питер и Иден. Погода была капризнее, чем когда-либо, и дышала осенним холодом. Что до меня, то я по горло ушел в свои каталоги и описи наших находок, нанося положение каждой из них на карту бухты.

— Как ты думаешь, сколько всего амфор мы нашли, хотя бы по самой грубой оценке? — спросил я как-то Бел, делая последнюю запись в перечне находок.

— О, трудно сказать, штук пятьдесят, возможно?

— Тогда держись, чтобы не упасть! В моем списке значится триста пятьдесят семь различных вещей!

— Триста пятьдесят семь! Не может быть! — Ис этими словами бдительная Бел проверила весь список от начала до конца.

— М-да, возможно, мы и не нашли золотых статуй, но того, что мы нашли, вполне достаточно, чтобы заставить несколько человек изрядно попотеть! — заключила она. Мы сели в ялик и поспешили к берегу отметить с друзьями этот последний ошеломляющий факт.

За день перед отъездом Питера и Идена я предложил им выбрать место для погружений.

— В гавани старого Эпидавра! — решил за двоих Питер. Пятью минутами позже запыхтела машина, раздалось чавканье компрессора, и мы направились в бухту, где колесили по водной глади взад и вперед, буксируя акваплан, на котором плыли поочередно Питер и Иден. И вот взлетел к небу знакомый клич:

— Сюда-а-а!

Я поспешно бросил якорь на отмеченном месте. Иден взобрался на лестницу.

— Похоже, там абсолютно целая амфора, а вокруг — обломки скал! — сообщил он, вылезая из воды и снимая акваланг. — Я, пожалуй, спущусь еще разок, вот только воздух весь вышел. И, мама моя, какая холодина!

Чашку чая на дорогу, и вот мы вчетвером натягиваем акваланги и один за другим исчезаем в бухте, оставив Ханса в качестве наблюдателя и сторожа. Вода действительно холодна. Даже метрах на трех температура за последние несколько дней разительно упала. Дно, как обычно, — плоская, голая равнина. Конечно же, это была амфора, едва скрытая под тонким слоем грязи. И все же при первом поверхностном осмотре мне показалось, что она чем-то отличается от предыдущих. Я дал сигнал — подплыл Питер с воздушными мешками и перекладиной, и через несколько минут амфора заскользила к поверхности. Предоставив Бел подтащить ее к судну, мы продолжали осмотр дна. Вокруг лежало несколько осколков амфор, но ни один из них не заслуживал того, чтобы быть

поднятым на корабль. А вот и еще одна амфора. Несколько лаконичных движений, и она тоже оказалась на палубе. На всякий случай я ткнул внутрь железным прутом, и стреловидное тело, как взметнувшаяся для укуса змея, едва не рассекло мне лицо. Я увидел перед собой большую мурену. Она была не в духе и, как и всякая мурена в ее положении, стремилась перекусать всех и вся. Сделав пару снимков, я решил вернуть ее в лоно родной стихии и выбросил в море. И тут я увидел на дне амфоры, среди обломков глины и камней, растерзанного осьминога, который и был законным владельцем этого вместительного жилища. Мурена оказалась не только похитителем чужих жилищ, но еще и беспардонным пожирателем их обитателей.

Вскоре поднялся сильный пронизывающий ветер, который вынудил меня отойти поближе к Чистой бухте. Я хотел обследовать небольшую полосу между якорной стоянкой и причалами. Однажды мы уже побывали здесь, но кое-что все же могли и не заметить. И снова — через борт в море. Видимость даже хуже, чем в остальных местах. Пришлось просто-напросто ползти носом по дну в нескольких сантиметрах от слоя грязи. И вдруг кто-то из наших дернул меня за ногу, требуя моего внимания. Это был Питер. Он указал куда-то в сторону и рванулся туда, приглашая меня следовать за ним. Внезапно он остановился у обломка скалы и показал надпись на его шероховатой поверхности. Я подплыл, но облако грязи, поднятое нашими ластами, застлало все вокруг. Эта надпись была подозрительно похожа на одну из тех трещин самых причудливых форм, которые остаются на скалах вследствие ударов волн и порывов ветра. И вдруг до моего сознания дошло, что этот кусок скалы будоражит меня какой-то необычностью, нет не переплетениями трещин, похожими на неведомые письмена, а именно необычностью формы — прямоугольной, с плавными сопряжениями к середине. Я решил выворотить этот обломок, освободить его из тягучих объятий илистого ложа. Решение едва не оказалось роковым, потому что после первых же движений нас окутала непроницаемая пелена; но перед тем, как она сомкнулась, покрыв все вокруг тусклым мраком, я понял, что перед нами часть статуи, торс и голова, примерно в половину натуральной величины.

Мы опрометчиво не захватили с собой воздушных мешков, к тому же Питер исчез в тумане. Я держал

статую в руках, раскачиваясь по окружности, как пьяный, зная, что если отпущу ее, то потом уж не найти. Я отчаянно пытался оторваться ото дна, подпрыгнуть что есть мочи и выбраться на поверхность, но каждый раз валился вниз, словно птица с перебитыми крыльями. Поверх свитера на мне была надета куртка из синтетической кожи. Если мне удастся снять ее и вздеть над собой на манер парашюта, я, верно, смогу вырваться на поверхность.

Обхватив коленями крепко-накрепко новую находку, я начал снимать свою мудреную сбрую. В непроглядной мути, на глубине в двадцать пять метров это, ей-богу, не легко. Я снял пояс с балластом — только благодаря зажатой между ног статуе я не взлетел ракетой в светлеющую высь. Сгиб дыхательного шланга то и дело прекращал доступ воздуха. В конце концов я кое-как выкарабкался из куртки. Наконец цилиндр снят со спины и я почти наверху блаженства.

Я вынул загубник, и воздух устремился под куртку. Но к несчастью, он уходил через миллион микроскопических дырочек в куртке с такой же быстротой, как и поступал туда. Мой «воздухоуловитель» давным-давно отслужил свой срок и, как видно, перестал улавливать воздух раз и навсегда. В то же время баллон заметно опустошался, и вскоре мне уже ничего не оставалось делать, кроме как оставить находку на дне и предпринять еще одну попытку вытащить ее, как только уляжется взъярившаяся грязь. Я осторожно уложил статую, удостоверился, что она возвышается над поверхностью и довольно хорошо заметна на расстоянии, и со слезным вздохом устремился на поверхность.

Все наши собрались на палубе, оживленно обсуждая находку. Скорбным голосом я поведал им о том, что со мной приключилось.

— Ничего страшного, — безмятежно откликнулась Бел, — подожди часок, пока осядет грязь. — И она порхнула к плите приготовить нам чаю. Я тщательно, по компасу засек местоположение статуи по отношению к якорю. В любых других условиях ничего бы не стоило отыскать ее, но совсем иное дело теперь, когда видимость близка к нулю и темнота быстро сгущается. Мне приходилось видеть, и не один раз, как ныряльщики часами шарили по дну, отыскивая крупные, хорошо заметные предметы. Последующий час по унынию, царившему на «Язычнике», здорово напоминал похороны. Становилось поздно, а я и так уже оттягивал погружение, надеясь, что за это время немного поуляжется грязь. Но скоро будет слишком поздно и слишком темно, и тогда прости-прощай наша статуя. Надо поторапливаться.

— Ну что ж, пора! Каждый берет по мешку — одного будет достаточно. Нашедший статую поднимает ее своими силами. Пошли.

Муть как будто немного улеглась: дно довольно хорошо просматривается, если держать нос сантиметрах в двадцати от грязевого слоя. Прошло минут десять, я продрог до костей. Оглядываюсь — слева от меня уже не видно ни Бел, ни Идена. Я обернулся как раз в тот момент, когда они оставили позади себя пышный шлейф воздушных пузырей из мешка. «Они нашли ее!» — согрела меня мысль. Я всплыл на поверхность. Награда за труд лежала уже на палубе, изъеденная моллюсками и другими морскими организмами, с головой, превратившейся в аморфную массу. Да и торс был не в лучшем состоянии. Похоже, что это статуя мужчины, возможно даже атлет в напряженной позе, потому что торс слегка изогнут влево. А вот от рук и ног не осталось ровно ничего.

— Боюсь, он не совсем в хорошем состоянии! — усомнилась Бел.

— Что ж из этого, зато мы нашли статую! — решил Питер. А Ханс не сказал ни слова и начал очищать статую от наростов морской растительности и свалявшихся в войлок мошек. Была ли она украшением затонувшего судна или стояла на набережной древнего города Эпидавра? Как оказалась здесь? Придется кому-то поломать над этим голову. А что уготовано в будущем нашему мистеру Безымянному? Ниша в аккуратном музейном зале или груда обломков, которые видишь столь часто где-нибудь на заднем дворе провинциального музея...

Впрочем, статуя доставила незаурядное удовольствие Питеру и Идену. Это еще вопрос, приходилось ли кому-нибудь из группы подводных исследований Кембриджского университета самостоятельно поднимать на борт находку таких размеров.

На следующий день мы проводили Питера и Идена на паром в Дубровник и снова остались в своем первоначальном числе: Бел, Ханс и я. Впрочем, Ханс уже заказал себе билет на пароход, который отходит из Дубровника через две недели: он пересечет Адриатику и в Бари сядет на неапольский поезд. А мы не торопясь поплетемся в Ибизу, к месту зимней стоянки.

Оставалось и еще одно невыполненное дело — пещера Асклепия. Эксперты, которые должны приехать из Белграда, Сплита и Дубровника для осмотра наших находок, будут здесь не раньше чем через два дня. Так вот он, желанный просвет в работе. На «Язычнике» делать уже нечего: палуба завалена от кормы до носа; все находки, вплоть до последнего черепка, тщательно пронумерованы, сведены в каталоги и покоятся на палубе в аккуратных кучках: ни дать ни взять какой-нибудь лондонский аукцион в день распродажи.

Джонни вызвался помочь и на следующий день встречал меня чуть свет на набережной. Я решил на

всякий случай захватить фотоаппарат, хотя и не собирался много фотографировать. В мои планы входило лишь измерить длину и предельную глубину пещеры. Ханс поджидал нас на набережной, чтобы помочь дотащить амуницию до входа в пещеру. И какое же это было внушительное шествие: впереди Ханс с лампой и связками веревки, за ним Джонни с камерой и большим мешком, потом я с аквалангом подводными факелами и, наконец, Бел, наш славный арьергард, с большой соломенной сумкой, куда обычно складывались покупки и где вместо винограда и помидоров лежали теперь ласты, шноркель и кипа свитеров — мой защитный панцирь от объятий леденящей воды.

Пещера была теперь мне известна досконально и не таила больше никаких загадок, во всяком случае, до того места в дальнем конце большого зала на глубине десяти метров, где темнеющий зев в начале прохода возвещал неизведанность. Впереди, возможно, тупик или еще один зал.

— Уф, наконец-то дотопали! — охнул Ханс, нарушив ход моих мыслей. Груз — с плеч долой, и вот мы стоим отдуваясь.

— Я всегда не любил холмы, — ворчит Джонни. Никто не возражает ему, а я готовлю снаряжение для спуска в пещеру. Вхожу первым и чуть не наступаю на большую жабу: это первый представитель пещерной живности, кроме разве бесчисленных пауков на ножках-ходулях.

Мне на ум приходит рассказ одного рыбака о гигантском угре, якобы живущем на дне пещерного озера. До сих пор это казалось вымыслом — дно было голым, как старческая лысина, без намека на растительность или что-нибудь, чем мог бы питаться угорь. Но эта жаба! Может быть, иногда угорь ловит их

и в достатке разнообразит ими свое меню из пресных пауков.

— Слушай, Джонни! Если я дергаю за веревку два раза, отпускай ее потихоньку, если три — тяни на себя. Несколько рывков подряд означают опасность, тогда все время — на себя, но не быстро, а если чувствуешь — веревка зацепилась, тихо подай назад, чтобы я смог распутать ее.

Я стоял наготове. Фонарь в руке сиял ярко и, оглядевшись вокруг, я погрузился в ледяной кисель. Минуту или две я парил на глубине трех метров, стараясь отрегулировать дыхание. Если дышишь рывками, как перегруженный паровоз, ничего существенного не сделаешь. А вода обнимает ледяной простыней, медленно пронизывает набухшую тяжесть свитеров, но это еще не самое худшее — самое худшее наступит потом, когда тело стянет стальными тисками и придется ждать, пока холодным компрессом не сожмет грудь. И совсем уж невозможно удерживать загубник, когда конвульсивными толчками перегоняют взад и вперед воздух задышающиеся легкие. Потом нагревательная система человеческого тела развивает полную мощность и постепенно нейтрализует ледяное объятие мокрой одежды, дыхание устанавливается и, наконец, все тело превращается в один гибкий, слаженный механизм, готовый к длительному и трудному действию. Надо быть в воде не слишком долго, иначе на это уйдет масса энергии. Для меня лично десять минут — это почти предел при такой температуре. После того как холод вновь охватит все тело, нагревательная система не выдерживает и отключается, мышление туманится и наступает общая дезориентация; а за ближним поворотом поджидают уже тяжелый коллапс и смерть.

Вода не так чиста, как обычно. Вероятно, в пресной воде здесь содержится изрядная примесь морской. Я и

раньше замечал такое явление вблизи пресноводных ключей...Между тем я плыл вперед, к темному проходу. Подплыв ближе, сделал пренеприятнейшее открытие: то, что издали казалось мне широким проходом, на самом деле открылось узким провалом причудливой формы, перегороженным посредине массивным сталагмитом. Войти в проход означало втиснуться в отверстие, обогнув преграду, но хуже всего было то, что, ввинчиваясь в отверстие, я все время ощущал под собой мелкую шероховатость ила. К сожалению, мне было слишком хорошо известно, что это значит — за несколько секунд видимость станет нулевой. Я оглянулся: пелена сомкнулась за моей спиной. Что и говорить, радости мало. На минуту пришлось сосредоточить внимание на расположении сталактитов и сталагмитов, сквозь которые мне придется пробираться на обратном пути. Затем, подтягивая веревку, я стал продвигаться вперед. Глубиномер на запястье показывал семнадцать метров, восемнадцать, двадцать. Вот уже и поворот или, что более вероятно, край пещеры. Теперь надо повернуться и подтянуть веревку, чтобы освободить еще несколько метров. А она, как назло, за что-то зацепилась. Придется завернуть за угол. Глубиномер показывал двадцать два метра. Я обогнул поворот и зажег факел. Бездонный, как ущелье, туннель уходил в темноту. Муть стала плотнее, и на губах чувствовался соленый привкус. Эх, освободить хотя бы метр веревки. Но где там — ее безнадежно заело. Я уперся в стену ногами и бросил на них всю тяжесть напрягшегося тела. И тут мне пришло в голову, что тонкая веревка может не выдержать, а мне это ничего хорошего не сулит. В темноте она была мне единственным поводырем, моей дорогой назад, через разливы грязи. Подумалось, а не отвязаться ли и не попробовать без веревки? Холод давал себя знать. Взгляд на манометр — я пробыл под водой больше, чем

думал. Он показывал около сорока атмосфер. Этого недостаточно, чтобы продвигаться дальше, и чертовски мало, чтобы позволить себе роскошь ошибиться, короче говоря, если случится что-нибудь серьезное, мне вряд ли выкарабкаться. Нет, ошибиться нельзя. Дернул за веревку три раза — сигнал возвращения. Ни ответа ни привета! Дернул снова. Ничего. «Конечно же, эта чертова веревка зацепилась за что-то! Джонни не слышит сигнала!» Надо подтягиваться на обеих руках к выходу из туннеля.

На полпути погас фонарь. С последним его отблеском я взглянул вперед. Облако грязи медленно оседало на дно. Дальше придется плыть в полной темноте. Кажется, из слепого вышел бы неплохой спелеолог! Когда я плыл сюда, в туннеле как будто не было никаких преград. Теперь же мне то и дело попадался то торчащий камень, то острые зубцы сталактитов. Освещать себе путь факелом бесполезно. Мне даже показалось, что, когда он совсем выключен, лучше видно. Время от времени я чувствовал на щеке мягкое прикосновение частичек грязи, такой легкой, что физически ощущал, как она смыкалась над головой, и тогда звук моего дыхания становился сдавленным и резким, словно я дышал под одеялом. Судя по длине веревки, до выхода было уже недалеко. Рано или поздно я все же должен наткнуться на преграду, которая удерживала веревку.

Голова стукнулась обо что-то твердое — неужели стена пещеры? Я выставил вперед руку и ощутил плоскую поверхность. Попытался подняться — и обнаружил над собой какой-то свод, возможно, обрушившуюся глыбу. Очевидно, я оказался в какой-то дыре, опоясанной стенами со всех сторон. Но веревка выведет меня. Я любовно подтянул ее слегка — она уходила вперед под скалу. На минуту, всего на одну минуту овладело мной тоскливое предчувствие, что где-

то впереди обрушилась огромная глыба и преградила мне обратный путь. Но нет, до меня донесся бы звук. Я снова прощупал всю веревку — стало более или менее ясно: веревка зацепилась за выступ в стене, а я прошел под ней. Я подался назад, но ткнулся в другую стену. Мне стало не по себе. Но если мне вообще суждено отсюда выбраться, то только по этой веревке. Извиваясь всем телом — влево-вправо, влево-вправо, я кое-как выполз из-под скалы и почти инстинктивно дернул веревку несколько раз. Против всякого ожидания, она подалась назад и натянулась. «Слава богу! Кажется, Джонни услышал мои сигналы». Но, как говорится, не кричи «ау», пока не вышел из лесу. А я был в самой что ни на есть чаще. Проклятая веревка? Она нежно обвивалась вокруг сталагмитов или кокетливо проскальзывала между ними в узкий просвет, где мне уж никак не протиснуться. Пришлось дать сигнал «трави веревку» и искать дорогу назад. Все же самым худшим был давяще узкий проход впереди; я тщательно огибал преграды, ибо лес сталактитов, свисавших с потолка, ждал — и я знал это — моей малейшей оплошности, чтобы вонзиться в меня остриями своих вершин.

Вдруг я почувствовал что перевалил через хребтовину и устремился вниз по другому ее склону. Теперь я был на дружественной территории. Пальцы тут же ушли в добрую мягкую грязь. Внезапно под пальцами ощутилось что-то твердое, напоминающее кусок дерева, или это просто обломок сталактита? На всякий случай я взял его с собой. Впереди показалось светлое пятно лампы, отбрасывающей на стены уродливые тени. Я включил факел, но он не пробивал мутную пелену взвешенной грязи. И когда через несколько минут я вырвался на поверхность, с какой же радостью я выплюнул загубник и дал зубам вволю наступаться. Потом передал находку Бел.

— Да это же кость! — изумилась она и добавила, что было уж совсем необязательно: — Где ты ее взял?

Ханс немедленно помчался к местному доктору. Мы дожидались его в кафе на набережной, заваленной нашим скарбом, который так и не удосужились перенести на «Язычник». Он явился, благоговейно держа в руках кость: «человечья!» Мы положили кость на середину стола, сидели и смотрели на нее молча. «Я не застал доктора — он ушел ловить рыбу. Зато я повидал мясника, и тот сказал, что это человеческая лапа».

Вот мы и нашли монаха...

Ханс был готов отрядить меня обратно за черепом и остальными костями, но я отговорился тем, что взметнувшиеся осадки теперь не улягутся раньше чем через неделю, а к этому времени нас здесь уже не будет. И еще одна мысль: «А что, если это не преподобный? Возможно, загадочная трагедия времен войны? А если это кость грека или римлянина? Но нет, для этого она слишком хорошо сохранилась».

Отложив в сторону кость, Ханс занялся подсчетами и вскоре объявил, что я был по крайней мере на шесть метров ниже уровня моря. Сама же пещера, по всей видимости, уходит и того глубже. Вполне возможно, что древние греки сделали ее местом поклонения Асклепию именно потому, что часть ее в те годы была над водой. Я подумал о том, что хорошо бы сделать еще одну попытку проникнуть в глубь пещеры, когда вода немного спадет. Наверно, тогда можно будет забраться до самого ее конца. Для более тщательного исследования пещерных осадков следовало бы просверлить отверстие на уровне моря и спустить из пещеры воду хотя бы до этой отметки. Это не так трудно, как кажется на первый взгляд, поскольку склон холма почти так же крут, как и стенки пещеры.

***Автор книги и его жена Бел рассматривают древнюю амфору,
поднятую со дна моря***

...К нашему несказанному удивлению, всего за пять дней до отъезда к нам прибыло пополнение. Первым приехал Джордж Дэвидсон, Невысокий, плотный, как булыжник, Джордж мог похвастаться жизнью, полной странствий и перемен. Будучи родом из Сиднея, он перепробовал буквально все, от стрижки овец в Австралии до службы на каботажном судне-извозчике в

Южной Америке. Теперь ему не терпелось увидеть «эти развалюхи».

В тот же день мы устремились к развалинам греческого судна и к обеду сделали два погружения. Вода была прозрачной, и с высоты метров в шесть на дне довольно ясно проступали очертания старинного корабля: длинный ряд камней — балласт, сложенный некогда в трюме, и амфоры у каждого борта. Бел нашла приземистый глиняный кувшин примерно пятидесяти сантиметров в ширину и сантиметров десяти в высоту, слегка похожий на современную салатницу. Он стал еще одним экспонатом нашей палубной кунсткамеры. Мне хотелось после первого погружения вздремнуть, но Джордж пылал энтузиазмом, и мы снова ринулись в море. Я решил осмотреть то, что мне казалось носовой частью корабля, поскольку она была расположена ближе к берегу. Мы медленно плыли в полутора метрах друг от друга. Миновав последнюю амфору, двинулись вдоль оголенного дна — метр, пять, десять. Вот Джордж приостановился и ухватился за что-то руками. Я придвинулся к нему. На глубине нескольких сантиметров в грязевом слое прощупывался какой-то предмет квадратной формы и довольно тяжелый по весу.

Не было видно ни зги, облако грязи окутало нас целиком. Держа одной рукой находку, другой мы раскапывали грязь, теперь все равно нам уже нечего терять. Стало ясно, что мы нашли плиту из камня или железа. Над поверхностью грязи она возвышалась сантиметров на семьдесят. И вдруг под рукой — квадратное отверстие в плите. Теперь я знал, что это такое — якорный шток — мы нашли один из якорей греческого судна. Несколько минут, чтобы закрепить воздушные мешки, и вот мы медленно всплыли над грязью со своей добычей. Я поскоблил ее ножом — свинец. Вез особых усилий мы подняли ее на борт. Бел

проявила к нашему якорю заметный интерес, но в то же время всем своим видом показала, что это ничто по сравнению с ее кувшином. Я жадно осмотрел свинцовую глыбу в поисках надписей или отметок. Зачастую отметка на штоке помогает установить принадлежность якоря. К сожалению, единственной отметкой на уныло серой поверхности была моя ножевая царапина. Шток весил килограммов сто — сто пятьдесят. Я был в восторге, а Джордж почему-то решил, что такое случается каждый день и не стоит того, чтобы распространяться об этом.

На следующее утро с палубы донесся испуганный крик Джорджа:

— Тедди, а это еще кто?

Я высунул голову из машинного отделения. На набережной стоял атлетически сложенный человек, который размахивал руками, стараясь обратить на себя наше внимание. На нем была яркая рубашка канареечного цвета и синие джинсы, а я знал только одного человека, который завидовал раскраске попугаев, — это мой друг актер Джон Партви. Последний из участников экспедиции прибыл наконец в Цавтат. Он был одним из членов-учредителей нашей «фирмы», но театральный ангажемент задержал его. Последнее письмо Джона было воплем исстрадавшейся души. «Я частично финансирую предприятие, — писал он, — но, боже мой, какой убийственный парадокс — не могу лично участвовать в нем». Теперь, слава богу, он сможет «участвовать», более того, он сможет «участвовать лично».

Первое, что он сказал, едва ступив на палубу и стянув пропотевшую рубашку: «У меня есть всего три дня, и я не намерен упускать ни секунды». К концу дня, после «кругосветного путешествия» в пределах Эпидавра с целью ознакомления новобранца с обстановкой, мы с Джорджем валились с ног от

усталости и едва добрались до своих постелей. Но не успели еще предутренние петухи должным образом продемонстрировать свои вокальные способности, как Джон был уже на ногах и объявил, что пора приниматься за работу. Бел только-только взялась за кофе, а гидравлическая лебедка уже втащила на палубу последние звенья якорной цепи, и Джордж исчез на глубине с доской в руках.

Я поставил ручку на «малый вперед», и мы медленно потащились на середину бухты. Веревка натянулась, и теперь только kloкочущие пузырьки в сотне метров за кораблем показывали, где в это время продирается сквозь заросли наш Джордж.

— Завтрак готов, — объявила Бел. «Очень вовремя, — подумал я, — Джон как раз успеет подкрепиться и сменить Джорджа на акваплане».

— Откуда столько пузырей? — вдруг взволнованно спросил Джон. Я посмотрел за корму... Целый поток пузырей вскипел на поверхности — с Джорджем что-то случилось.

— Бел, к штурвалу!

Я ринулся в каюту. Натянуть одинарный акваланг было делом двух минут. Подплыв поближе, мы застопорили машину. Я выбросил якорь и сам — за борт. Джон погружался вертикально вниз — это было нетрудно установить по шлейфу пузырьков, который поднимался со дна к поверхности совершенно прямо.

Здесь, на пятнадцати метрах, видимость была ничтожной, но пестро-полосатая рубаша Джорджа выделялась довольно ясно. Его загубник выпал, он был без сознания. И поскольку отверстие было теперь выше вентиля, воздух беспрепятственно вырывался из баллона.

Я сунул загубник ему в рот, и в рекордном темпе мы вылетели на поверхность — тут уж некогда думать о декомпрессии. Бел была в воде. Она отстегнула

акваланг Джорджа, в то время как Джон поддерживал его голову над водой. Еще через минуту-две он лежал на палубе, а я делал ему искусственное дыхание. Через четверть часа он охнул, открыл рот и, обильно изрыгая воду, возвратился к сознательному существованию. Причину несчастья было нетрудно заметить: глубокий шрам сантиметров в пять рассекал его лоб, в том месте, где он натолкнулся на что-то твердое.

Уже к полудню Джордж, бережно перебинтованный и закутанный в плед, потребовал, чтобы ему позволили встать и заняться делом. Но он переоценил свои силы и с помощью «больничного персонала» был уложен на койку. Дня через два он чувствовал себя уже сносно, но, поскольку его еще мучили головные боли, а самое главное, экспедиция, по сути дела, закончилась, мы настояли на том, чтобы он улетел в Англию с первым же самолетом.

За день до него уехал огорченный Джон.

Я начал потихоньку разбирать снаряжение и укладывать его в ящики... теперь оно не понадобится нам долго-долго, всю зиму, до следующего сезона.

Глава XX

Диплом

Пришло время вручить наши находки их будущим владельцам. В час дня показался паром из Дубровника. Мы подтянулись к причальной стенке в ожидании прибывающих в Цавтат специалистов, которые должным образом осмотрят и оценят наши находки, разложенные на палубе. После нескольких месяцев работы мы наконец услышим беспристрастный и авторитетнейший отзыв о ней.

Ждать пришлось недолго. Ханс, который уходил встретить паром, показался в отдалении во главе целой процессии.

— Иду-ут, иду-ут, Бел! — крикнул я и осекся при виде плотной толпы.

— Но у меня только восемь чашек! — пожаловалась она. Чай был уже готов: очень важно, чтобы день начался как подобает. И вот они вошли на палубу. Начались долгие взаимные представления. (Ох, не по мне весь этот этикет!) К нам прибыли директор музея Дубровника Залмета Анте, председатель Белградского общества охраны исторических памятников Бранка Скакич, Лукса Беритич, наш стародавний знакомый из музея в Дубровнике, Евген Крстулович и еще несколько археологов, имена которых мне не запомнились. Залмета Анте был буквально сражен некоторыми греческими вазами с надписями. После небольшой перепалки с остальными членами высокой миссии он отложил в сторону четыре из них.

— Бесценно! — сказал он по-французски. — Да-да! Бесценно! — повторил он. — Конечно, нас, археологов, не интересует их коммерческая стоимость. А знаете, —

добавил он, — ведь у нас в музее нет ни единой греческой вазы! Я думаю, мы заберем их все!

Ханс Ван Прааг и Бел Баркер пересчитывают найденные на дне моря греческие и римские монеты

Бел даже немного огорчилась, поскольку она уже начала относиться, по крайней мере, к одной из амфор почти как к своей собственности. Но теперь их

освящали слова, начертанные на стенках пылающими буквами: «Греческая!» и еще — «Бесценная!»

Незаурядный интерес вызвал и еще один глиняный контейнер. Он получил оценку «чудо!» — никто из присутствующих ничего подобного здесь не встречал. Это был еще один удар для Бел, потому что она уже приспособила его в мыслях для хранения вина.

С течением времени я все более убеждался, что мы с нашими находками давно уже перешли на «ты»; для нас вытащить амфору было привычным делом. Но для гостей каждая из них была уникалом. «В этих местах амфор прежде не находили», — пояснил один из них. Это нас удивило. Тем не менее причина ясна: при плохой видимости под водой в этих местах такие вещи не найти без аквалангов. И к тому же некоторые из найденных нами амфор были совершенно новых, неизвестных типов.

Летело время, заполнялись списки, откладывались г. разные стороны амфоры. Договорились, что наши находки будут пока сложены в музее в Цавтате, где их рассортируют по типам и отошлют в Дубровник и Сплит.

Этот день завершился небольшим празднеством. Все мы были очень довольны собой. На следующее утро все еще с тяжелыми головами, но с легким сердцем мы смотрели, как увозят наши находки. Вот и все! Триста пятьдесят семь разнообразных изделий из камня и глины. Палуба опустела, стала голой и чистой, без налипших комков грязи, без сплетенных водорослей. Теперь уж не наступишь на осклизлое тело, вытряхнутое за минуту до этого из мрачной сырости амфоры.

Мы поплыли в Дубровник, чтобы перебраться машину и получить «добро» на отъезд в Италию. Но нет, мы не могли уехать, не взглянув в последний раз на Эпидавр. Поэтому направились не на север, в Адриатическое

море, а на юг, к знакомым местам, чтобы в последний раз бросить якорь в Цавтате.

Стаканчик-другой в кафе на набережной с друзьями и добровольными помощниками, а затем, когда серый рассвет над бухтой зарумянился первым отблеском зари, мы прошли мимо маяка и повернули к острову Мкран и близкой за ним Италии.

Бел приспособила амфору двухтысячелетней давности для сугубо практической цели

* * *

Экспедиция наша была крайне интересной, в чарующей стране, где живет и работает умный, дружелюбный и человечный народ. Я не археолог, и моя книга — вовсе не научное сообщение об Эпидавре. Его в свое время опубликует д-р Аренд Хубрехт из Утрехтского университета в соавторстве с д-ром Николаичи из музея в Сплите. Я просто попытался рассказать об экспедиции и ее участниках, о том, как новые методы неожиданногодились старой как мир науке.

Мы пробыли в Цавтате четыре месяца, откапывая и отмечая для себя все, что имело хоть малейшее отношение к древнему Эпидавру. За это время семнадцать участников экспедиции совершили 1685 погружений. Машина проработала 325 часов, и еще 285 часов стонал и плевался, пыхтел и скрежетал наш трудяга-компрессор. Мы подняли на борт 357 различных находок, из которых пять директор городского музея Дубровника назвал бесценными. Позже мы получили официальное письмо. Вот оно (в переводе с сербского).

Добытые богатства мы сложили на берегу для передачи местному музею

«Отдел охраны исторических памятников Далмации
Господам Ван Праагу и Фалькон-Баркеру.

Отдел охраны исторических памятников и городской музей Дубровника подтверждают, что вышеупомянутые лица в течение нескольких месяцев проводили за свой собственный счет экспедицию на месте древнего города Эпидавр.

По нашим сведениям, это была первая серьезная попытка исследовать древний греческий город; экспедиция проходила на строго научной основе при участии д-ра Аренда Хубрехта из Института археологии при Утрехтском университете.

Все находки экспедиции, а также обнаруженные экспедицией остатки стен являются неопровержимым аргументом в пользу предполагаемого местоположения города Эпидавра, большая часть которого ныне находится под водой. Они помогли по-новому подойти к осмыслению культурного уровня его обитателей...

Д-р ЛУКСА БЕРИТИЧ, директор института».

INFO

Фалькон-Баркер Т.

1600 ЛЕТ ПОД ВОДОЙ. Пер. с англ. А. С. Розенцвейга. М., «Мысль», 1967.

164 с. с плл. и карт. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

902.6

Редактор *Д. Н. Косшинский*

Оформление художника *Б. А. Диодорова*
Художественный редактор *А. Г. Шикин*

Технический редактор *Л. К. Уланова* Корректор *Л. А. Рубина*

Сдано в набор 16 февраля 1966 г. Подписано в печать 2 июня 1967 г. Формат бумаги 84X108¹/₃₂, «Ns 2 Бумажных листов 2,625. Печатных листов 8,82. Учетно-издательских листов 8,51. Тираж 30 000 экз.

Цена 45 коп. Заказ № 1381

Тсмплан 1967 г. № 215

Издательство «Мысль».

Москва, В-71, Ленинский проспект? 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, Ж-54, Валовая, 28

Издательство «Мысль» в 1967-1968 гг. выпускает:

Вернадский В. Биосфера. 25 л. 1 р. 82 к.

Гвоздецкий Н. Советские географические исследования и открытия. 25 л. 1 р. 08 к.

Иванов В. и др. Подмосковные места. Путеводитель. 22 л. 90 коп.

Марков К. и др. География Антарктиды. 27 л. 1 р. 82 к.

Мелвилл Г. Тайпи. Перевод с английского. Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика». 15 л. 95 коп.

М о у с о н Д. Родина снежных бурь. Перевод с английского. 20 л. 1 р. 42 к.

Мурзаев Э. М. Путешествие в жаркую зиму. Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика». 8 л. 28 коп.

Полькен К. Континенты с птичьего полета. Перевод с немецкого. 18 л. 1 руб.

Рабинович В. С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану (о Федоре Каржавине). Серия «Замечательные географы и путешественники». 5 л. 15 коп.

Эйзелин М. Неизведанный Гиндукуш. Перевод с немецкого. Серия «Рассказы о природе». 12 л. 71 коп.

Адабашев И. От камня до мозга. 9 л. 32 коп.

Вронский Б. Тропой Кулика. Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика». 16 л. 71 коп.

Д е ж к и н В. М а р а к о в С. Домик на воде. Серия «Рассказы о природе». 15 л. 75 коп.

Любовцев В., Симченко Ю. Тундра не любит слабых. Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика». 18 л. 73 коп.

На суше и на море. Сборник. Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика». 36 л. 1 р. 50 к.

Носик Б. По Руси Ярославской. Серия «Родные края». 14 л. 78 коп.

Потапов Р. Неведомый Памир. Серия «Рассказы о природе». 12 л. 64 коп.

Сигунов П. Ожерелья Джехангнра. Серия «Рассказы о природе». 9 л. 51 коп.

Федоровский Е. Орлиный услышишь там крик... Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика». 12 л. 64 коп.

Яблоков А. Снежная робинзонада. Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика».

Уважаемые читатели!

О выходе в свет книг издательства «Мысль» вы можете узнавать из сообщений еженедельной газеты «Книжное обозрение».

t-

45 коп.

Иадмтельство «Мысль*»

notes

Примечания

1

Вайда — растение из семейства крестоцветных, листья которого при надлежащей обработке дают темно-синюю краску индиго. (Это и последующие примечания сделаны переводчиком.)

2

Загубник — приспособление из резины на конце дыхательной трубки, которое плотно стискивает зубами пловец, чтобы не пропустить внутрь воду.

Артур Джон Эванс (1851-1941) — выдающийся английский археолог, открывший на острове Крит новую, до него неизвестную доэллинскую культуру — своеобразное звено между классическим Востоком и античным миром, — которая по имени легендарного царя Миноса стала называться Минойской. В 80-х годах Эванс совершил ряд поездок на Балканы.

Теодор Моммзен (1817–1903) — видный немецкий историк, известный своими работами по истории Древнего Рима,

Меру (или группер) — довольно крупная съедобная рыба из семейства окуневых.

Шноркель — дыхательная трубка, изогнутая таким образом, что один конец ее пловец держит во рту, а другой находится над поверхностью воды.

Дельфы — город в Древней Греции. Здесь над расселиной в скале, из которой выделялись одурманивающие испарения, в середине IX века до н. э. был построен храм, где на треноге восседала прорицательница — пифия, избиравшаяся, как правило, из девушек. Одурманенная испарениями, она произносила слова, которые затем толковались жрецами как пророчества.

Корб — морская разновидность пресноводного карпа.

Митраические картины — иллюстрации жизнеописания Митры, бога света, чистоты и правды. Культ Митры был распространен в Древней Греции и Риме до I века до н. э.

Альфред Хитчкок (род. в 1892 г.) — американским кинорежиссер, ведущая фигура в современном кино «ужасов» и мистики.

Стикс — в древнегреческой мифологии — одна из рек подземного царства, обителище душ умерших, служит олицетворением мрака и ужаса.